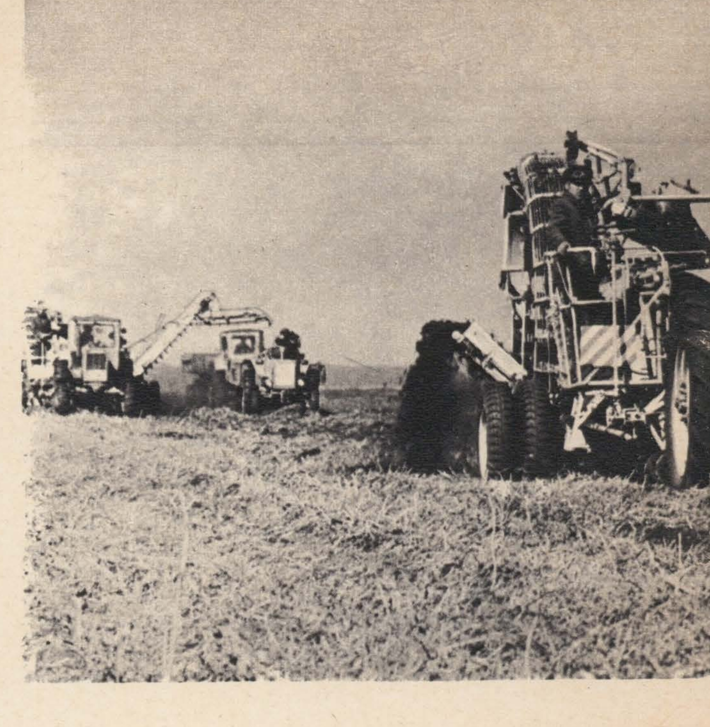
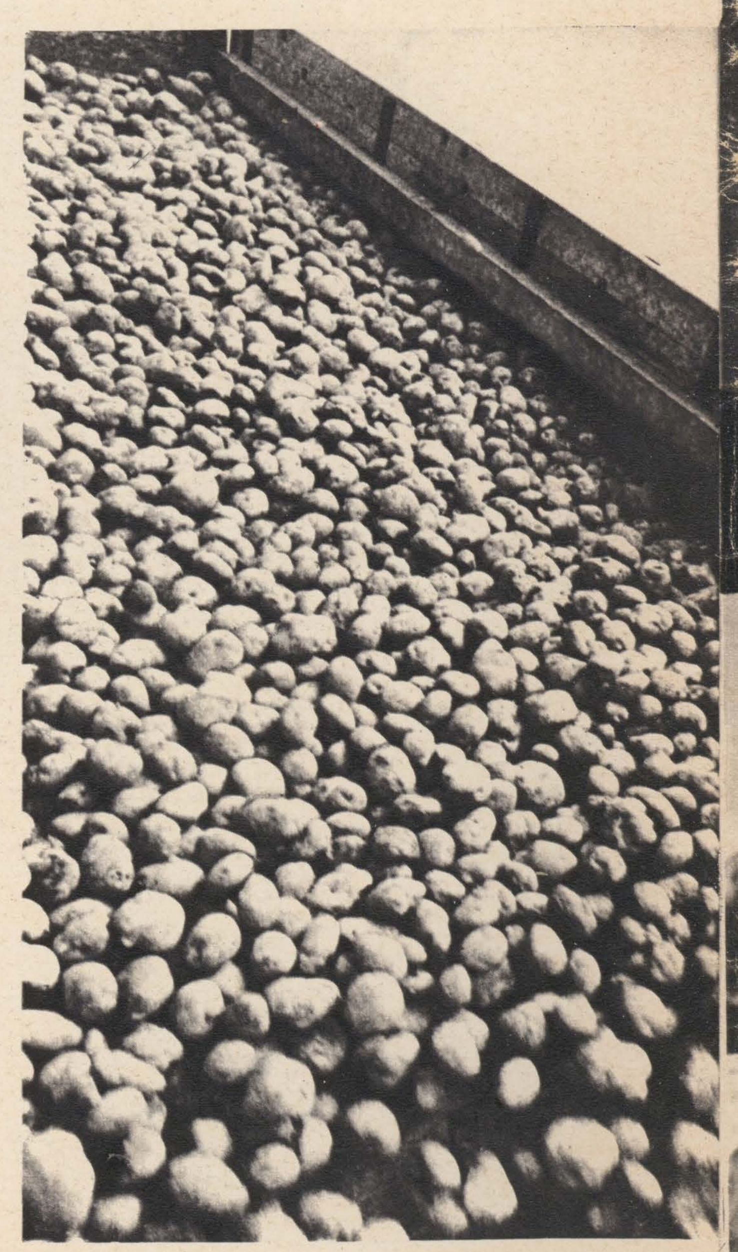

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1979

ХОРОША

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 39 (2724)

22 СЕНТЯБРЯ 1979

Бригадир комплексной бригады Григорий Иванович Драня.

страда

И. ГАВРИЛОВ
Фото автора

Уборка картофеля.

БЕЛОРУССКАЯ БУЛЬБА!

Оставляя за собой густые коричневые клубы торфяной пыли, наш «газик» скачет по проселку. Вместе с председателем колхоза «Россия», Ивацевичского района, Брестской области, Владимиром Константиновичем Яськевичем едем на поля, где работает бригада Григория Ивановича Драни. Это одна из лучших комплексных бригад по уборке картофеля.

— Уже третий год подряд она занимает первое место в социалистическом соревновании. И в этом году опять лидирует — с каждого гектара собирает по 383 центнера отличной белорусской бульбы,— говорит Владимир Константинович.

По огромному полю идут комбайны, рядом с ними трактора тянут прицепы, которые быстро наполняются клубнями. Как только прицеп полон, он тут же отправляется к сортировочному пункту, а на его место моментально встает новый. Ни минуты простоя, четкий ритм. Ипатовский метод в действии.

— Уборка бульбы — пора сложная,— говорит Григорий Иванович.— Урожай вырастили отличный, если по всему колхозу считать, так накопаем не менее одиннадцати тысяч тонн клубней. А убрать все это нужно за двадцать — двадцать пять дней,— вот и работаем по-ударному, в две смены.

От сортировочного пункта отходят груженные картофелем машины. Отсюда белорусская бульба отправляется по самым разным маршрутам — в города Белоруссии, Москву, в Грузию, Узбекистан и даже на далекий северный остров Шпицберген.

...Вечером мы ели национальное белорусское блюдо — драники — пышные, душистые, вкусные картофельные оладьи. Ели и похваливали, уж очень хороша была бульба.

Отправка клубней в Москву.

От Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с глубоким прискорбием извещают о том, что после тяжелой болезни на 57-м году жизни скончался один из видных руководителей международного революционного движения, выдающийся государственный и политический деятель Африки, большой друг Советского Союза, Председатель МПЛА — Партии труда, Президент Народной Республики Ангола товарищ Агостиньо Нето.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС **ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР** **СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР**

Политбюро и Центральному Комитету МПЛА — Партии труда, Революционному совету, правительству Народной Республики Ангола

От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР, Советского правительства, народов СССР и от себя лично выражаем МПЛА — Партии труда, Революционному совету, правительству Народной Республики Ангола, всему ангольскому народу глубокие соболезнования в связи с тяжелой утратой — кончиной Председателя МПЛА — Партии труда, Президента Народной Республики Ангола товарища Антонио Агостиньо Нето, одного из видных руководителей международного революционного движения, выдающегося государственного и политического деятеля Африки, неутомимого борца за мир и дружбу между народами, большого друга Советского Союза.

Агостиньо Нето был одним из организаторов и бессменным руководителем вооруженной борьбы ангольского народа против колониального гнета — борьбы, которая вписала яркую страницу в историю национально-освободительного движения.

С первых дней создания Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА), поднявшего знамя борьбы против колониального режима, А. Нето уверенно вел патриотов Анголы через все испытания к заветной цели — провозглашению Народной Республики Ангола.

Под его непосредственным руководством народ Анголы успешно приступил к строительству новой жизни, добился крупных политических и социально-экономических завоеваний, открывающих путь к строительству общества социальной справедливости.

Убежденный революционер-интернационалист А. Нето неразрывно связывал успехи ангольского народа в борьбе за светлое будущее с укреплением братского боевого союза всех прогрессивных сил современности против империализма, реакции и расизма.

В памяти народов А. Нето, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», навсегда останется как неутомимый и последовательный борец за светлое будущее всего человечества.

В эти скорбные для ангольского народа дни Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР вновь подтверждают твердую линию Советского Союза на развитие братской дружбы и сотрудничества с Народной Республикой Ангола, с МПЛА — Партией труда. Советский народ был и останется верным и надежным другом ангольского народа. Дружба СССР и Анголы, за укрепление которой неизменно выступал А. Нето, отвечает интересам наших народов, интересам борьбы всех народов за мир, национальную независимость и социальный прогресс.

Память о товарище А. Нето навсегда останется в сердцах советских людей. Выражаем уверенность в том, что светлые идеалы, за которые боролся великий сын ангольского народа А. Нето, воплотятся в делах его соратников, в созидательном творчестве миллионов ангольских трудящихся.

Л. БРЕЖНЕВ **А. КОСЫГИН**

ПОСЕЩЕНИЕ ПОСОЛЬСТВА

Советские руководители в посольстве Народной Республики Ангола.

Фото В. Воронина

12 сентября товарищи Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, М. С. Горбачев посетили посольство НРА в Москве в связи с безвременной кончиной Председателя МПЛА — Партии труда, Президента Народной Республики Ангола Агостиньо Нето.

Минутой молчания они почтили память верного сына ангольского народа, одного из видных руководителей международного революционного движения, выдающегося государственного и политического деятеля Африки, активного борца за мир, большого друга Советского Союза и расписались в траурной книге соболезнований.

ДРУЖЕСТВЕННЫЙ ВИЗИТ

11 сентября в Аддис-Абебе состоялись переговоры члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с Председателем Временного военного административного совета и Совета Министров Социалистической Эфиопии Менгисту Хайле Мариамом.

Стороны подчеркнули, что отношения между Советским Союзом и Социалистической Эфиопией успешно развиваются на основе Договора о дружбе и сотрудничестве, который отвечает долговременным интересам советского и эфиопского народов, отражает их приверженность идеалам борьбы против империализма, колониализма и реакции, за мир и социальный прогресс в Африке и во всем мире.

12 сентября в Национальном дворце состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС,. Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с Председателем Временного военного административного совета и Совета Министров Социалистической Эфиопии Менгисту Хайле Мариамом.

Во время встречи, прошедшей в дружественной обстановке, А. Н. Косыгин передал Менгисту Хайле Мариаму и другим эфиопским руководителям, эфиопскому народу сердечные приветствия и поздравления в связи с 5-й годовщиной эфиопской революции от имени Президиума Верховного Совета СССР и правительства СССР, от Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, а также пожелания успехов в осуществлении задач, стоящих перед народом Социалистической Эфиопии.

13 сентября в Национальном дворце Менгисту Хайле Мариам вручил А. Н. Косыгину высший орден эфиопской революции — «Орден февральской революции 1974 года».

Вручая награду, руководитель Эфиопии подчеркнул всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, которая открыла всем народам путь к строительству новой жизни и сейчас помогает им в борьбе против империализма, колониализма, неоколониализма, фашизма и расизма.

Во время переговоров. Телефото В. Будана (ТАСС).

В ответном слове глава Советского правительства поблагодарил за высокую честь, оказанную ему. Я отношу эту награду, сказал он, к нашей ленинской партии, ко всему великому советскому народу.

15 сентября в Аддис-Абебе завершились переговоры члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с Председателем Временного военного административного совета и Совета Министров Социалистической Эфиопии Менгисту Хайле Мариамом.

В тот же день в Национальном дворце состоялось подписание протокола к соглашению между правительством Союза Советских Социалистических Республик и Временным военным правительством Социалистической Эфиопии об экономическом и техническом сотрудничестве от 19 сентября 1978 года, других экономических соглашений.

По окончании церемонии подписания документов А. Н. Косыгин вручил Менгисту Хайле Мариаму в качестве дара Советского правительства бюст великого вождя мирового пролетариата В. И. Ленина.

16 сентября член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин отбыл из эфиопской столицы.

ВЫСОКАЯ НАГРАДА БРЯНСКУ

18 сентября в Брянске состоялось торжественное заседание городского комитета партии и городского Совета народных депутатов, посвященное вручению городу ордена Октябрьской Революции. Этой высокой награды он удостоен за успехи в хозяйственном и культурном строительстве, заслуги в революционном движении, мужество и стойкость трудящихся города в годы Великой Отечественной войны, активное участие в партизанском движении.

В праздничном убранстве Дворец культуры имени 50-летия СССР. В зале — члены обкома и горкома КПСС, депутаты областного и городского Советов народных депутатов, передовики производства, бывшие воины и партизаны, представители общественных организаций, местного гарнизона, гости из подшефных сельскохозяйственных районов, делегации соседних областей России, Украины и Белоруссии, болгарского города-побратима Станке-Димитрова.

Участники заседания с воодушевлением избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

Тепло встреченный собравшимися, с речью выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

М. А. Суслов от имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР приветствовал и поздравил трудящихся Брянщины с награждением города Брянска орденом Октябрьской Революции. Он передал им горячее поздравление, самые добрые пожелания Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева.

Орден Октябрьской Революции, сказал, в частности, М. А. Суслов, символизирует неизменную преданность великим коммунистическим идеалам, верность ленинским заветам, революционную стойкость и самоотверженное служение делу партии, делу народа. И вполне закономерно, что этой высокой наградой отмечен Брянск, трудящиеся которого активно боролись за победу Октября, всегда шли в первых рядах строителей новой жизни, не раз показывали высокие образцы служения социалистической Отчизне, мужества и героизма в борьбе с иноземными захватчиками.

М. А. Суслов огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении города Брянска орденом Октябрьской Революции и под бурные аплодисменты собравшихся прикрепил награду к знамени города.

На заседании выступили: первый секретарь Брянского горкома КПСС А. Ф. Войстроченко, наладчик завода дорожных машин Герой Социалистического Труда Н. А. Старостин, бывший партизан Герой Советского Союза А. И. Ижукин, депутат Верховного Совета СССР звеньевая механизированного звена совхоза «Воронокский» Л. Ф. Новикова, командующий войсками ордена Ленина Московского военного округа генерал армии В. Л. Говоров, генеральный директор объединения «Брянский машиностроительный завод» Г. П. Буров, первый секретарь Брянского обкома КПСС Е. И. Сизенко.

С большим подъемом участники торжественного заседания приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу Л. И. Брежневу.

Во время вручения награды. Телефото В. Кошевого и В. Углика (ТАСС).

ТАМ, ГДЕ ВСЕГДА ЛЕТО

В самой южной части азиатского материка длинной полоской Малаккского полуострова, дотянувшегося почти до самого экватора, лежит одна из интереснейших стран Юго-Восточной Азии, Малайзия. Вернее, здесь расположена лишь ее западная часть. Восточная половина находится на острове Борнео, и их разделяет 750 километров Южно-Китайского моря.

Благодатны земли Малайзии. Обилие солнца и влаги способствует буйной растительности — около 70 процентов территории покрыто лесами, где еще можно встретить и тигра, и леопарда, и диких слонов, и даже носорогов. Недра страны богаты полезными ископаемыми, среди которых олово занимает первейшее место. Славится Малайзия своим каучуком.

Вероятно, эти богатства, а также выгодное стратегическое положение страны издревле привлекали к себе внимание чужеземных захватчиков. Еще в 1511 году один из главных городов на берегу Малаккского пролива был захвачен португальцами. Впоследствии здесь побывали и голландцы, и в конечном итоге страна оказалась под властью английской короны.

Ныне Малайзия — независимое государство. Из более чем 12-миллионного населения подавляющую часть составляют малайцы или близкие им этнические группы. Это в буквальном смысле слова молодая нация, где 45 процентов населения еще не достигли 16 лет.

Сейчас Малайзия осуществляет свой третий пятилетний план, одной из главных целей которого, как отмечается в официальных публикациях, является «снижение уровня бедности», особенно в сельской местности.

Малайзия провозгласила в качестве одной из основ своей внешней политики стремление к миру и сотрудничеству со всеми народами, независимо от их политической системы. На международной арене она выступает против колониализма и расизма, за региональное сотрудничество и приверженность принципам и целям ООН.

В Советский Союз с официальным визитом прибыл премьер-министр Малайзии Хуссейн Онн. Этот визит послужит новым вкладом в укрепление дружеских отношений между двумя государствами и их сотрудничеству на благо всеобщего мира.

Ю. ПОПОВ

На снимке: столица Малайзии Куала-Лумпур. Здание государственного банка.

ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Леонид КОРЯВИН

Эфиопия... Древняя африканская страна... Как часто на Западе хотели представить ее лишь экзотическими зелеными холмами Африки, затерявшимся на континенте таинственным диким заповедником, где время остановилось, а народ словно уснул на рубежах давно минувших веков. Так хотели на Западе.

Но мы помним другую Эфиопию, страну смелых и мужественных людей. Мы помним исторические кадры кинохроники 30-х годов — кадры схваток эфиопских бойцов с ордами итальянских фашистов. Весь мир, затаив дыхание, следил тогда за борьбой мужественной Абиссинии, как и за смертельной схваткой испанского народа с фашизмом.

Мы знаем сегодняшнюю Эфиопию, где произошли исторические события, выведшие эту древнюю страну на путь новой жизни. Уже стали крылатыми слова «года спорят с веками», когда мы говорим о судьбе пробудившихся народов Азии, Африки, Латинской Америки. И Эфиопия, где столетия господствовал феодально-монархический режим, бросила смелый вызов старому времени, волею народа перевела стрелки часов своей истории и стала гордо отсчитывать годы новой, свободной жизни.

Их всего пять. Да, только пять лет минуло с того дня, как народ сверг монархию и в стране победила национально-демократическая революция, но за это время Эфиопия прошла такой путь, который был не под силу целым поколениям. Проведена антифеодальная аграрная реформа, национализированы банки, страховые компании, основные промышленные предприятия. А это создало предпосылки для развития национальной экономики страны. Для того, чтобы организовать массы и поднять их на проведение насущных революционных преобразований, созданы народные органы самоуправления: на селе — крестьянские ассоциации, в городах — ассоциации городских жителей. Они выполняют административные и хозяйственные функции, играют большую роль в борьбе с контрреволюцией.

Основные усилия народа сосредоточены сейчас в области экономического и культурного строительства, сельскохозяйственного производства. Как все новое, революционное, правое дело пробудившейся Эфиопии неодолимо. Но ему приходится преодолевать сопротивление сил вчерашнего дня, вести борьбу с происками империализма и реакции. Эфиопский народ, провозгласив лозунг «Революционная родина или смерть!», твердо и героически отстаивает свою революцию, независимость и единство от внешних и внутренних врагов.

Советско-эфиопские отношения имеют хорошие традиции, и советские люди дорожат ими. Они были подняты на новую качественную ступень заключением в прошлом году между нашими странами Договора о дружбе и сотрудничестве. Как говорил Леонид Ильич Брежнев, «после рождения Социалистической Эфиопии между нашими странами утвердились отношения тесной дружбы и всестороннего сотрудничества. В их основе — общность интересов социалистических государств и развивающихся стран, стремление объединить усилия в борьбе за независимое развитие народов и социальный прогресс, за прочный мир, против агрессии и гонки вооружений».

С радостью за свое будущее, с гордостью за проделанный путь отпраздновала Эфиопия пятилетие победы своей революции. Когда по Аддис-Абебе прошли праздничные колонны демонстрантов, они, среди других, пронесли лозунги, приветствовавшие Советский Союз, в лице которого широкие народные массы Эфиопии нашли подлинного друга. Новым подтверждением крепнущего сотрудничества двух наших стран явился визит в Эфиопию члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, который принял участие в праздничных торжествах и имел встречи и беседы с эфиопскими руководителями.

Отношения первой страны победившего социализма с пробудившимися странами Азии, Африки, Латинской Америки — это отношения нового типа, базирующиеся на общности интересов народов, борющихся за свободу и демократию, за мир и социальный прогресс. Наша страна радуется, что народы, сбросившие иго колониального господства, сами пишут свою историю. И в этой книге нового времени пробудившихся континентов немало ярких страниц вписано народами Арабского Востока. Его прогрессивные силы ведут мужественную борьбу против империализма, сионизма и внутренней реакции. Яркий пример тому — Народная Демократическая Республика Йемен, которую также посетил на днях член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Во время состоявшихся встреч и бесед с руководителями демократического Йемена вновь было продемонстрировано взаимное стремление наших стран и народов крепить и развивать плодотворное сотрудничество, нашу дружбу.

Вглядываешься в политическую карту планеты и видишь новые контуры Африки, Ближнего и Среднего Востока, Азии и других районов. Когда-то они были окрашены однообразными пятнами колоний, подмандатных территорий, всяческих сфер «империалистического влияния». На их месте теперь на новой карте мира запестрел яркий спектр молодых независимых государств, с которыми нашу страну связывают тесные узы дружбы и сотрудничества. Народы мира видят в Стране Советов искреннего друга, ибо он строит свои отношения с ними на принципах пролетарского интернационализма, принципах равенства и взаимного уважения.

США

«ПОЖАРНАЯ КОМАНДА» ПЕНТАГОНА

Над Персидским заливом нависла тень Пентагона. В США, где всегда рассматривали этот район как богатейшую «нефтяную кладовую», как важнейший стратегический рубеж на мировых перекрестках, вновь раздаются угрозы «применить силу» в отношении нефтедобывающих стран при определенных «критических ситуациях».

В Соединенных Штатах создается так называемый «корпус быстрого реагирования», предназначенный для действий на Ближнем Востоке и в районе Персидского залива. Как сообщила французская газета «Монд», начальник штаба армии США генерал Роджерс заявил, что Пентагон создает для этих целей специальный военный корпус численностью 110 тысяч человек. Эти силы будут состоять из сухопутных, военно-воздушных и военно-морских подразделений. Они смогут действовать совершенно автономно в течение 60 дней. Официальные лица подчеркивают, что корпус будет направляться на театр военных действий, имея точные и определенные цели.

США продолжают форсировать работы по модернизации и расширению своей военно-воздушной и военно-морской базы на острове Диего-Гарсия в Индийском океане.

Как сообщают недавно побывавшие там американские журналисты, остров на глазах превращается в крупнейший американский опорный пункт в этом стратегически важном районе. Расширение морского порта позволит ему одновременно принимать до десятка крупных военных кораблей, не считая авианосца. Именно с базы Диего-Гарсия будут действовать части спешно сколачиваемого сейчас в США «корпуса быстрого реагирования».

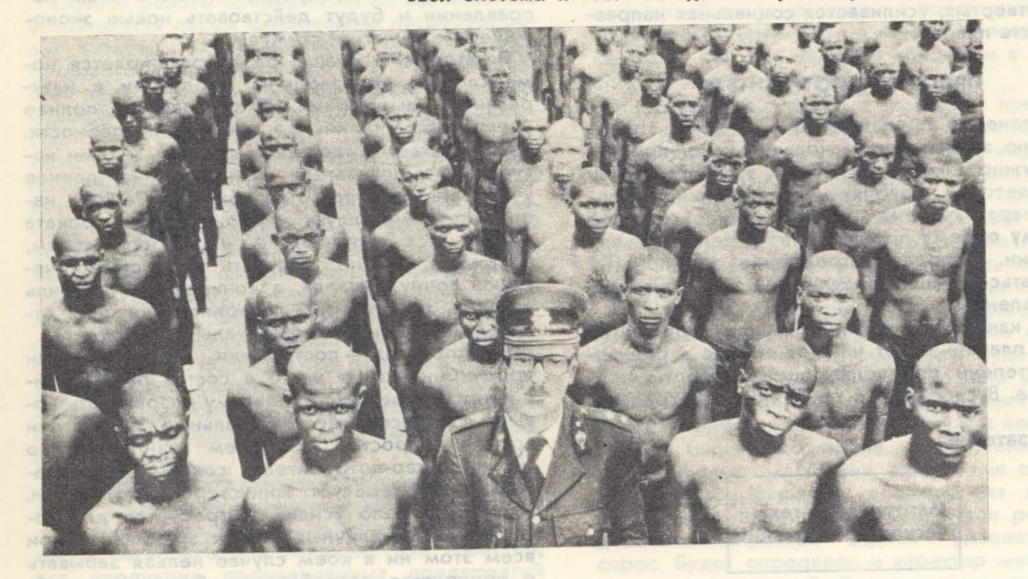

На снимке: американские солдаты во время тренировки в пустынном районе штата Калифорния в условиях, напоминающих Ближний Восток и район Персидского залива.

СТРАДАНИЯ И ГНЕВ ПОРАБОЩЕННОГО НАРОДА

ЮАР

Рекруты расистов. Тысячи черных африканцев призывают в армию Южной Африки, чтобы подготовить карателей, безжалостно и хладнокровно уничтожающих своих соотечественников. Для этого у расистов есть своя система и своя методика. Борьба против африканцев руками африканцев — это и удобно и дешевле. Командовать все равно будет белый расист.

Беспрестанное увеличение вооруженных сил требует новых и новых солдат. К воинской повинности привлечено все белое мужское население страны. Под ружье призывают женщин, многие ребята уже со школьной скамьи приписываются к регулярным воинским частям и в каникулы проходят военную подготовку.

Все неуютнее чувствуют себя расисты Южной Африки. В бастионе расовой ненависти зреют гроздья гнева. Иоганнесбургская газета «Файненшл мейл» писала, что «с быстрым приближением к концу правления меньшинства в Родезии и Юго-Западной Африке ЮАР сейчас все активнее готовится к последней битве белого человека».

В ответ на ширящуюся по всей стране борьбу патриотов расисты прибегают ко все более варварским методам. Сотни людей арестованы и подвергаются пыткам. Хватают всех, на кого падает хотя бы малейшее подозрение в связях с Африканским национальным конгрессом. Сотни политических заключенных томятся в тюрьмах. Полиция сбилась с ног, пытаясь раскрыть подпольную сеть освободительного движения и подавить народный протест.

Три процента населения ЮАР постоянно находятся под арестом. В это число не входят заключенные, которых полиция арестовала для «допроса», что происходит часто и незаконно. По данным агентства Франс Пресс, каждые четыре дня расисты казнят минимум одного человека.

Жестокость расистской системы подавления, пожалуй, никогда еще не проявлялась столь очевидно, как на современном этапе освободительной борьбы, начавшейся с восстания в Соуэто в 1976 году. С тех пор погибло более тысячи борцов. Вся вина этих жертв состояла в том, что они хотели ликвидации расистской системы в Южной Африке.

На снимке: черные рекруты во главе с белым офицером на сборном пункте.

ПАНОРАМА
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ПАНОРАМА

АФГАНИСТАН

НЕОПРОВЕРЖИМЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

В одном из залов отеля «Интерконтиненталь» в Кабуле недавно была организована необычная выставка. Десятки автоматов, гранат, взрывных устройств, подрывной литературы, документы, изъятые властями у контрреволюционных банд, свидетельствуют о широком заговоре внутренней и внешней реакции, действующей при поддержке империалистических кругов и Китая против Демократической Республики Афганистан.

Это оружие, боеприпасы американского, английского, китайского и пакистанского производства должны были быть применены против трудового афганского народа, вставшего на путь строительства новой жизни. Сотни листовок, подрывной литературы реакционеров раскрывают цели и задачи контрреволюции, во главе которой стоят бывшие феодалы и эксплуататоры, пытающиеся террором и насилием вернуть утерянные позиции. Многочисленные фотографии, демонстрировавшиеся на выставке, рассказывают о методах контрреволюции — это взорванные мосты, по которым поставляются продукты питания и товары первой необходимости в отдаленные районы, больницы, школы, где учатся дети рабочих и крестьян. Таков облик коварных врагов афганской революции, на защите которой зорко стоят подлинные патриоты страны.

На снимке: в зале выставки.

«Международная панорама» подготовлена по материалам ТАСС, журналов «Штерн» и «Пари-матч».

ЗАМЕТКИ ЖУРНАЛИСТА-ЭКОНОМИСТА

НОВОЕ В ХОЗЯЙ

Виктор ФИЛИППОВ

III

Автор, заместитель главного редактора «Экономической газеты», комментирует принятые недавно постановления партии и правительства по совершенствованию хозяйственного механизма, делится мыслями о проблемах практической реализации этих решений.

Мы уже рассказывали о планировании по-новому, о системе планов, условиях, создаваемых для повышения технико-экономической обоснованности планов, их стабильности, сбалансированности [1].

Серьезной «модернизации» подверглась и система плановых показателей.

СИСТЕМА ПЛАНОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Проблема эта имеет принципиальное значение. С помощью экономических показателей составляются планы, контролируется их выполнение, выявляются резервы роста эффективности производства. Показатели призваны ориентировать трудовые коллективы на достижение определенных целей, намеченных рубежей. Каждый показатель характеризует какую-то одну сторону хозяйственной деятельности, но это не значит, что он автономен, не связан с другими. Рост производительности труда, например, является решающим фактором увеличения объема производства. А от обоих этих показателей, в свою очередь, зависит себестоимость продукции. А от нее — прибыль, рентабельность предприятий. И так далее.

Сложность задачи заключается в том, чтобы выбрать такие критерии, которые позволили бы наиболее объективно оценить работу предприятий, их вклад в удовлетворение потребностей общества. И тут, как показал опыт, не может быть единого ориентира. Хозяйственная деятельность предприятия (объединения) разнообразна, и чтобы ее спланировать, нужны показатели, отражающие все это разнообразие. Нужна система показателей. Вот как она выглядит:

Система плановых показателей

Производство	Материально-техническое обеспечение
Капитальное строительство	Труд и социальное развитие
Внедрение новой техники	Финансы

Но в любой системе показателей существуют «ведущие звенья». На их основе организуется моральное и материальное стимулирование, оценивается работа предприятий. Они-то, эти звенья, во многом и определяют основную направленность деятельности предприятий.

Новая система показателей и ее ведущие звенья будут ориентировать предприятия и объединения не на количественный рост объема производства, а на эффективность и качество, на достижение конечных, нужных народному хозяйству результатов. Это не значит, конечно, что впредь общество не будет заинтересовано в увеличении объемов производства. Но оно не самоцель, а лишь средство удовлетворения тех или иных общественных и личных потребностей.

Так вот, по всем шести разделам системы (а в каждом из них от трех до пяти конкретных показаний) внесены довольно значительные коррективы. В чем их суть?

Во-первых, резко повышается значение натуральных показателей. Выполнение поставок по хозяйственным договорам становится «первой заповедью» предприятия, мерой оценки его деятельности.

Во-вторых, впредь на большинстве предприятий планируемый рост выпуска продукции и производительность труда будут определяться не по валовой или реализуемой продукции, а по нормативной чистой продукции. О сути этого относительно нового показателя разговор впереди.

В-третьих, еще бо́льшую роль, чем раньше, будут играть показатели, характеризующие рост эффективности и качества (производительность труда, рост продукции высшей категории качества, снижение себестоимости продукции, снижение материальных затрат и т. д.).

В-четвертых, усиливается социальная направленность планов.

ПРИОРИТЕТ ПОТРЕБИТЕЛЯ

В плане **по производству** каждому предприятию записывается, сколько и какой продукции нужно изготовить. Объем этой продукции измеряется и в рублях и в натуральной форме. Старая система предпочтение отдавала **общему объему** производства в денежном выражении. Отсюда и стремление предприятий добиваться лучших результатов именно в этом направлении.

«На какую сумму изготовили продукции сверх плана?» Ответ на этот вопрос в решающей степени определял оценку работы коллектива. В свое время такой подход играл положительную роль. Но сейчас, когда движение вперед характеризуется не только количественным ростом, «валовой» подход ничего, кроме вреда, не приносит. Объемные стоимостные показатели уходят на второй план. Одним из «ведущих звеньев» становится оценка по выпуску **конкретной продукции** — продукции, нужной потребителю. «Приоритет потребителя» — так я бы назвал эти изменения в системе плановых показателей. Это новое хорошо просматривается в хозяйственном механизме.

Во-первых, потребитель будет активно влиять на формирование плана поставщика. Он лучше знает, какая продукция ему нужна.

Кто он, этот потребитель? Если речь идет о продукции производственно-технического назначения, то тут слово за предприятиями, за объединениями, в которые они входят. Если речь идет о товарах народного потребления, то полпредом потребителя являются органы Министерства торговли. Они призваны защищать интересы населения.

Поставщик и потребитель должны установить деловые контакты уже на стадии разработки проекта пятилетнего плана, до того, как план станет директивой. Не нужно быть пророком, чтобы сказать: да, контакты эти не будут бесконфликтными. Сейчас нередко бывает, что потребителю выгодно получить от поставщика данный вид продукции, а тому его выпускать невыгодно. Сила нового хозяйственного механизма в том и заключается, что он имеет звенья, которые смягчают остроту конфликта, ликвидируют его базу — разновыгодность различных видов продукции. Ориентир для всех будет один — конечные народнохозяйственные результаты. Вопрос заключается в том, чтобы осуществить на практике чрезвычайно важный принцип: «Все, что выгодно обществу, должно быть выгодно отдельному предприятию». В этом направлении и будут действовать новые экономические рычаги и стимулы.

Во-вторых, в планах резко расширяется номенклатура производства продукции в натуральном выражении. Это позволит полнее учесть общественные и личные потребности. Предполагается усовершенствовать и сами натуральные показатели. Они должны полнее учитывать интересы потребителя. Сейчас, например, в металлургии производство проката планируется в тоннах. А машиностроителям, например, важно получить не «статистическую» тонну металла, а конкретный профиль проката, тот, который позволит уменьшить отходы, повысить производительность труда.

Предприятия — поставщики и потребители продукции входят часто в состав разных министерств и ведомств, поэтому разработать новые прогрессивные натуральные показатели совсем непросто. То, в чем заинтересовано министерство-потребитель, совсем не обязательно заинтересует министерство-поставщик. Видимо, немало усилий потребуется для согласования различных точек зрения. Но при всем этом ни в коем случае нельзя забывать о приоритете потребителя, об интересах общества.

Работа по совершенствованию натуральных показателей должна быть проделана Госпланом СССР и министерствами в кратчайший срок. Ведь одиннадцатая пятилетка не за горами. Предстоит **уточнить планируемую номенклатуру,** распределить ее по всем «этажам» управления. 12 миллионов — примерно столько различных наименований продукции выпускается сейчас в стране. Как видите, работа предстоит нелегкая, но крайне важная для успешного действия нового хозяйственного механизма в целом.

В-третьих, интересы потребителя будут защищены хозяйственным договором. Мы не говорим о поставщике. Его интересы договор и ныне неплохо защищает. (Поставщик на практике нередко диктует свои условия потребителю). Договоры предполагается заключать на базе заданий пятилетнего плана. В них нужно четко определить обязательства сторон, особые условия поставок продукции. Каким быть пятилетнему договору? Как учесть в нем новое в хозяйственном механизме? Задача тоже не из легких. Решать ее Госснабу СССР и Госарбитражу. Времени не так уж много отпущено.

[1] См. «Огонек» №№ 35 и 37.

СТВЕННОМ МЕХАНИЗМЕ

Выполнение хозяйственного договора станет главным критерием оценки работы предприятий и объединений. Напомним соответствующий пункт постановления: «Производить оценку результатов хозяйственной деятельности производственных объединений (предприятий) промышленности, а также их экономическое стимулирование исходя прежде всего из выполнения планов поставок продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по номенклатуре (ассортименту) и в сроки в соответствии с заключенными договорами (заказами), повышения производительности труда, улучшения качества продукции и роста прибыли (в отдельных отраслях — снижения себестоимости)».

Как видите, и методы оценки деятельности трудовых коллективов будут ориентировать не на увеличение общего объема производства в денежном выражении, а прежде всего на точное выполнение договорных обязательств, на улучшение показателей эффективности и качества. Это выгодно любому предприятию. Ведь в конце концов поставщик одновременно является и потребителем чьей-то продукции.

Оценка работы предприятий по выполнению обязательств перед смежниками потребует более четкой, более слаженной работы всего трудового коллектива. Нужна и психологическая перестройка, изменение логики поведения некоторых членов коллектива. Ведь обязательства перед «смежниками», а их надо понимать широко, в новых условиях должны выполняться на всех стадиях производства, во всех его звеньях. Любое нарушение ритма, срыв сменных заданий, брак — все это будет особенно нетерпимо. Хорошо сказал один из инициаторов почина «Пятилетке качества — рабочую гарантию», лауреат Государственной премии СССР бригадир кузнецов Николай Васильевич Метелкин: «Давайте, не снижая требовательности, перейдем от взаимных претензий к взаимной помощи в труде, к творческому сотрудничеству». Новыми гранями засверкает и почин горьковчан «Ни одного отстающего рядом».

В-четвертых, усиливается значение показателей качества продукции: в какой мере она способна удовлетворять те или иные потребности, насколько она надежна? Как известно, вся продукция промышленных предприятий делится на три категории качества: высшую, первую и вторую. Показатель **«Рост производства продукции высшего качества»** ориентирует предприятие на увеличение выпуска продукции со Знаком качества. Это выгодно потребителю. Это будет выгодно и поставщику, поскольку в новых условиях именно от этого зависит размер поощрительных фондов. Хозяйственный механизм должен побудить предприятия быстрее снимать с производства продукцию второй категории качества, то есть устаревшую. И тут виден приоритет потребителя.

КТО В ОТВЕТЕ ЗА ДЕФИЦИТ!

Каждый из нас сталкивается с этим явлением: вдруг с полок магазинов исчезают товары, которые совсем недавно были в достатке. «Исчезает» иногда и продукция производственного назначения. Много лет, например, завод не испытывал нужды в каких-то деталях. Но неожиданно они стали дефицитом. Вот и приходится посылать «толкачей», перевозить детали самолетами, штурмовать план в последние дни месяца. Не дешево все это обходится. О возникновении дефицита пишут газеты и журналы, не раз писал об этом и «Огонек».

Причина таких явлений чаще всего ни с какими экономическими закономерностями не связана: не учли изменения спроса, новую продукцию не освоили, а старую сняли, понадеялись на «соседа». Иными словами, кто-то вовремя как следует не подумал. Но обратите внимание, почти ни в одной корреспонденции о дефиците не называется фамилия человека, ответственного за образование дефицита. И это не случайно, ведь нужную продукцию, ставшую дефицитной, выпускает не одно, а десятки, а иногда и сотни предприятий. Попробуй разобраться, кто же виноват.

«Конструкторы» нового хозяйственного механизма обратили внимание на это обстоятельство и в соответствующие звенья внесли коррективы: расширили планируемую номенклатуру, ввели строгую ответственность за выполнение хозяйственных договоров.

Есть и такое звено, которое, как мне кажется, должно коренным образом изменить положение дел. В комментируемом нами постановлении сказано: «Установить, что ответственность за удовлетворение потребностей народного хозяйства и населения в продукции необходимого ассортимента и качества несет министерство, которое является головным в производстве данной продукции».

В ближайшее время в порядке практической реализации требований постановления будут подготовлены и утверждены нормативные акты, методики, инструкции. Одна из инструкций будет, видимо, посвящена проблеме ответственности. Инструкции пока еще нет. И кто ее будет составлять — тоже пока неизвестно. Поэтому попробуем нарисовать контуры этого документа, каким он нам видится.

В постановлении говорится об ответственности министерств за удовлетворение спроса. Это не значит, что ответственность будет нести только министр. В министерстве есть руководители отделов, управлений, начальники и генеральные директора объединений. На кого конкретно будет возложена ответственность — скажут министры. Но они, видимо, не обойдут вниманием названных должностных лиц. А главное — создадут им условия для решения довольно непростой задачи — удовлетворить спрос. Будет определен и характер межминистерских отношений. Ведь отвечать придется за действие предприятий и не входящих в «свою» систему. Как это сделать — подумают министерства.

И вырисовывается в нашем воображении такая картина: крупный универмаг. Неудовлетворенные, без покупки выходим мы из торгового зала. И здесь наше внимание привлекает экран информационного устройства, похожего на телевизор. Нажимаем нужные клавиши. На экране дисплея, так называется это устройство, появляется текст: «За дефицит нужного вам товара промышленного изготовления отвечает директор такого-то объединения. Он принимает такие-то меры и решит проблему в такой-то срок». И на экране появляется фотография человека, испортившего вам настроение.

Технически в условиях автоматизированных систем управления — а их у нас в стране с каждым годом становится все больше и больше — сделать все это не так уж сложно. Другой вопрос. Нужно ли иметь ЭВМ в каждом крупном магазине? Быть может, лучше установить дисплеи в другом месте, например, в комитете народного контроля. Решать — авторам будущей инструкции.

В конце концов дело не в формах контроля. Главное — установить строгую персональную ответственность за удовлетворение спроса **по каждому виду** промышленной продукции. Кое-какой опыт в социалистических странах есть. В Госплане ГДР, например, мне показали несколько толстых книг с перечнем товаров и названием организаций, ответственных за их производство. В наших условиях количество томов будет во много раз больше, но на такой «бюрократизм» можно пойти.

О роли торговых организаций, их ответственности за удовлетворение спроса — разговор особый.

ОРИЕНТИР — ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Третий показатель плана по производству — **нормативная чистая продукция.**

В чем его суть? Чем он отличается от ранее действовавших — «валовая продукция», «реализуемая продукция»? Новый показатель определяет вклад каждого предприятия в увеличение национального дохода страны. Он отражает не всю стоимость продукции, как это было раньше, а лишь вновь созданную, то есть без учета затрат прошлого труда. В объем нормативной чистой продукции не включается стоимость сырья и материалов, купленных полуфабрикатов и комплектующих изделий, другие материальные затраты.

Покажем это на упрощенном примере. Допустим, что завод изготовляет машину, оптовая цена которой 1000 рублей. Она складывается из затрат на заработную плату (250 рублей), стоимости материалов и комплектующих изделий, полученных от смежников (650 рублей), и прибыли (100 рублей).

Если исходить из прежних показателей (валовая и реализуемая продукция), то в объем производства включается вся стоимость изделия — 1000 рублей. И руководителю трудового коллектива — будь то директор объединения или начальник цеха — выгодно делать такие машины, выпускать такие товары, которые стоили бы подороже, использовать более дорогие изделия, полученные от смежников. Теперь же материальные затраты на приобретение материалов, деталей, всего того, что создано трудом других коллективов (650 рублей), в расчет не принимаются. Нормативная чистая продукция составит уже не 1000, а 350 рублей. В объем включается **лишь то, что создано усилиями своего трудового коллектива.** Теперь уже нельзя будет искусственно увеличить объем продукции за счет применения дорогостоящих материалов и покупных изделий. Новый показатель, конечно, не сразу начнет действовать. Нужна большая подготовительная работа.

Отметим еще одно обстоятельство. В плановом механизме предусмотрен тщательный учет специфики производства. Ведь условия-то разные. Поэтому в отдельных отраслях могут быть и другие показатели, более точно отражающие динамику производства, рост производительности труда.

Мы подробно рассмотрели показатели плана по производству. Именно они в наибольшей степени подверглись «модернизации». Коррективы внесены и по другим разделам плана. Введено несколько новых, очень важных показателей. Цель та же — создать лучшие условия для повышения эффективности общественного производства, более полного удовлетворения общественных и личных потребностей.

«Я буду честен до конца...»

Фазу АЛИЕВА,
народная поэтесса Дагестана

Пора юной весны. Ярким светом залита земля. Солнце нежно греет, но не обжигает. На деревьях сочная, прозрачная зелень. Цветы отцвели, и завязи плодов вбирают жар солнца и сок земли.

Мы едем в район, названный именем ашуга Сулеймана Стальского. По обе стороны шоссейной дороги растянулись бескрайние сады. Пройдешь по ним километры, но вряд ли найдешь хотя бы ком неразрыхленной, неухоженной земли. Побеленные стволы деревьев словно одеты в белые юбки. Крепко держась цепкими корнями за землю, зеленой кроной они устремились вверх, к синеве неба. Я останавливаюсь взглядом то на одном, то на другом дереве, и кажется, будто в каждом из них бьется сознание своей необходимости людям, сознание того, что без них обездолеет, опустеет земля и убог будет день, что плодами своими деревья благодарят трудовые руки, давшие им жизнь. Не эта ли уверенность делает их такими значительными, красивыми, щедрыми?

У самого районного центра мы увидели молодой сад. Деревья-подростки, будто школьники, выстроились рядами. А у входа в сад, как завещание молодым, высечены слова народного поэта Дагестана Сулеймана Стальского:

Я буду честен до конца,
И волю Ленина-отца,
И славу скромного борца
Я пронесу сквозь жизнь страны.

Это слова ашуга, чье детство прошло в хлеву вместе с коровой, а молодость — в скитаниях, в поисках куска хлеба. Слова, подсказанные поэту сердцем и душою, когда Советская власть дала ему «и слух, и зрение», когда вся страна пела его песни. И, как признание великого ашуга всем советским народом, на Первом Всероссийском съезде писателей великий Горький назвал его Гомером двадцатого века.

Мы на родине поэта. Нас встретил секретарь Сулейман-Стальского райкома КПСС Ибадуллах Гаджимирзоевич Тагиров.

Ибадуллаха Гаджимирзоевича я знаю давно. Заочно познакомилась с ним в необычной обстановке. Это было шесть лет тому назад. В Магарамкентском районе тогда проходила встреча журнала «Женщина Дагестана» с читательницами. В беседах и выступлениях каждая высказывала свое мнение о журнале, говорила, что ей хотелось бы видеть, прочесть на его страницах. И вот на трибуну поднялась пожилая горянка, стройная, подтянутая. Седина горела в ее волосах, как корона из платины. Она говорила на лезгинском языке так, словно читала напоенное музыкой стихотворение. Я не понимала ни одного слова, но вся была во власти ее голоса. Я чувствовала, что она поднялась на трибуну не ради красивых слов, что руководят ею высокие порывы сердца, и говорит горянка то, что чувствует.

— Кто это? — спросила я.

— Халисат, мать Ибадуллаха Гаджимирзоевича. Вы его, наверное, знаете, он заведует отделом культуры в обкоме партии,— ответили мне.

Потом я узнала, что Халисат — любимица жителей всего района. Совсем юной пришла в полуразрушенную саклю, где занимался ликбез, и при мерцающем язычке коптилки выводила буквы, грея своим дыханием озябшие руки. Жадно ловила девушка-лезгинка каждое слово: «Свобода, равноправие...» А позже уже сама стала учить женщин писать, читать, познавать радость равноправной жизни.

До Великой Отечественной Халисат была медсестрой. Когда настало время детям стать взрослыми, старикам — сильными, а женщинам — вдесятеро умножить свои силы и взяться за мужские дела, она работала заведующей фермой, председателем сельского Совета, председателем колхоза.

Не миновала и ее горькая участь вдовы. Погиб муж, на руках осталось двое ребятишек. Долгие годы ее сыновей знали благодаря ей, а тут мне говорят, что она — мать Ибадуллаха Гаджимирзоевича. Не в этом ли счастливый итог всех трудов матери? Значит, не зря трудилась, мучилась, радовалась, плакала. А сколько у Халисат тех, кто называет ее второй мамой, советчицей и наставницей!

Вот и родной ее сын сначала прошел школу матери. Есть в горах мудрость такая. «Сердце ребенка — прозрачный родник. И в силах родителей оставить его чистым, ясным, сделать бесконечно щедрым, или набросать в этот родник камней, ранить, искалечить». Всеми поступками Халисат руководила эта мудрость. Она сделала все, чтобы сердца родных и неродных детей сделать ясными, чистыми, добрыми и вложить в них честность и беспредельную любовь к Родине.

А если говорить о Ибадуллахе, то помогла ему и армия. Она стала для него школой мужества. Здесь в нем утвердилось навсегда то, что делает человека настоящим патриотом, бесстрашным защитником Отечества.

...Халисат — прекрасная сказительница, она знает много легенд и преданий родной земли. То, что однажды было услышано от нее, навсегда врезалось в душу. И особенно запомнилась ее сыновьям легенда о красном жаворонке. Говорят, это было в давние времена. Земля дышала трудом и свободою. Люди жили, не зная войн, выращивали хлеб, холили деревья, растили ягнят. Люди никогда не испытывали голода и нищеты, потому что из поколенья в поколенье передавалось трудолюбие, упорство. В аулах этой земли звенели нежные колыбельные песни, качались дети в люльках, словно в облаках.

Но вот однажды вражеские полчища напали на счастливый край. И люди поднялись на защиту своей земли. Все камни и глыбы в горах превратились в оружие. Стойко защищались мужчины, умирали, но не сдавались. Говорят, что предводителем одного войска был поэт, который сочинял и пел песни о любви к Родине. Вместе с песней поднимались воины и умножались их ряды. Даже старики и дети шли защищать родную землю. Однажды в горячем бою поэт, истекающий кровью, попал в руки врагов. Зная силу его песен, они вылечили поэта. Потом стали просить, требовать, чтобы он служил теперь им, чтобы сочинял песни в честь захватчиков своей земли, чтобы звали эти песни его соотечественников к измене и предательству. Говорят, что, услышав такое, горец расхохотался. Его смех эхом покатился по горам и ущельям. И народ отозвался грозным смехом. Донесся он до врагов, и стали они мучить поэта. А он пел песню о любви к Родине. «На земле моей рассветы синие, зори пахнут зернами, падающими в борозду, а сумерки — хлебами свежеиспеченными. Родники и травы здесь целебны, и сердца людей жарче солнца. Жар этот растворен в любви к земле родной. Любовью этой наполнена каждая частица, как чаша вином. Дома пахнут здесь камнями тысячелетними, а камни мужеством пахнут. Я песней славлю тебя, Родина! Роди..!» И зажали, говорят, рот героя, чтобы прервать на полуслове святое слово, но в эту минуту из груди умирающего поэта вырвалось, приведя в испуг палачей, горящее пламя и взвилось в небеса красным жаворонком. Он подхватил песню на том месте, где прервали ее палачи: «Родина моя! Родина!» — пел жаворонок — сердце поэта.— «Родина моя! Родина!»

Вот и сейчас над моей головой тоже заливается жаворонок. И, прислушавшись, я слышу: «Родина моя! Родина!»

...Мы шли с Ибадуллахом Гаджимирзоевичем по районному центру и любовались красивыми, благоустроенными домами, нарядно одетыми людьми, смеющейся молодежью. Район, руководимый Тагировым, славится не только садоводством, овощеводством, но и замечательными коврами. Цеха Ортастальской ковровой фабрики высокие, просторные, светлые. Мы проходим между станками. Женщины улыбаются нам, отвечают на приветствия, но не отрывают рук от работы. Проворные, гибкие пальцы тонут в красных, зеленых, синих, оранжевых нитях. Перед каждой лежат трафареты — орнаменты ковров, но ни одна не глядит на образцы. Своими узорами они словно пишут стихи. И я пишу стихи, потому что не писать их здесь невозможно.

У ковровщиц много цветов —
По апрелю в каждой руке.
Но пока белее снегов
Пряжа гладкая на станке,
Вновь весне приходит черед:
Снизу вверх отступит зима,
И зеленый цвет зацветет —
Снизу вверх побежит кайма.
Точно так, как земной простор,
Снизу вверх зацветет ковер.

Ибадуллах Гаджимирзоевич подходит к ковровщицам, беседует. Видно, что здесь он бывает часто и не с высокими, отвлеченными речами, а с душевными разговорами: «Нужно ли что? Устроены ли дети?» Увидев его, одна молодая женщина оставила работу и пошла навстречу.

— Спасибо, брат,— сказала она, протягивая руку Ибадуллаху Гаджимирзоевичу.— С твоей помощью сын мой стал совсем другим, не узнаю его: на работу в совхоз приходит чуть ли не первым и по дому помогает.

— Сын твой очень хороший, я обещал помочь ему получить направление в институт на заочное отделение. Все будет в порядке! — говорит Ибадуллах Гаджимирзоевич.

Г. Мелихов. Род. 1908. М. ГОРЬКИЙ НА УКРАИНЕ.

Выставка украинских художников «Навеки вместе», посвященная 325-летию воссоединения Украины с Россией.

К. Трохименко. Род. 1885. КАДРЫ ДНЕПРОСТРОЯ.

Выставка украинских художников «Навеки вместе», посвященная 325-летию воссоединения Украины с Россией.

А у этой работницы сын служит в армии.

— Пришло письмо от командира. Пишет, что сын мой служит отлично, благодарит меня. Это ты, брат, помог ему вернуться к правильной жизни, когда он бросил школу. В каждом письме передает тебе привет и просит, чтобы я простила ему ту ошибку.

— Ошибка не страшна, сестра, когда ее признают и исправляют. Я тоже получил от него письмо. После службы хочет работать у нас трактористом,— улыбнулся Ибадуллах.

Пока первый секретарь беседовал с работницами, генеральный директор ковровой фабрики Айсат Джамаева рассказывала нам о предприятии. Айсат невысокого роста, с живыми глазами. Между станков не ходит, а словно плывет, не касаясь земли. Биография у нее обычная. Будучи совсем ребенком, перерисовывала орнаменты ковров, которые висели над ее кроваткой еще в то счастливое время, «когда папа брал меня на руки и подбрасывал прямо к потолку». А потом война. Отец погиб. Осталась Айсат сиротой.

И вот сбывается мечта ученицы дербентской ковровой школы. Первая удача, первые радости — узоры, предложенные ею в дипломной работе, отмечают призом в Москве. Первый сотканный ею ковер — «Весна».

Девочка оказалась на редкость способной не только ткать ковры, в ней открылся недюжинный талант организовать труд так, чтобы все необходимое было под рукою, чтобы работать было удобно. Айсат требовательна и к себе и к товарищам. Воспитанная в детском доме, она впитала в себя лучшие черты советского человека: чувство коллективизма, высокую ответственность в дружбе и верность интернациональному долгу. Айсат умеет отстоять правду, постоять и за своих подруг и за себя. Ее очень полюбили подруги, ее выдвинули начальником цеха, вскоре она стала членом Коммунистической партии Советского Союза. Когда обсуждали, кого назначить генеральным директором фабрики, Ибадуллах Гаджимирзоевич смело выдвинул кандидатуру Айсат Джамаевой. И она оправдала доверие райкома.

Мы подходим к станку Фатимы Техмедовой. Ее ковры в этом году получили высшую оценку — Знак качества. На фабрике она работает 31 год. Если собрать воедино все сотканные ею ковры и застелить ими дорогу, то я уверена, что длинная дорога от Сулейман-Стальского района до самой Махачкалы покрылась бы ими, как цветами.

Рядом с Фатимой — ее младшая дочь. Движения пальцев этой гибкой девушки вообще нельзя уловить. Скоро Фатима уйдет на пенсию, а за станком останется дочь. «У нас каждая мать передает дочерям свою профессию, свое умение. И кем бы они в будущем ни стали — врачами, учителями, инженерами, но ткать ковры умеют все!» — рассказывает Айсат.

Вот подснежник всходит в снегу,
А за ним — другой на бегу.
Обгоняет руку рука —
К весне дорога легка.
Только пальцы тронули нить —
И цветы зацвели в траве,
И пошли те цветы кружить
По живой траве-мураве.
И дошла весна до вершин —
На земле не стало седин.

...Во дворе Ибадуллаха Гаджимирзоевича ждали два старика: они сразу же взяли его в оборот.

— Мы насчет силосной ямы... За селом Ашага-Сталь лучше не закладывать силос. В прошлом году не так уж хорошо он сохранился! — сказал один из них.

— А где же вы предлагаете закладывать силос?

— Есть три мнения по этому поводу.

— Тогда завтра с утра зайдите ко мне, вместе подумаем,— предложил Ибадуллах Гаджимирзоевич.

— Что, у вас совет старейшин района действует? — полюбопытствовала я.

— Как же без мудрости аксакалов? Они нам очень помогают. Вчера у нас был пленум райкома. О подготовке кормов шел разговор. Вот люди и беспокоятся,— объяснил Ибадуллах Гаджимирзоевич.— Это очень хорошее беспокойство. Я люблю слушать беспокойных людей...

Уметь слушать людей!.. Это одно из прекрасных качеств секретаря райкома. Сказались годы учительства. И самый важный урок, усвоенный им за эти годы: тот не учитель, кто не обладает даром заглянуть в душу других и раскрыть для них свою.

Ибадуллах Гаджимирзоевич уделяет большое внимание патриотическому воспитанию молодежи. На главной улице Касумкента заложена аллея славных революционеров, а напротив нее — высеченное из камня вдохновенное лицо ашуга Стальского. И его слова, обращенные к молодежи. Ибадуллах Гаджимирзоевич предложил ежегодно в день рождения ашуга, 19 мая, собираться тут на праздник поэзии. У дома поэта собираются тысячи дагестанцев и читают не только стихи ашуга, но и свои.

Здесь мы познакомились с братом Ибадуллаха Гаджимирзоевича. Его зовут Робертом — это имя русского друга отца. Роберт работает в уголовном розыске Кизлярского района. От отца он унаследовал не только воинскую дисциплинированность, верность долгу, но и прекрасный голос. Он хорошо играет на отцовском чунгуре, воспевая новую жизнь древнего Дагестана, счастье матерей, воспитавших таких детей, как Ибадуллах и Роберт...

Счастье матери... Два сына, два упругих крыла. Один руководитель крупного района, другой — сотрудник милиции. Сыновья с любовью и уважением говорят о своей матери. «Если в нас есть что-то хорошее, это от нее, нашей первой учительницы!»

На прощание Ибадуллах Гаджимирзоевич сказал нам:

— У нас сложилась давняя традиция: впервые приехавшим гостям показать святое место — прохладный родник, угостить водой из него.

— Что за святое место? — удивились мы.

— Вот оно,— сказал Ибадуллах Гаджимирзоевич, когда мы оказались у могучего дуба, из-под которого бились ясные, как козий глаз, струи воды.— Говорят, что во времена нашествия Надир-шаха на этом месте мучили юношу, который отказался провести врага по горным тропам в аулы. Пятнадцатилетний мальчик отдал свою жизнь, доказав врагу, как дагестанцы любят землю. Здесь вот, где пролилась его горячая кровь, забил родник, а позже вырос дуб. Сколько я его помню, он все такой же огромный, высокий и ветвистый. Малыши из детского сада, первоклассники и выпускники школы в день последнего звонка, юноши, уезжающие служить в Советскую Армию, приходят сюда.

Мы выпили воды. И нам показалось, что сердца наши стали чуть светлее и мужественнее.

...С Ибадуллахом Гаджимирзоевичем мы попрощались на границе района. Позади остались бесконечные сады. Они символизировали и молодость и зрелость района, прославляли труд, упорство людей. А над деревьями зеленела крона того дуба, из-под которого бьет родник. И казалось, что листья этого дуба шептали нам вслед слова великого Сулеймана:

Я буду честен до конца,
И волю Ленина-отца,
И славу скромного бойца
Я пронесу сквозь жизнь страны.

И я несла в своем сердце вдохновение. То я видела ухоженные сады без единого сорняка, разрыхленные и благоухающие земли; то — руки ковровщиц, их волшебные пальцы, то молодого секретаря райкома, по его словам, «недовольного собою», полного новых идей и инициатив, которые он вместе с людьми еще должен претворить в жизнь. Я несла в своем сердце образ коммуниста, сумевшего завоевать своими делами большую любовь людей, их доверие и уважение.

...И жаворонок, поднимаясь все выше и выше, пел. Я слышала слова его песни: «Родина моя! Родина!» В моей груди тоже бился красный жаворонок, вот-вот готовый вырваться красным пламенем. Не эти ли жаворонки в нашей груди делают нас всех истинными патриотами своей великой Отчизны, своей любимой Родины!

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

«ОДИН В ПОЛЕ НЕ ВОИН...»

Под таким заголовком в журнале «Огонек» (№ 12, 1979) был опубликован очерк Б. Протопопова о тяжелой судьбе работницы станции Кишинев Т. И. Платоновой. Она обратилась в редакцию с письмом, рассказав о своей борьбе с пьяницей-мужем (в мае 1977 года по ее просьбе их развели), о равнодушии тех, кто работал рядом с ней в Новоаненском районе Молдавии, о своих мытарствах — она с детьми осталась без жилья.

Редакция получила письмо секретаря ЦК КП Молдавии Б. Савочко, в котором он сообщает, что первому секретарю Новоаненского райкома партии В. С. Мельнику и первому секретарю Кишиневского горкома партии В. К. Киктенко предложено рассмотреть поведение должностных лиц, о которых идет речь в очерке. Вслед пришло письмо от секретаря Кишиневского горкома партии Л. Скальной. Она сообщает, «что факты, изложенные в статье «Один в поле не воин...», внимательно рассмотрены в городском комитете партии.

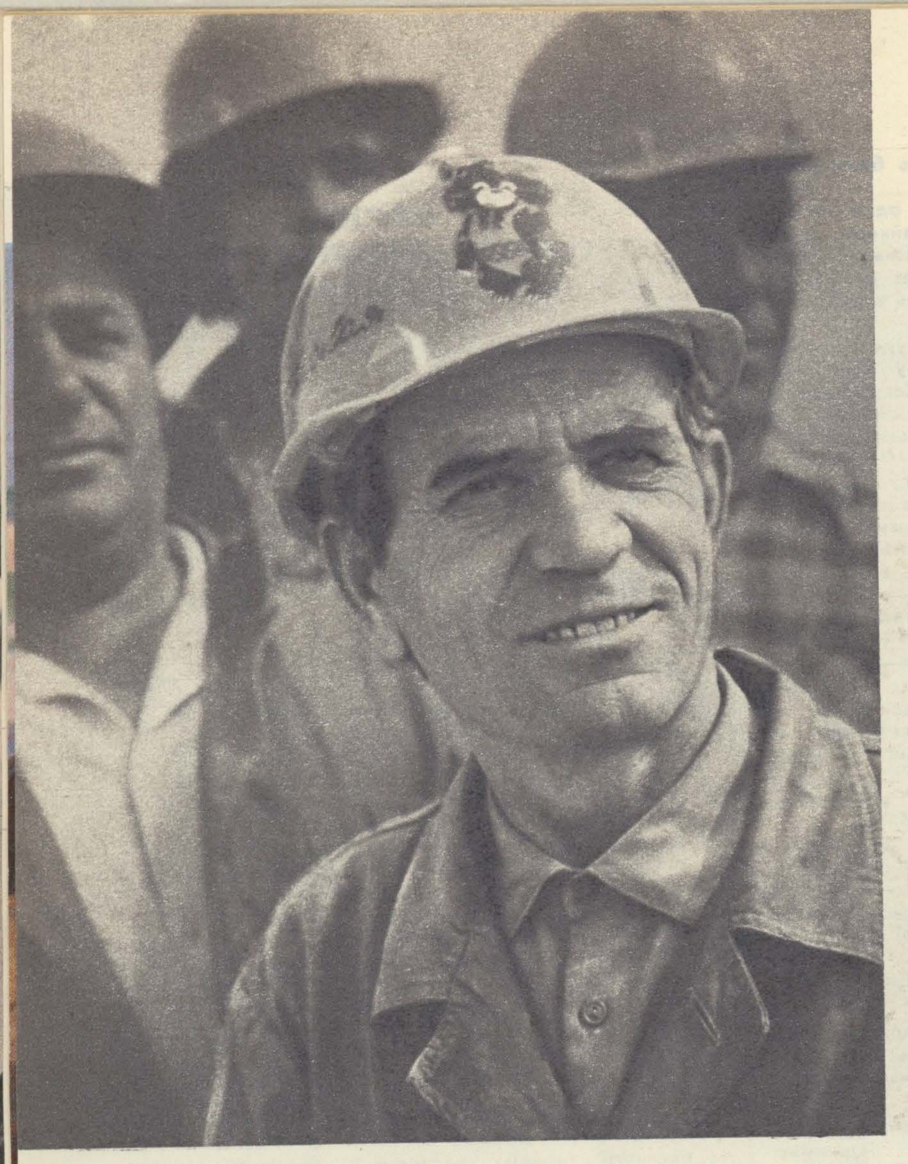
Состоялся обстоятельный разговор со всеми руководителями, указанными в статье. Обращено внимание на необходимость улучшения индивидуальной работы с людьми.

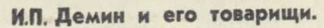
Несмотря на сложности, которые испытывает в настоящее время город с обеспечением предприятий и организаций жилой площадью,.. горком партии обязал должностных лиц, указанных в статье, изыскать возможность положительного решения вопроса о выделении квартиры для тов. Т. И. Платоновой.

Решением местного профсоюзного комитета станции Кишинев Т. И. Платоновой выделена квартира».

Пришло письмо от первого секретаря Новоаненского РК КП Молдавии И. Мельника,— именно в этом районе некоторые товарищи не лучшим образом показали себя в борьбе с пьяницами и пьянством. «Новоаненский райком Компартии Молдавии сообщает, что статья Б. Протопопова «Один в поле не воин...» обсуждена на партийном собрании совхоза «Жемчуг», где коммунисты указали на недостаточную воспитательную работу партбюро, администрации, общественных организаций в трудовых коллективах, разработали и утвердили мероприятия по усилению идеологической, политико-воспитательной работы, борьбы против пьянства и алкоголизма.

Статья «Один в поле не воин...» обсуждена на заседании бюро райкома партии. Бюро райкома партии указало члену КПСС, директору совхоза И. П. Винтилову на невнимательное отношение к Т. И. Платоновой, на необходимость более чуткого отношения к рассмотрению и удовлетворению нужд тружеников совхоза».

И.П. Демин и его товарищи.

На Юго-Западе столицы.

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото М. САВИНА

УЛИЦА ДЕ

Улицы с таким названием нет, но дома для нее есть — добротные, красивые, многоэтажные. Сейчас они разбросаны по всей Москве: в Черемушках и Владыкине, в Отрадном и Тропареве, в Беляеве и Измайлове, на Песчаных улицах, Хорошевском шоссе, в Теплом Стане и даже в Олимпийской деревне. Да что там перечислять — можно смело сказать, что нет в столице района, где бы не стояли дома, возведенные бригадой заслуженного строителя РСФСР, Героя Социалистического Труда И. П. Демина.

Когда я попросил Ивана Павловича хотя бы примерно подсчитать, сколько домов он построил, знатный строитель сказал:

— Арифметика вроде бы простая, но на самом деле очень сложная. Бригадирствую я пятнадцать лет, а вообще на стройках с 1952 года. Сейчас шестнадцатиэтажный 192-квартирный дом монтируем за два месяца. Раньше здания были поменьше и собирали их быстрее. Но ведь, кроме жилья, я строил гостиницы, детские сады, школы... Так что получится не улица, а целый микрорайон на тысячи жителей.

— А какой дом запомнился больше всего?

— Конечно, самый первый! Двадцать семь лет прошло, а я его помню. Да и как забыть, если там начиналась моя биография строителя... Сам я из Тамбовской области. После службы в армии хотел вернуться в родной колхоз, но друзья уговорили податься на стройку. Приехал в Москву, получил койку в общежитии — восемь человек в одной комнате — и начал работать. Мечтал о профессии каменщика — среди строителей это была самая престижная специальность. Но главный инженер отсоветовал: убедил, что каменщик — профессия не перспективная и будущее за монтажниками. Никогда его не забуду, мудрый был человек и путь мне указал правильный.

Определили меня в бригаду Николая Яковлевича Короткова, сейчас он уже на пенсии. Вот мастер был так мастер! А какая бригада! Все бывшие фронтовики, строители высочайшего класса, и я — пацан, неумеха. Старался изо всех сил, учился чуть ли не круглыми сутками. Можете представить мое состояние, когда через три года меня выбрали заместителем бригадира. Робел, конечно, что и говорить. Бывало, сто раз взвешу, прежде чем отдать какое-нибудь распоряжение. Но старшие товарищи все прекрасно понимали и всегда поддерживали. Словом, школу прошел отличную, век буду помнить,— закончил Иван Павлович.

Я слушал И. П. Демина, вглядывался в его резко очерченное, обожженное ветрами, солнцем и морозами лицо: кого он мне напоминает. Что-то знакомое слышалось и в его рассказе. И вдруг я понял: вот так же уважительно и сердечно вспоминали своих первых учителей известные всей стране строители Геннадий Масленников, Владимир Копелев и Анатолий Суровцев. Как много значили в их жизни встречи с добрыми людьми и хорошими мастерами, как много значило в их будущих достижениях доверие, которое в молодые годы им оказали старшие товарищи, передав руководство бригадами. А свои первые дома они тоже помнят и время от времени приходят на них поглядеть.

Есть и еще одна, очень важная черта, которая роднит знатных строителей: они постоянно думают о росте своих подчиненных, заботятся о смене. Сколько инженеров, техников, прорабов и бригадиров выросло в этих коллективах, сколько прекрасных монтажников передано на укрепление других бригад! По-моему, это и есть наставничество, причем в высшем его понимании.

Когда я поделился своими мыслями с Иваном Павловичем, он подумал и сказал:

— Пожалуй, вы правы. Встреча с мудрым человеком и толковым мастером в жизни молодого человека имеет огромное значение. Кто знает, окажись моим первым бригадиром какой-нибудь забулдыга или рвач, может, он и отбил бы у меня охоту к нашему делу. К счастью, этого не произошло. Теперь мой черед стать наставником для молодежи.

Знакомясь с товарищами И. П. Демина, я задавал им один и тот же вопрос: «Сколько лет вы в бригаде?» Оказалось, что почти все работают по семь-восемь лет, а многие со дня создания коллектива. Есть несколько человек и с меньшим стажем, но это молодые парни, которые считают величайшим счастьем, что попали именно в эту бригаду.

— Выходит, проблема текучки вас не беспокоит? — спросил я Ивана Павловича.

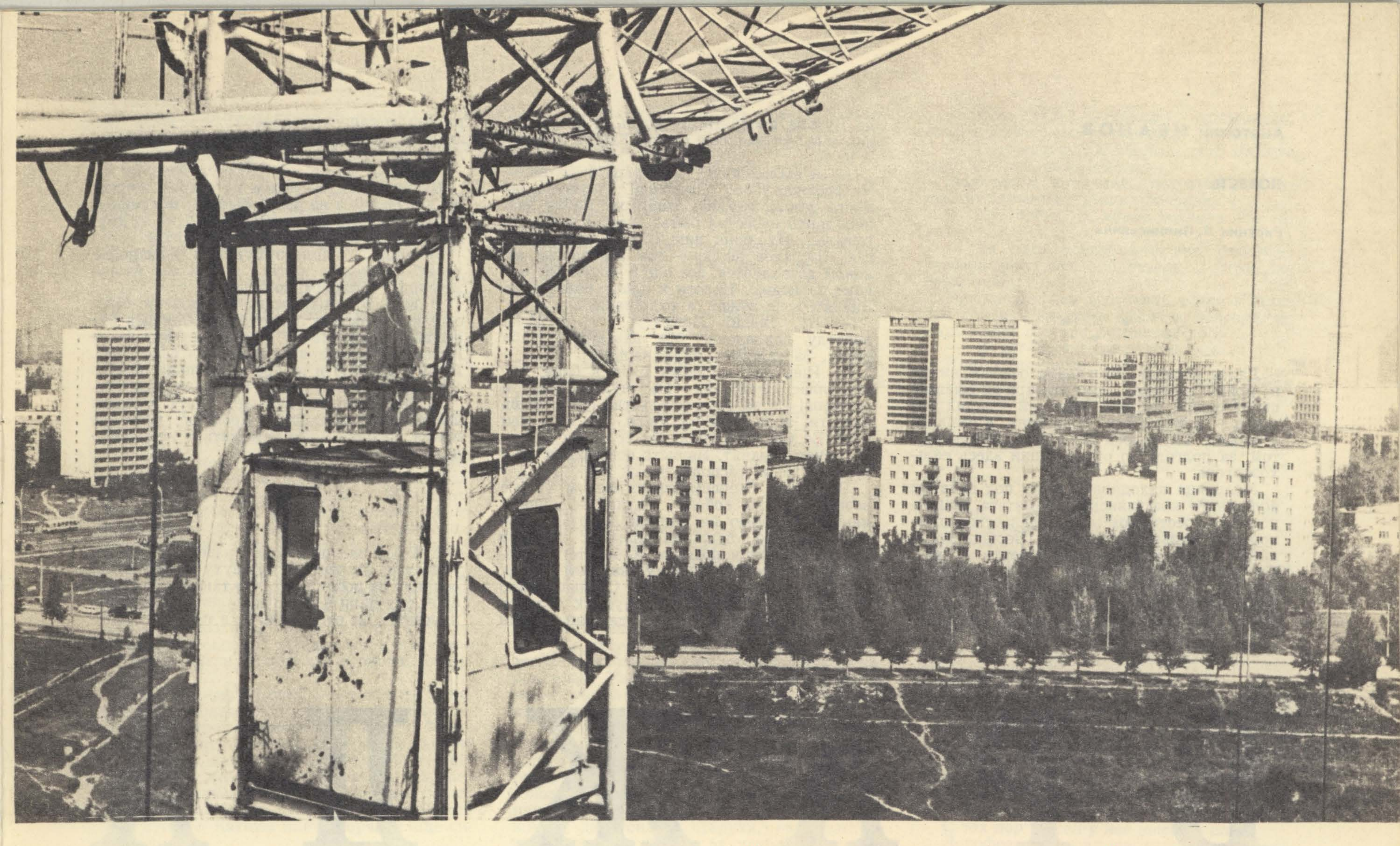
— У нас такой проблемы просто нет. Уходят из бригады только на повышение, чаще всего после окончания института или техникума. А от желающих занять вакантное место отбоя нет.

— По-моему, это прекрасный показатель трудового и нравственного климата в коллективе.

— Я всегда считал,— убежденно сказал бригадир,— что текучка бывает только там, где есть серьезные просчеты в воспитательной работе и где люди не получают материального и духовного удовлетворения от того, что они делают.

— Скажите, Иван Павлович, а на кого вы оставляете бригаду, когда уезжаете в отпуск или командировку?

— У меня прекрасный заместитель. С Василием Ивановичем Ступниковым я работаю четырнадцать лет. И дело и людей он

МИНА

Менее чем за месяц в стране сейчас возводится столько жилья, что его хватит на город с полумиллионным населением. За годы Советской власти построены дома общей площадью 3,3 миллиарда квадратных метров. Стоимость жилья ныне составляет четверть стоимости основных фондов народного хозяйства.

знает прекрасно. Так что уезжаю со спокойной душой: уверен, что в бригаде все будет нормально.

Нормально для Ивана Павловича означает прежде всего то, что план перевыполнят. В ДСК-3 вообще борьба идет не за выполнение, а за перевыполнение плана. Самая отстающая бригада из десяти, входящих в ДСК-3, выполняет план, а остальные перевыполняют. Коллектив И. П. Демина, конечно, в лидерах. Судите сами: за три с половиной года десятой пятилетки бригада сдала 222 тысячи квадратных метров жилья, то есть столько же, сколько за всю предыдущую пятилетку.

Недавно проходил пленум МГК КПСС, на котором обсуждался вопрос о работе столичной партийной организации по выполнению решений XXV съезда КПСС, о дальнейшем повышении производительности труда в промышленности, строительстве, на транспорте и в других отраслях народного хозяйства. Выступивший на пленуме член горкома партии И. П. Демин отметил, что в их бригаде достигнута одна из самых высоких в стране производительность труда на каждого рабочего. Добились этого главным образом за счет постоянного поиска и использования резервов. Взять хотя бы переход с одного корпуса на другой. Вообще-то, сдав очередной дом, бригада должна переходить на монтаж следующего, когда уже готов и перекрыт фундамент (строители его называют «нуль»), когда подведены дороги, расчищена монтажная площадка и т. д. Чаще всего этого не бывает. И дело не в том, что строители фундаментов плохо работают — хотя претензий к ним немало,— просто они трудятся по своему графику, а бригада И. П. Демина — по своему, опережающему.

Где же выход? Ждать, когда «нуль» будет готов, нельзя, хуже нет, если простой. Решили так: два звена заканчивают старый дом, а одно переходит на новый, помогает «нулевикам» и начинает монтаж корпуса. Где-то на третьем-четвертом этаже бригада собирается в полном составе, работает на предельных скоростях, а на пятнадцатом-шестнадцатом этаже снова разделяется.

Решив делом откликнуться на инициативу «Большие объемы — меньшим составом», коллектив уменьшился с сорока до тридцати семи человек. А годовая выработка на каждого выросла со 124 до 135 тысяч рублей. Думали, что это предел. Но когда подвели итоги за шесть месяцев 1979 года, оказалось, что выработка на одного рабочего составила 74 тысячи рублей. Если так пойдет и дальше, быть новому рекорду.

Особое внимание Иван Павлович обращает на качество. Уже много лет его коллектив сдает дома с гарантийным паспортом. Это значит, что если в течение трех лет обнаружатся какие-то недоделки, допущенные по вине монтажников, они бесплатно их устраняют. Раньше такие случаи бывали: то протечки, то трещины, то еще что-нибудь. Но вот уже пять лет И. П. Демина ни разу не беспокоили — к качеству квартир у новоселов претензий нет.

Когда я спросил, как этого удалось добиться, Иван Павлович улыбнулся:

— Не забываем старое правило: торопиться нужно не спеша. Темпы темпами, но я всегда говорю своим товарищам: нам гораздо выгоднее сделать дом один раз хорошо, чем много раз отвлекаться от монтажа нового корпуса и исправлять свои же огрехи.

— Можно ли сказать, что уж теперь-то все резервы использованы? Или они еще есть? — спросил я.

— Конечно, есть. И немало! По-прежнему остаются в силе претензии к строителям фундаментов. Не устраивает нас качество дорог и подъездных путей. Заметно отстает прокладка коммуникаций, электрических линий и теплотрасс. Оставляет желать лучшего качество стеновых панелей и межэтажных перекрытий. Я уж не говорю о механизации: доля ручного труда у нас пока что велика. Вот те резервы, которые, так сказать, на виду. Но чтобы их использовать, нужно основательно подтянуться многим и многим организациям. Если это произойдет, то сбудется мечта всех строителей-монтажников — сдавать дом под ключ. А то ведь что получается: мы собираем корпус за два месяца, а новоселы в него порой въезжают только через год.

Мысли, высказанные И. П. Деминым, нашли свое отражение и в постановлении пленума МГК КПСС. Есть там, в частности, такие строки: «РК КПСС, первичным партийным организациям, советским и профсоюзным органам, хозяйственным руководителям при широком участии трудящихся систематически проводить целенаправленную работу на предприятиях по выявлению резервов роста производительности труда и принимать необходимые меры по более полному их использованию».

...Мы расстались с И. П. Деминым, когда полным ходом шел монтаж шестнадцатиэтажного дома в Тропареве.

— А куда потом? — спросил я.

— В Теплый Стан. Одно звено уже там.

В день, когда выйдет этот номер «Огонька», корпус будет готов. Значит, улица Демина, хоть ее и нет на карте столицы, станет еще длиннее...

Анатолий ИВАНОВ

ВРАЖДА

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. Пинкисевича

* * *

Далее история Романовки особым ничем не примечательна, кроме пожара на бывшем пилюгинском хуторе, который спалил все дотла — и мельницу, и завозни, и амбары, и бараки. Случилось это в двадцать четвертом, за полгода до организации здесь сельхозартели.

Мельница находилась тогда под началом волостного крестьянского комитета взаимопомощи, кресткомом этим начальствовал однорукий Кузьма Тихомилов. Вообще после казни жены он в Романовке почти не жил. Сперва партизанил, после два года метался по всей округе во главе продотряда. Зимой двадцать третьего, когда на обоз с зерном, мясом, свиным салом и мороженым молоком налетела какая-то банда, был снова тяжело ранен в голову, свалился в кусты и замерз бы там, если бы не сынишка Степка да не Данила Афанасьев, неотлучно сопровождавшие его повсюду. Продуктовый обоз из шести тяжело груженных саней тогда удалось отстоять и пригнать в волость, и только там, когда запаленные лошади остановились, обнаружили, что ни на одной из подвод Кузьмы Тихомилова нет. Ни слова не говоря, Данила Афанасьев вскочил на свежего коня, двенадцатилетний теперь уже Степка — на другого, они помчались к месту стычки с бандитской шайкой и там нашли полузамерзшего своего отца и командира, лежавшего в заснеженных кустах. Придя в себя, он сказал:

— Неужто все сволота Ловыгин гуляет? Сасония Пилюгина остудили, а этот все не успокоится.

— Не должно, чтоб он,— засомневался Данила.— Он и при Колчаке трусливо поджимал хвост.

— Молокосос! — рассердился Тихомилов.— А я кишкой чую — не с Пилюгиным мы дрались, а с Ловыгиным. Да хитер был, как старый филин. Ну, я его выслежу!

Но выследить Ловыгина, отца Федотьи, что была женой Сасония Пилюгина, не удалось ни тогда, ни после. Федотья, настоявшая похоронить своего мужа в его родной деревне Романовке, а сама после гражданской жившая безвыездно в Березовке, в большом отцовском доме, на допросы об отце говорила:

— Откуда я знаю, где он? Тут жил, покуда вы с шашками по холмам скакали, пущай, грит, скакают, доскакаются...— И начинала размазывать слезы по худым щекам.— А после и сгинул. Утром встала, а его кровать остыла. Может, от вас сбежал со страху, а может, сами вы его и вытянули тайком с постели... Оставили меня с дитем несмышленым!

— Ты не ври, Федотья! — пробовал было Кузьма проявить строгость.— И не пускай мне тут длинные сопли. Где он таится? А не то...

— А вы поищите! — зверела Федотья.— Че грозишь, пес однорукий? Мужика вы моего убили, мельню отобрали. Кабак давным-давно перестал быть, постоялый двор тожеть... Ну, кони ишо есть у меня, хлеб сею, батраков держу — так это вашим законом дозволяется, все они в вашем батрачкоме записаны. Налоги я плачу полностью. Значит, и не пужай, а то обмараюся.

— Ну, гляди! Поймаем его, тогда и вправду накладешь. Уж наведем с тебя спрос. За укрывательство бандита.

— Ишь ты! — уперев руки в бока, выставлялась Федотья.— Натянул кожанку и грозишь! Не за укрывательство спрос хошь навести, а за вонючку свою. Да я-то при чем? Ее Сасоний убил. Он ее, а вы — его. В расчете, значит. Начисто искрошили друг дружку люди, господи, где ж ты?!

Пожар на бывшем пилюгинском хуторе возник не сам собой. Глухой и душной июльской ночью из холмов бесшумно вышли какие-то люди, из больших бидонов щедро облили керосином и без того пересохшие за лето мельницу, каждый амбар, каждый барак и подожгли. Сколько было этих людей — неизвестно. Пустых бидонов потом насчитали больше дюжины. Если каждый нес по два бидона, значит, поджигателей было человек шесть — семь. Постройки взялись все разом, небо окрасилось ярким заревом, закачалось, будто там, вверху, полоскалось кровавое, невиданных размеров полотнище. Бараки тогда пустовали, лишь в одном жил Андрон с женой да двое холостых парней, выделенные обществом для обслуживания мельницы. Они едва успели вывалиться в окошки из пылающего костром барака, причем у жены Андрона затрещали и вспыхнули разлохмаченные во сне волосы; она, пронзительно завыв, горящей головешкой покатилась по земле. Андрон метнулся к ней, сорвав на ходу исподнюю рубаху, обмотнул ею горящую голову жены, чтоб затушить огонь. Огонь затушил, но когда размотал обгоревшую рубашку, волосяной пепел стал комьями падать с ее дымящейся головы вместе с лохмотьями кожи.

— Сердешная... Глаза-то видят?! Видят?

Она моргнула вспухшими, без ресниц веками раз, другой...

— Вижу вроде маленько. Ох, да все одно смертынька...

— Ничего, ничего... Бог-то милостив, может.

И он, подхватив жену под мышки, пятясь, поволок ее прочь с освещенного пожаром места, в темноту.

Поджигатели не имели, видно, задачи убить находящихся при мельнице людей, подпалив постройки, сгинули во тьме так же бесшумно, как и подкрались, оставив только пустые бидоны да следы сапог на пыльной земле. Кузьма Тихомилов, прискакавший к обеду на хутор, оглядел эти следы, кучи дымящихся еще головешек, сказал угрюмо:

— Ловыгина рук дело. В какой же щелке он таился, ящер, а? Ишь, как попрощался.

— Это как попрощался?

— Неделю назад Федотья, дочь его, исчезла из Березовки. Вместе с сыном. Дом бросила, скотину — все! Как без скотины-то, без домашности всякой? Чем жить где ни то? Значит, вместе с отцом смоталась. А тот награбил уж за гражданскую.

— Во-он чего-о! — протянул Андрон.

Кузьма посидел молча на старом жернове, валявшемся на дворе бывшей мельницы, молча выкурил две самокрутки одну за другой, разогнулся и сказал со вздохом:

— Ладно... Колхоз будем в Романовке делать. Артелью жить. А тут мы новую мельницу поставим, колхозную.

В артель романовские мужики и бабы сошлись в начале нового года, сошлись без особых сомнений и опасений, авторитет Кузьмы Тихомилова тут сделал свое дело. Весной дружно и щедро посеялись, осенью собрали добрый урожай, все были с хлебом.

И пошла жизнь дальше, снега и вьюги все глуше заметывали прошлое кровавое время, вешние воды и память о нем замывали все глубже.

* * *

...Через месяц стало известно, что за убийство Пилюгина Мишуху Афанасьева осудили на восемь лет, что такой небольшой срок ему дали еще по малолетству и по малолетству же отправили не в тюрьму, а в исправительную колонию для несовершеннолетних преступников.

На суде Катя Афанасьева не была, сперва все собиралась поехать, а в день начала суда нервы ее не выдержали, она свалилась опять пластом. На суде были дед Андрон и хромоногий кузнец Макеев, со дня убийства Пилюгина находившийся, к удивлению всех, в полной трезвости. Они-то и привезли все эти известия, рассказали Кате, что Мишуха на вопросы судьи о причинах убийства Пилюгина твердил одно: «Донька у нас помирала... А Пилюгин подводу не давал, чтоб в больницу ее свезти...»

— Как же он теперь там будет, Мишенька? — всхлипывала Катя.— Ворье же одно там, спортят его...

— Не, не поддастся. Он на суде-то открылся... больше, чем за всю жизнь,— сказал дед Андрон с такой серьезностью, будто Мишуха был ему ровесником и бок о бок они прожили целый век.

— Как открылся? Чем? — подняла Катя измученные, мокрые глаза.

— Дык, передайте, грит, Кате, что все я вынесу... И ничего со мной не случится. А скоро, мол...— Кузнец Макеев неловко кашлянул, зажал рот черной от угольной пыли и железной окалины ладонью, покачнулся, переступив с ноги на ногу, половицы под ним скрипнули. И этот кашель, этот скрип будто смутили деда Андрона, он почему-то заюлил глазами, растерянно выронил еще три слова:

— Скоро того, мол...

Темные зрачки Катиных глаз дрогнули, она требовательно спросила:

— Чего того? И чего скоро? Ну?

— Дык... скоро, мол, сказал Мишка, батя с войны придет... и дядя Степан,— вытягивал из себя слова дед Андрон, стараясь не глядеть на нее.— А там, грит, и я отсижу и вернусь.

— Скоро...— выдохнула Катя.

— Дык, Катерина! Война-то к концу катит. Не читаешь в газетах, что ли? — воскликнул дед Андрон строго, будто уличая

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37, 38.

и осуждая Катю за незнание важных и очевидных вещей.— Наши-то вон уж куда зашли, за какие рубежи! И в полячью землю и в эту, как ее...

— В румынскую,— подсказал кузнец.

— Ага, ага,— кивнул старик белой головой.— И в других местах, во многих, на край нашего государства немца отогнали. Вот, сказал Мишка, соберемся все и заживем!

Но чем воодушевленнее говорил старик, тем все отчетливее слышала Катя в его словах какую-то фальшь, все более в груди ее что-то каменело. Вопросительно сдвинув брови, она повернулась к кузнецу. И тот тоже задергал глазами, пытаясь куда-нибудь деть их, да было некуда, и он промолвил:

— Все так, Катерина. А покудова, Катерина... уж как-нибудь. Я вот зарок дал... насчет самогонки-то проклятой.

— А чего мне твой зарок?

— Оно, конечно. Тебе-то что...— Кузнец опять потоптался на скрипучих половицах. И непонятно к чему прибавил: — Мишуха-то был уже работник. А теперь четыре рта на тебя одну.— И он кивнул на забившихся во все углы ребятишек.— А что на трудодни-то дают? Ничего не дают...

Катя тяжело, будто ноги перестали ее держать, опустилась на крашенную синей краской табуретку, уронила на колени руки. День закатывался, низкое солнце еще доставало до окошек, жидкие лучи обливали ее худые плечи, обтянутые поблекшей кофточкой.

Так она сидела долго, недвижимая. И недвижимо стояли перед ней два человека — старый Андрон и хромоногий кузнец Макеев. И притаившиеся в разных углах дети не шевелились, замерли, в избе стояло и стояло мертвое безмолвие. Гасли и без того тусклые солнечные лучи, падавшие через холодные окошки, в избе будто становилось все глуше, а Катины плечи торчали еще сиротливее.

— Что это вы от меня скрываете? — вдруг спросила она, тяжко поднимаясь. Голос ее был еле слышен.

— Господь с тобой... Да ты чего?! Чего? — взмахнул старик костлявой рукой.

— Я же чую... Что еще стряслось? Говорите! — наступала на них Катя, сжав кулаки. А старик и кузнец пятились.— Добивайте уж сразу... Сразу!

Со страху заплакала в углу Зойка, девятилетний Захар Тихомилов, самый старший теперь, шагнул к ней, дернул за косицу, и она покорно замолкла.

— Сбесилась, что ли?! — грубо сказал кузнец, останавливаясь.— Детву-то чего зря пугаешь?

— Господь с тобой...— еще раз повторил Андрон, и оба они друг за другом торопливо вышли из избы, как из жаркой, парной бани.

— Поворо-от,— выдохнул на крыльце Макеев.— Надо было тебе про это... что вот-вот с войны-то придут. Она ж обратное заподозрила. А в районе-то не велели нам ничего...

— Умолкни, без тебя тошно! — сердито прервал его Андрон.— Взял бы да сам и говорил с ней. А то все жался в стену... ровно девка на первой вечерке.

На поздней улице Романовки никого не было, дед Андрон и Макеев прошли несколько метров будто враги — молчаливо, не глядя друг на друга. А потом оба враз остановились, услышав истошный крик:

— И-ироды! Не прощу-у!

Это кричала Федотья Пилюгина, мать Артемия. Она, одетая в вытертое плюшевое пальто, неряшливо замотанная в шерстяную, домашней вязки шаль, торопливо бежала из переулка, на костыль не опиралась, а яростно колотила им, как палкой, по мерзлой дороге.

Подбежав, старуха оперлась обеими руками о костыль, повисла на нем и, шумно дыша, некоторое время старческими своими глазами молча жгла то того, то другого, словно дед Андрон да хромоногий кузнец и были самыми заклятыми ее врагами.

— Чего разбазлалась, старая карга? — произнес дед Андрон таким тоном, будто сам-то был молодой.— Чего тебе еще?

— А спросить... Это как — всего восемь годов за зверское убийство, а? И то не кого, а председателя колхозу порешил сопливец! Не прощу! В район сама поеду...

— А ступай, ступай,— вроде даже искренне поддержал ее кузнец.

— Артемушке орден был даден на войне. Зазря, что ли?

Из переулка в жакете нараспашку выскочила Лидия, вдова Пилюгина, а за ней сын Пашка.

— Мама, ну что ты себя растравляешь? — подбежав, закричала Лидия.— Идемте, мороз-то какой.

— Заткнися, телуха безрогая! — окрысилась на нее дряхлая Федотья.— Мужа твоего сказнили, а ты на коленки перед имя...

— Не на коленки. Да что ж теперь...

— Баба, айда, правда, домой,— потянул Федотью за рукав и Пашка.— Баба...

Однако старуха, оттолкнув внука, приподняла угрожающе костыль.

— Вот обхожу вас обоих... по башкам-то пустопорожним!

Угроза была, видать, нешуточная, потому что и Пашка и Лидия невольно отшагнули назад. Они отшагнули, а дед Андрон усмехнулся:

— Атаман ты, как Сасоний твой, царство ему...

— Вспомнили! — окрысилась Федотья.— А теперя другие времена. Теперь Артемушка, сынок его, жизню на фронте за народ клал. Рану тяжкую принял... Тяготы такие перенес, а тут вонючий собачонок афанасьевский горло ему перекусил!

— Баба, баба...— опять проговорил Пашка и неосторожно придвинулся к Федотье. Никто не успел и глазом моргнуть, как старуха, взмахнув костылем, огрела внука по голове. Костыль был тяжелый, из закостенелого березового обрубка пальца в два толщиной, да и сила у старухи, оказывается, еще имелась. Пашка от удара рухнул на дорогу как подкошенный, громко заревел от боли.

— Господи, господи! — простонала Лидия, сперва подобрала слетевшую с сына шапку, потом стала поднимать его самого.— Сынок, Пашенька, пойдем, сынок, айда...

Она подняла его и повела прочь. Ни слова больше не говоря, повернулся и зашагал к своему дому дед Андрон. А кузнец Макеев еще потоптался на дороге и произнес:

— Бабы вон чего про тебя говорят! Зверицей ты была, да ею так и осталась. Помирала бы скорей. А то всю жизнь внучатам своим закроешь. Пашке-то с Сонькой.

И, только проговорив это, двинулся к кузне.

— Да уж выращу! — хрипела ему вслед Федотья.— Чтобы знали они... почем люди.

* *
*

Было начало апреля, солнце пригревало щедро, съедало на крышах последние лохмотья снега, он с утра истекал сильной капелью, единственная улица Романовки почернела, оказалась, как всегда в эту пору, сплошь покрытой навозом.

В воскресный полдень по этой-то улице, когда с крыш уже не капало, а лило, и подъехал на плетеной кошевке к колхозной конторе худой, болезненного вида человек лет сорока, в потрепанной офицерской шинели без погон, несмотря на теплынь, в наглухо завязанной под подбородком шапке-ушанке.

Это был секретарь райкома партии Дорофеев.

Покашливая, он вылез у конторы из своей кошевы, вынул оттуда костыль. Незнакомый ему мальчишка лет тринадцати тащил за веревку мимо конторы довольно большие санки, на которых лежал пустой бочонок для воды, а малолетняя, годов девяти девчушка с ведром в руке шагала сзади.

— Эй! — махнул им Дорофеев костылем, подзывая.

— Что тебе? — спросил мальчишка, останавливаясь, но не подходя.

— Вот лошадь на конный двор отвести надо. Сделай, пожалуйста.

Мальчишка помедлил, потрогал обернутую мешковиной крышку бочонка.

— Нас бабка за водой послала. Не видишь?

— Да ведь конюшня-то вот, рядом,— сказала девчушка.— Я отведу, а потом догоню тебя.

Говоря это, она поставила ведро в передок санок и шагнула было к конторе, но мальчишка властно остановил ее:

— Куда? Мы ему не нанимались...

И потащил санки дальше.

Прищурив черные, с нездоровым блеском глаза, Дорофеев некоторое время глядел на сердитого мальчишку, на виновато шагавшую сзади санок девчонку. Потом, опираясь на костыль, волоча негнущуюся правую ногу, стал подниматься на невысокое крылечко конторы.

В конторе, как много дней подряд, сидела одна Мария-счетоводиха, перебиравшая свои бумажки. Вообще-то она вела всю, не столь уж, правда, и сложную колхозную бухгалтерию, но по укоренившейся издавна привычке ее все называли счетоводихой.

— Здравствуй, Мария,— сказал Дорофеев.

— Здрасьте! — вскочила она, красивое лицо ее пошло от волнения неровными пятнами.— А я сижу тут, как сова оглохшая, и не слышу.

Бывшая по совместительству колхозной почтальонкой, она год назад сама и получила по почте похоронную на мужа. Понимая, что содержится в таких казенных конвертах, она, едва увидев на нем свою фамилию, смертельно побледнела, тихо и беспомощно, как ребенок, застонала и без чувств грохнулась на дощатый пол.

С тех пор и осел у нее немного слух.

Дорофеев развязал шапку, снял ее, а шинель снимать не стал, присел на стул возле пустого председательского стола, поежился.

— Знобит, что ли, вас? — спросила Мария.

— Сидит какая-то зараза внутри,— ответил Дорофеев.— Никак не выйдет.

— Вам в больницу бы лечь полечиться...

— Вот закончим войну, и лягу. Теперь недолго уж,— ответил он, кивнул в окошко, на дорогу, по которой мальчишка с девчонкой утаскивали свои санки.— Это чьи ж такие?

— Это-то? — переспросила Мария, тоже поглядев на улицу.—Так это Сонька с Пашкой Пилюгины.

— А-а, ну, ну...— промолвил Дорофеев и, распахнув шинель, вытянул негнущуюся свою ногу, начал растирать колено.

— Они у них в Березовской школе учатся. На воскресенье домой ездют.

Краснота со щек Марии начинала сходить, оно становилось опять красивым и привлекательным.

— Как Афанасьева-то Катерина?—спросил Дорофеев, закончив растирать ногу и прикрыв ее полой шинели.

— Так и живет,—ответила Мария.—Как мертвая. А этот, Пашка Пилюгин, со шкворнем по деревне так и ходит. За тятьку, говорит, изведу всех Афанасьевых и Тихомиловых. Один раз и вправду отколотил ихнего Кольку до крови. Катька теперь детей из избы не выпущает, боится. А как в кошару уходит — на замок их замыкает. На кошаре она работает.

— Вон какие дела,— уронил Дорофеев.— Соловей-разбойник выискался.

— Бабка Федотьиха все его наущает. За отца, зудит, неужто простишь? Лидия, жена-то его, и та говорит: задохнешься же ты, мамка, от злости. А старуха и на нее с костылем: сучка, орет, радуешься, что от мужа избавилась!

— Радуется? — поднял брови Дорофеев.

— Этак бабка ее попрекает, сама я слыхала. А так кто ее знает? С Катькой никогда не здоровается, встренутся как, отвернется. А так ничего...

Мария помолчала, думая о чем-то, сказала:

— Радуется, нет ли, а облегченье ей вы-

шло. В узел Артемий с матерью Лидию завязывали. А кобель-то Пилюгин был, уж кобе-е-ль!

Щеки Марии снова пошли пятнами, она села за свой скрипучий столик, уткнула лицо в какую-то амбарную книгу.

Еще прошло в молчании с минуту.

— Не проговорились вы ей про похоронные? — спросил Дорофеев.

— Не-е... Ничего покуда не знает.

Похоронные на отца Кати Данилу Афанасьева и на Степана Тихомилова пришли с разницей в неделю всего. Мария не знала, как ей отдать первую, спрятала ее глубоко в облезлом конторском шкафу между старых бумаг, потом испугалась, что кто-нибудь случайно полезет в шкаф, замок которого был сломан и ключ потерян еще в незапамятные времена, и обнаружит казенный конверт. Этого никогда не бывало, в шкаф ее, единственный в конторе, никто не лазил, даже председатель, но она все же унесла конверт домой, засунула на самое дно сундука со всякой рухлядью. В это время судили Мишку, Катя Афанасьева, бесчувственная, валялась на кровати, и Мария боялась, что известия о гибели отца она совсем не вынесет. А тут на почте приняла второй такой же конверт и, как в тот день, когда получила похоронную на собственного мужа, едва-едва не грохнулась опять на пол.

В деревню Мария ехала, кажется, целую вечность, лошадь тащилась медленно, через силу, будто в санях лежала не обыкновенная почтовая сумка с двумя-тремя газетами и этим единственным письмом, а какая-то неимоверная тяжесть.

Ночь Мария не спала, а наутро, сунув оба конверта во внутренний карман старенькой фуфайки, побежала на скотный двор, к деду Андрону.

— Во-от! — простонала она, торопливо, будто это были раскаленные угли, сунула ему конверты, один уж порядком измятый, другой более или менее свежий, оперлась плечом о стенку коровника и тяжело зарыдала.

Мария плакала, а дед Андрон распечатал один конверт, другой. Молча он прочитал одно извещение, потом другое, обе бумаги оглядел и с другой стороны, будто надеясь обнаружить там опровержение того, что написано на первой, и молча опустился на кучу соломенных объедков.

— Что делать-то? — все рыдала Мария.— Отнеси ты... Я не могу.

— Умолкни, дура,— сказал дед Андрон.

Покоряясь грубому требованию старика, счетоводиха размазала вылившиеся слезы по щекам и пересилила себя, замолчала. А дед сказал:

— Пойду с Петрованом Макеевым обтолкую. Посоветуемся... А ты покуда молчи.

К вечеру они с Макеевым уехали в район, пробыли там до окончания суда над Мишкой, а вернувшись, сообщили Марии, что ходили аж к самому Дорофееву, обсказали все ему о Пилюгине Артемии, обо всем пилюгинском роде, что секретарь райкома обещал, насколько можно, судьбу Мишки облегчить и что-то, видно, сделал, а то дали бы Мишке за убийство не восемь лет, а побольше. И Дорофееву же отдали похоронные, он забрал их, велел покуда молчать про них, сказал, что сам приедет в Романовку и отдаст их Афанасьевой.

— Вот и пущай,— сказала на это Мария.— Он начальник, так и пущай.

И вот Дорофеев приехал.

* *
*

Федор Григорьевич Дорофеев секретарем райкома партии работал всего с полгода. За это время уже дважды побывал в Романовке. Первый раз приезжал осенью, на чем свет стоит отвестерил Артемия Пилюгина за плохую уборку.

— С кем скоро убирать-то? — отбивался Пилюгин.— В колхозишке вон всего два мужика — хромой кузнец да дед Андрон. Андрону восьмой десяток идет, а кузнец пьянчужка...

— А ты-то от него отстаешь, что ли? — сердито спросила вдруг Мария. Она проговорила это, ни на кого не глядя, не отрывая головы от бумажек. Дорофеев и Пилюгин прекратили ругань, оба повернулись к ней, будто ожидая дальнейших слов. Но она, уткнувшись в стол, больше ничего не сказала.

— Тут разрываешься на части. А тут попрекают...— Он кивнул на Марию,— всякой ерундой, можно сказать! — снова загремел Пилюгин. Но секретарь райкома его осадил:

— Ты разрывайся, а дело делай. А этот грешок за тобой водится, говорят. Гляди, Пилюгин, мы не посмотрим, что ты фронтовик... Тем более спросим!

Второй раз секретарь райкома приезжал в Романовку уже по снегу, в последний день ноября. Объявился Дорофеев в деревне раным-рано, еще до восхода солнца, был он обросший, угрюмый, негнущуюся свою ногу волочил тяжелее, чем раньше, будто за месяц-другой она налилась свинцом. На этот раз он не ругал Пилюгина, велел ему собрать всех людей в конторе.

Всех-то и собралось человек тридцать, набились кучей в тесный председательский кабинет, пришла и жена Пилюгина Лидия. Женщины молча ждали, что скажет секретарь райкома.

Последней зашла Катя Афанасьева, молча прижалась спиной к стене. Была она в изношенной до предела, отцовской еще тужурке, подпоясанной обрывком ременных вожжей, черная юбка понизу и с боков залатана ситцевыми заплатами, на ногах разбитые резиновые боты. Лишь голова ее была повязана более или менее целым, без дыр шерстяным платком, но эта единственно приличная вещь в ее одежде как-то не замечалась, может быть, потому, что из-под платка на мир смотрели невеселые, уставшие глаза.

Дорофеев на какое-то мгновение задержал на ней взгляд, отвернулся, спросил:

— Все?

— Совсем уж старухи которые, те по домам еще остались,— ответил Пилюгин.— Позвать, что ли?

— Не надо.

— Да еще кузнеца Макеева растолкать не могут. Судить подлеца за пьянство! Каждый вечер как свинья нажирается.

В это время в контору донесся стук молота о наковальню. Все невольно повернули голову к окошкам, поглядел туда же и Дорофеев.

В безжизненных глазах Кати что-то шевельнулось, она скривила сухие губы:

— Засудить можно... Тогда ладонями пахать будем, а пальцами боронить.

— Ты тут не издевайся, Афанасьева,— бросил Пилюгин.— Эй, кто там, позовите кузнеца!

— Не надо,— опять сказал Дорофеев, подошел к Кате.— Так это ты и есть Афанасьева Екатерина?

— А вам-то что? — враждебно спросила Катя.

— Да ничего... Я человек в районе пришлый. Просто слышал многое о твоем отце.

Так Дорофеев увидел Катю Афанасьеву в первый раз.

Когда он подошел к Кате, зрачки Пилюгина тревожно забегали, а при последних словах секретаря райкома под плохо выбритыми скулами председателя шевельнулись желваки.

В тот, второй свой приезд Дорофеев сперва долго рассказывал о положении на фронте, о том, что в войне наступил давно перелом, наши войска гонят немцев с нашей земли и скоро ее полностью очистят от оккупантов, но пока всему нашему народу тягостно, нелегко достаются победы над сильными еще и озверелыми фашистами, вот и в вашей деревне тяжко...

— А делать-то что, дорогие вы мои женщины? — спросил Дорофеев в полной тишине, и этот вопрос, эти слова — «дорогие вы мои женщины» — выжали кое у кого беззвучные слезы.— А делать нечего, кроме как работать... Ну, худо-бедно, весь урожай вы убрали, хлеб в скирды сложили, а с хлебосдачей на последнем месте. Пилюгин, председатель ваш, говорит, что выдохлись все полностью, некому хлеб тот обмолачивать и государству отвозить.

— А так и получается, что некому,— проговорил дед Андрон.— Что он, врет, что ли?

— Да не врет,— согласился Дорофеев.

— Осень-то какая стояла? — уныло спросил старик.— Дожди захлестали прямо. А чего в мокреть намолотишь? Как установились морозы, зачал я с бабенками помалу обмолот. Молотилка у нас, слава богу, есть, и ниче, работает, опять же кузнец Петрован, золотые руки, всякие в ней железки отладил. А приводной ремень гнилой. Токо, зараза, и рвется. Мы больше его сшиваем, чем молотим. Однакось по два-три воза в день отвозим на заготпункт.

— Знаю,— кивнул опять секретарь райкома.

— А больше што можем? — выставил дед вперед козлиную бородку.— Шкирдовать школьники с району помогли, а то б мы и нашкирдовали вам. А с ноября они учатся.

— Учиться тоже им надо, отец...

— Всем надо... А вон Катькины дети, Мишуха с Захаркой, не ходят в школу,— с обидой выкрикнул дед Андрон.

— Почему ж не ходят? — задал Дорофеев вопрос и в ту же секунду понял, что не надо было его задавать: Катя опустила голову, плечи ее затряслись, женщины, находившиеся в председательском кабинете, перестали, кажется, дышать.

С улицы по-прежнему доносился равномерный стук молота о наковальню.

— В Романовке и начальных групп нету. А в Березовку, где школа-то, на голодную смерть ей отправлять? — спросила какая-то женщина.— Да и в чем, спросить? Раздетые на печке сидят, как котята.

— У нас нынче один председатель только и отправил туда своих,— добавила другая.

— А вы все — давай работу, давай хлебосдачу. Хорошо тебе в кошевке ездить да требовать. Влез бы в нашу шкуру-то!

— Скоро задохнемся от этой работы... Один Пилюгин в деревне останется.

Пилюгин, сидевший недвижимо сбоку своего стола, видно, пошевелился, стул под ним скрипнул. Но сказать ничего не сказал.

Долго молчал и Дорофеев, стоял, обернувшись к окну, будто хотел получше расслышать звуки, доносившиеся из кузницы. Говорить ему было трудно теперь, это все понимали, а больше всех, видно, Мария-счетоводиха.

— Бабы! — выкрикнула она сдавленно.— Уж если вовсе стали все без понимания, так я скажу. Я в районе-то бываю, так слышу, об чем говорят там про него... про Дорофеева. У него нога вон гниет, доктора в область лечить отправляют, а он по району мается. А вы упрекать...

— Ты, Мария, оставь мою ногу в покое! — резко обернулся от окна секретарь райкома.— У всех у нас что-нибудь болит. У каждого свое горе. А есть еще для всех общее...— Дорофеев прислонил к стенке костыль, шагнул от окна к столу. Пилюгин, не вставая, пододвинул навстречу ему поудобнее единственный свободный стул, но Дорофеев не сел, он только оперся о спинку стула обеими руками так, что побелели суставы пальцев. И проговорил несколько фраз негромко, раздумчиво, будто про себя: — Я в разведке служил. Приходилось мне бывать в тылу у немцев. Вы слышали, конечно, чего эти звери на нашей земле творят. А увидеть это своими глазами — никому не приведи господь...

И ничего вроде бы нового и особенного не было в этих словах Дорофеева, но женщины притихли, будто чем-то пристыженные, все, кто сидя, а кто стоя, опустили головы.

А кузнец все стучал и стучал в своей кузнице.

— И не требовать я приехал, женщины,— добавил Дорофеев.— Чего требовать, коли каждая и так хлещется изо всех сил. Приехал попросить вас... Уж больно нужен хлеб фронту.

Опять возникло молчание, долгое и тя-

гостное. Потом снова скрипнул стул под Пилюгиным. Но на этот раз он поднялся и глухо проговорил:

— Товарищи колхозницы... Он правильно, товарищ Дорофеев,— не требовать, а попросить. И надо подумать, как выйти из невозможного. А как, если конкретно? Чего можно придумать? Вот, товарищ Дорофеев, все наличные силы колхоза перед вами. Тут как начнешь думать, так голова кругом...

— От самогонки, как у кузнеца,— зло выкрикнул от дверей надсаженный голос.

— Кто там клевету разводит?! — вскричал Пилюгин.— Ты, что ли, Дуська?

— Я, я! — И низкорослая, юркая молодая женщина в черном полушубке, сквозь многочисленные дыры которого торчал мех, выдвинулась вперед.— Петрована Макеева ты хаешь... Оно, за пьянство кто его хвалит? А Катька вон правильно говорит: мы ж за ним горя не знаем. Плуги-бороны тебе все откует, лобогрейки, сенокосилки к самому сроку отладит. Да сдохли без него бы ведь совсем!

— Ты если хошь, так по делу говори,— прохрипел Пилюгин.— Про хлебосдачу тут речь, а не про кузнеца.

— А я про что? — шагнула к нему Дуська.— Макеев пьет, да дело разумеет.

— Коль я не разумею — зачем в председатели ставили?

— Да мужик же, думали! А ты мужик лишь на выпивку... на одно только это дело!

— На два-а...— протянула вдруг стоявшая в углу жена Пилюгина, подняла тяжелые, ненавидящие глаза на Катю Афанасьеву.

Голос Лидии еще не затих, как в председательском кабинете снова установилось безмолвие. Бойкая бабенка Дуся как-то виновато закрутила головой в пестром платке, втиснулась в кучу людей. В этой тишине раздался громкий всхлип, и Катя Афанасьева, ударив плечом дверь, вылетела наружу.

Дорофеев обвел всех взглядом. Но угрюмо сидевшие и стоявшие перед ним женщины старались спрятать от него глаза.

— Не гожусь, так снимайте с поста.— Пилюгин зловеще резанул глазами по своей жене, стал опускаться на свой скрипучий стул.— А с этой хлебосдачей... Ну, могу, конечно, сам у молотилки встать...

— А почему бы тебе не встать?! — свистящим голосом произнес Дорофеев. Глаза его сузились, заблестели, на лбу то возникали, то исчезали поперечные морщины.— Я понимаю, у кузнеца работы хватает. Но сейчас ноябрь, времени для ремонта инвентаря еще с излишком. Почему бы и его не поставить сейчас на обмолот? Вот уже два человека... к тому ж мужчины.

— Я все ж таки... инвалид. С моим-то здоровьем...— промолвил было Пилюгин.

— А я не инвалид?! — рявкнул Дорофеев по-мужицки и весь затрясся. Но тут же опомнился, взял себя в руки. Дрожащими руками приподнял за спинку стул, переставил его чуть на другое место.— Простите...

Это последнее слово он произнес глухо, почти шепотом, на какие-то секунды опустил глаза. И, тут же поднимая их, заговорил уже ровно и спокойно:

— И у кого здоровье лучше? У Андрона Игнатьевича, может? Или вот у этой женщины... Дуся? Чего там прячешься?

— Я-то? — смутилась женщина.— Чего мне прятаться? Не невеста...

— Как твоя фамилия?

— Да Устинова я. С Катькой на кошаре работаю.

— У тебя лучше здоровье, чем у Пилюгина?

— Так оно как? За день наломаешься — так и не знаешь, осталось в тебе чего живого или нет. Идешь и за стены держишься. Еще и заря не зарится, а ты уж опять голову с подушки рвешь. А она как чугунная, голова-то... А тебе, Лидка, при всех скажу: зря ты грешишь на Катьку! — обернулась она вдруг к жене Пилюгина. И тут же в полной тишине бахнула: — Уж коли на то пошло — ты б на меня, паскудницу...

— Евдокия! — побагровел Пилюгин от крика.

— А что, не было, что ли?! — стремительно обернулась она к нему. Круглое лицо ее от злости в эту минуту как-то заострилось, стало неопрятным и некрасивым.— «Дусенька, Дусенька, обзолочу...» Вот, обзолотил! — тряхнула она полами рваного полушубка.— Все вы, мужики, подлюки. Как бабу берете, так города отдаете, а после и деревеньки жалко... А Катька, чтоб ты, партийный начальник, знал, чистая. Чистая...

И с этими словами она тоже выскочила из конторы под смех и возбужденный говор женщин. В углу конторы тяжело всхлипывала Лидия, но ее никто не утешал, как-то никто будто и не замечал ее плача. В получившейся обстановке Дорофеев чувствовал себя неловко, глупо топтался у стола.

— Вот... видали ее такую... клеветницу,—промямлил Пилюгин, растягивая пальцем воротник гимнастерки.— Обмазала при народе при всем грязью.

— Я не в грязи вашей приехал копаться! — воскликнул Дорофеев.— Давайте думать, как обмолот и хлебосдачу наладить... А с тобой, Пилюгин, видно, разобраться надо будет.

Обмолот и хлебосдачу Дорофеев в тот раз наладил, из Березовского колхоза подтащили еще одну, стоявшую там без дела молотилку, из МТС пригнали для нее колесный трактор, помог Дорофеев и новые приводные ремни достать, на двух молотилках работали теперь в две смены все — от мала до велика — и Петрован Макеев, и сам председатель Пилюгин, и Мария-счетоводиха, Мишуха Афанасьев... Ребятишки помоложе Мишухи под командой Дуськи Устиновой (на кошаре Катя делала всю работу одна) по десять — двенадцать возов пшеницы в день отвозили на заготпункт. А вот разобраться, как обещал, с Пилюгиным, Дорофеев не успел...

Продолжение следует.

Юрий ПОПОВ

Фото автора

АНГЛИЯ БЕЗ ТУМАНОВ

Два буксира, похожие на черных жучков, с трудом оттащили огромный корабль-паром от причала и вывели на чистую воду. После двухдневной тряски на поезде через всю Европу с удовольствием вдыхаешь свежий воздух и наслаждаешься беспредельным морским простором. Хук-ван-Холланд, голландский порт, остался за кормой. Впереди Гарвич близ Лондона. Время раннее, за окном рваные тучи сеют мелкий дождь и дует порывистый ветер.

Побродив по палубам, от нечего делать присел в просторном вестибюле у кормы. Пассажиров немного, но здесь почти все места заняты. Полный собственного достоинства бармен в роговых очках ловко и быстро наполняет кружки пенящимся пивом, неслышно скользят официанты. Напротив у стены расположилось семейство англичан. Жена вяжет и негромко разговаривает с мужем. На полу возятся ребятишки — тоже тихо и неназойливо. На них никто не обращает внимания. В углу на диване два немца с девицами — один рыжий, как мандарин, другой черный. Уловил несколько фраз на немецком. На них тоже никто не обращает внимания. Спросил у соседа рядом, сколько плыть до Гарвича. Он вскинул удивленно брови и ответил не спеша: шесть-семь часов — и снова умолк. Мне даже стало как-то неловко — побеспокоил человека.

В вагоне поезда, еще когда стояли у Белорусского вокзала, чуть не добрая половина пассажиров в первые минуты завязала знакомство, и начались разговоры, кто куда едет. А здесь много людей, но ты один, и все изолированы друг от друга какой-то невидимой, непробиваемой стеной.

Четырехлетний малыш сорвался за своим братишкой, но споткнулся и больно шлепнулся около моего кресла. Я помог ему подняться. Он озадаченно посмотрел на меня, потер ушибленный лоб и побежал дальше. Его мать оторвалась от вязанья, слегка улыбнулась, но не двинулась с места. Я уселся поглубже в кресло и начал читать статью о Лондоне в попавшемся где-то под руку журнале.

Лондон — это город городов, источал восторги автор. За две тысячи лет существования он многое испытал — и хорошее и плохое. Он создал величайшую империю в мире и затем отказался от нее. Это был первый величайший промышленный центр, город первого парламента, арена бесчисленных социальных и политических экспериментов. Моцарт исполнял свою первую симфонию в Лондоне, и Карл Маркс начал писать здесь свой «Капитал». Это город, где свершались страшные убийства, город шпионов, аукционеров, хирургов и королей рока. Лондон имеет пять симфонических оркестров, 11 ежедневных газет, девять кафедральных соборов, одну из самых протяженных систем метро. Это обиталище последней великой монархии — Виндзорской династии. Лондон — это все, что нужно. Если вы устали от Лондона, сказал доктор Сэмуэль Джонсон однажды, вы устали от жизни.

Я не устал от жизни, и после этих слов Сэмуэля Джонсона, определявшего литературные вкусы Англии в XVIII веке, я с нетерпением стал ожидать свидания с этим выдающимся городом конца XX века. Он встретил меня сияющим солнцем, голубым небом, зелеными парками, нарядными витринами магазинов, шумом уличной толпы. Знаменитых лондонских туманов и нудных, моросящих дождей мне не довелось увидеть ни в столице, ни в других городах. Все говорили, что мне крупно повезло.

Уже в гостинице я сразу почувствовал перемены с тех времен, когда мне впервые довелось здесь быть лет пятнадцать назад: тогда я имел номер в три раза лучше за цену в четыре раза дешевле. Что поделаешь — фунт изрядно похудел, а стоимость жизни подскочила.

Но время нечего терять. Нужно посмотреть город. Здесь ведь есть что посмотреть — и древностей полно и сегодняшний день интересен. Лондонский Тауэр, старинная крепость, обитель древних королей, пристроился на северном берегу Темзы.

Рядом с Вестминстерским мостом, также на берегу реки, раскинулось монументальное здание английского парламента с замысловатыми украшениями в готическом стиле. С одной стороны от него башня знаменитых часов «Биг Бен», а за парламентом — Вестминстерское аббатство. Под его сводами не прекращаются реставрационные работы. В одной из галерей разговорился со скульптором, занятым реставрацией. Он повел в мастерскую, показал новые, вытесанные из белого камня копии фигур святых и епископов, которые будут установлены взамен разрушившихся от времени и непогоды на карнизах. Потом пошли посмотреть церковь. По дороге он рассказывал об истории этого древнего сооружения, где короновались все английские короли начиная с Вильгельма Завоевателя и где находятся могилы Ньютона и Дарвина и памятники Шекспиру и Диккенсу. Заросший седой бородой до самых ушей, с умными, живыми глазами г-н Айрес, как он отрекомендовался, просто тронул меня своим вниманием и какой-то естественной доброжелательностью. Я сказал ему об этом и о своих наблюдениях на пароходе-пароме.

— Во-первых, — ответил он, — я не англичанин, а уэльсец. А во-вторых, и англичане бывают разные.

Да, действительно разные, подтвердил позднее один из моих коллег-журналистов, проживший в Англии не один год. Но все же у англичан можно проследить и много общего. У них есть неписаные, но четкие нормы поведения, которые соблюдаются достаточно строго. В английскую жизнь нельзя вторгаться, ее нужно постигать постепенно, шаг за шагом. Тогда можно найти ответы на многие вопросы. Для англичанина поговорка «Мой дом — моя крепость» не просто фраза. Он законченный индивидуалист и всегда отстаивает свое право на независимость. Ты заметил, что на тебя никто не обратил внимания на пароме. Так же никто не обращает внимания и на улице. Каждый идет по своим делам, и улица — не место встреч. Если попросишь помочь — помогут, если заблудился — растолкуют, как добраться, но никаких уличных знакомств и ненужных разговоров. Для этого есть пабы-кафе и другие места, где можно расслабиться. Но с незнакомыми людьми англичанин всегда держится настороженно.

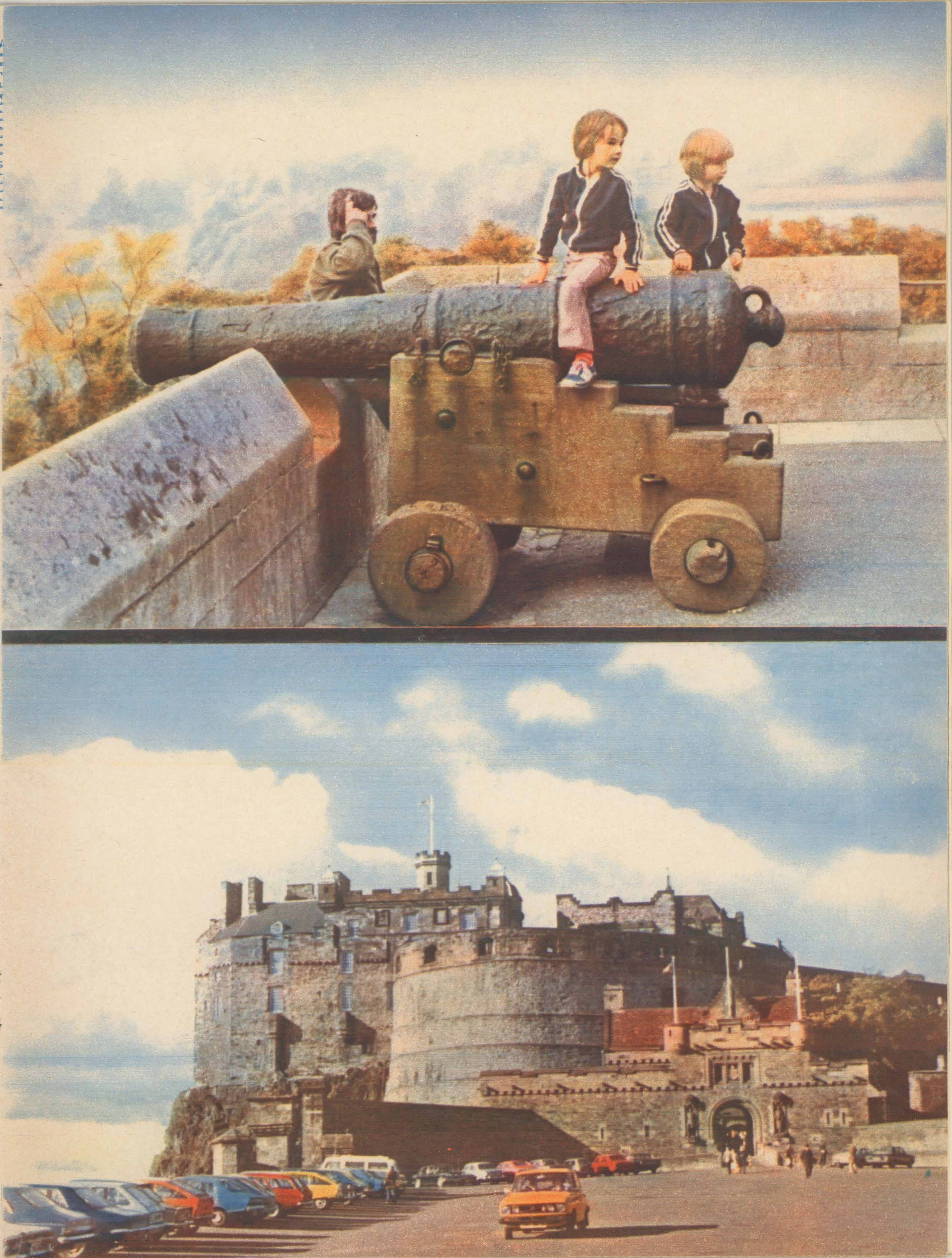
Одна из достопримечательностей Лондона — его знаменитый Гайд-парк. О нем писано-переписано и сказано-пересказано. Но тем не менее, говоря о Лондоне, нельзя обойти его стороной. Наибольшей известностью пользуется та его часть, которая носит название Мраморной Арки. Здесь находится тот «уголок ораторов», где каждый может произносить речи о чем угодно, кроме особы королевы. И, представьте себе, говорят. Взгромоздившись на деревянный ящик, рыжебородый субъект в красной бархатной шапочке ратует за создание министерства любви, которому следует, по его мнению, предоставить право инспектировать способность всех граждан любить и быть любимыми. Несет, в общем, похабщину, но публика слушает и смеется. Транспарант, укрепленный рядом, извещает, что он анархист.

Рядом «социалист» объявляет о создании новой партии. Подальше пастор нудно и монотонно читает молитву, которой внимают несколько старушек. Пожилой сгорбленный человек таскает транспарант, на котором написано: «Конец близок». Он уговаривает поверить наконец в бога. Чернокожий африканец предлагает избрать его в премьер-министры Англии, и тогда он решит все проблемы страны. Короче говоря, большинство ораторов паясничает, публика развлекается, иностранцы щелкают аппаратами, а «бобби» — полицейские двухметрового роста — следят за тем, чтобы порядок не нарушался. «Бобби» не зря здесь присутствуют. Иногда страсти разгораются, и им приходится вмешиваться.

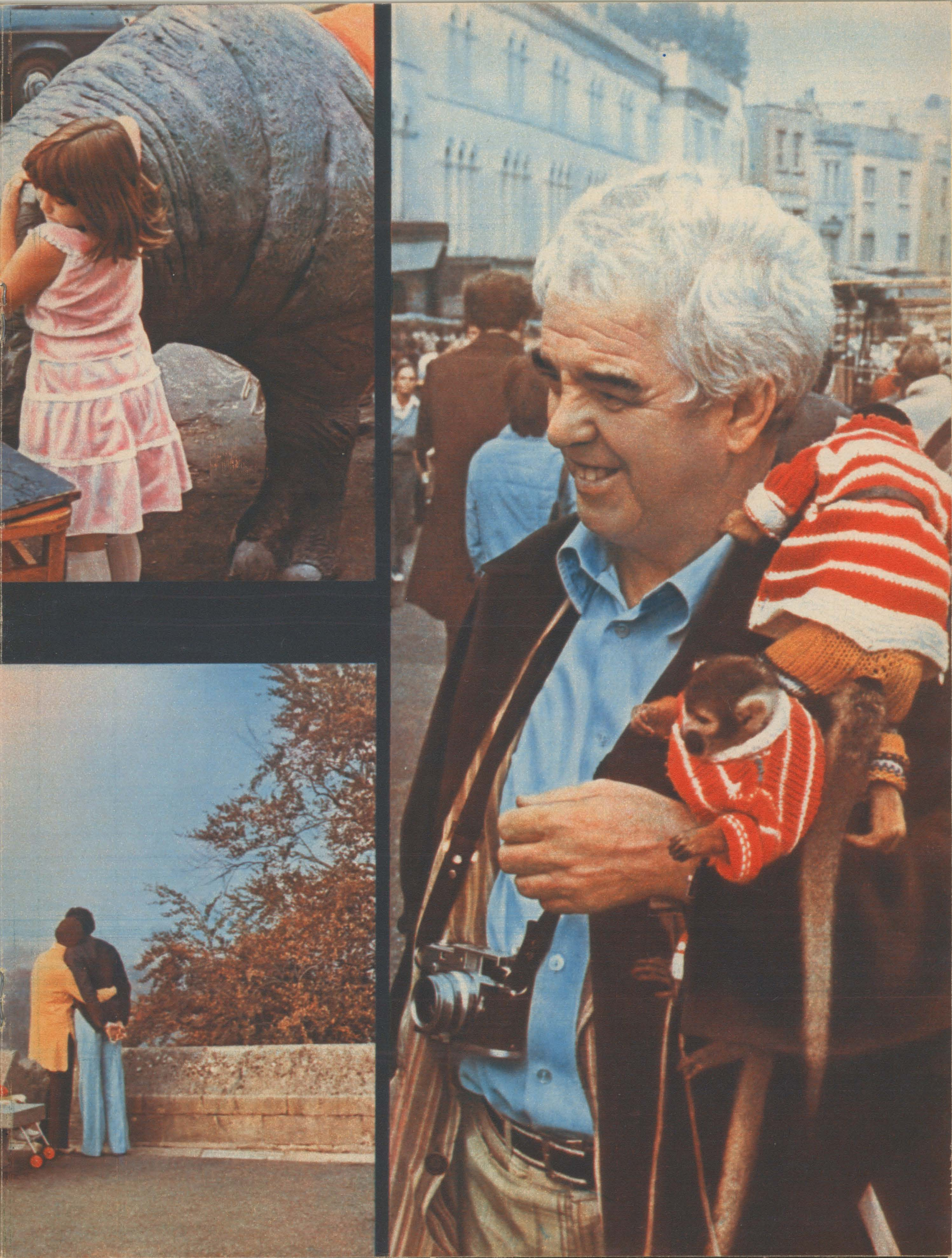
Когда-то этот «уголок», может быть, и играл свою роль в общественной жизни Англии. Он до сих пор изображается как один из атрибутов «английской демократии», как средство осуществления на деле основного права человека — права на свободу слова. Но, несмотря на это, с правами человека в Англии дело обстоит не так уж просто. Тот же прогуливающийся со сложенными руками за спиной полицейский может вас запросто упечь за решетку. В книжке, предназначенной для приезжающих в Англию иностранцев, «Альтернативный Лондон», я прочел такие слова: «Даже вы не обладаете иммунитетом против ареста, так что вам следует знать, что делать в этом случае. Если вы выглядите не совсем обычно (из-за вашей прически, одежды или цвета вашей кожи), вам необходимо это знать в еще большей степени, так как шанс быть аресто-

Эти грозные орудия когда-то охраняли независимость Шотландии. * Старинный замок в Эдинбурге.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Дикие гуси в парках Лондона совсем не боятся людей. * Носорог у входа в лондонский магазин хоть и ненастоящий, но очень интересный. * Вечерняя идиллия. * Турист в обществе своих обезьянок выглядывает, чего бы купить на популярной барахолке на Портобелло-род.

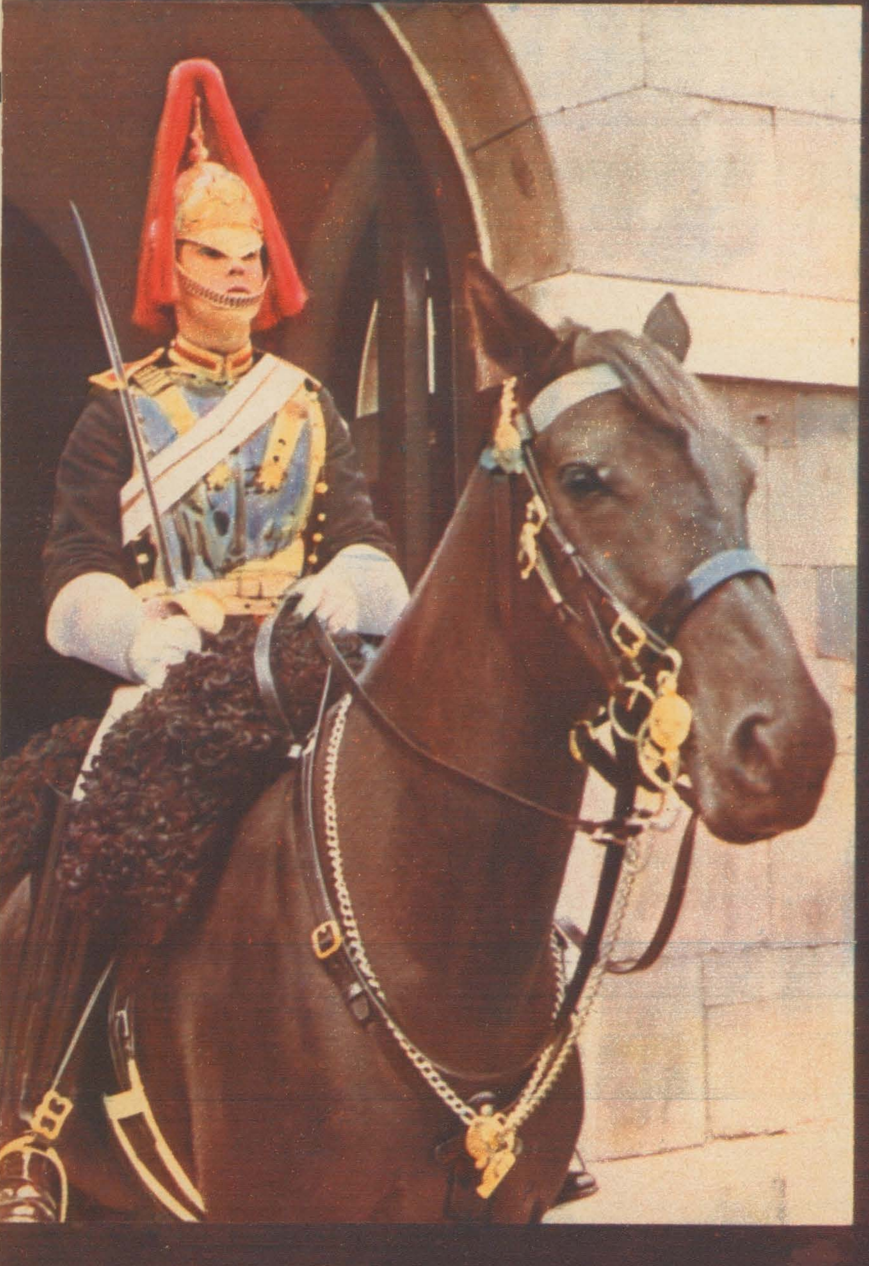

THE
END
IS
AT HAND
(1. PET. 4. 7.)

ванным у вас больше, чем у других». Далее описывается целая серия приемов, с помощью которых полиция может засадить вас в тюрьму, и советы, как вести себя со стражами закона и порядка, если не хочешь попасть к ним в лапы. Приемы настолько изощренные и разнообразные, что мне как-то и самому захотелось держаться подальше от этих «бобби».

Когда бы ни пришел я в Гайд-парк, здесь всегда народ. У прудов с лебедями и дикими гусями и утками, берущими корм прямо из рук, сидят в шезлонгах и греются на солнышке чистенькие, припудренные старушки и аккуратные старички. Там и сям валяются на траве, подложив под голову газету, люди. Особенно много молодежи. Кажется странным, что такому количеству людей нечего делать в самый разгар рабочего дня.

Бывает, что у Мраморной Арки разгораются споры и по острым социальным вопросам. Англия находится уже давно в состоянии перманентных социальных потрясений. Являясь одним из столпов политической и экономической структуры современного капитализма, она испытывает на себе и все тяготы и последствия этого обстоятельства. Активное участие в НАТО, членство в европейском Общем рынке не проходят даром. Экономика снова пришла в упадок. Фунт обесценивается, цены растут, безработица также, жилищ не хватает. Зато растут прибыли монополий, банков, промышленных корпораций.

Находящаяся на службе монополий английская печать пытается переложить вину за создавшееся положение на рабочих, требующих якобы слишком многого для себя. В журнале «Уикэнд», рассчитанном на типичного серого обывателя, я прочел статью под заголовком «Приободритесь — вы живете лучше, чем вы думаете». Из-за постоянных жалоб на рост стоимости жизни можно подумать, что мы являемся нацией бедных и обездоленных, пишет журнал. Однако в действительности никогда мы не жили так, как сейчас. У нас сейчас лучше жилища, мы лучше питаемся и одеваемся, чем когда-либо раньше. У нас больше автомашин и предметов домашнего обихода.

Те, кто говорит о «старых добрых временах», не помнят голодные тридцатые годы, когда было обычным явлением видеть разутых детей в лохмотьях. Быть безработным или уволенным с работы означало нищету.

Сейчас мы пьем больше пива, пишет журнал, чем десять лет назад, — свыше ста литров в год на каждого мужчину, женщину или ребенка. Мы также пьем в четыре раза больше вина и крепких напитков, чем прежде, десять лет назад.

Вывод напрашивается сам собой: так зачем же требовать лучшего, зачем бастовать?

В этом же номере журнал обрушился и на рабочих. «Уикэнд» уверяет, что английские рабочие бастуют по всяким пустякам. Любой повод может быть использован — начиная с вопроса о спецодежде и кончая туалетной бумагой. Почти 10 миллионов рабочих дней было потеряно в Англии в прошлом году в результате забастовок, и далеко не все они имели причиной требование о повышении зарплаты.

Действительно, не все. Даже в этой статейке упоминается о том, что поводом для забастовок была и плохая вентиляция на предприятии и увольнение профсоюзного работника владельцами фирмы. Рабочий класс Англии упорно боролся за свои права и кое-чего сумел добиться. Но сейчас на профсоюзы идет новое очередное наступление с тем, чтобы в законодательном порядке лишить их этих прав и, в частности, ограничить их право на забастовки.

Но вернемся в Гайд-парк, к этим не знающим куда себя девать людям. Многим из них попросту нечего делать. Это безработные. Их в Англии около полутора миллионов, и значительная часть из них — молодежь. «Никогда мы не жили так, как сейчас», — писал «Уикэнд». А вот что утверждается в объявлении бюро по трудоустройству молодежи:

«Сейчас в Британии больше молодежи, не имеющей работы, чем когда-либо после войны. В некоторых районах это участь каждого третьего. Причем они не какие-то лодыри, не желающие трудиться, а жертвы реального состояния экономики страны. Они обращались к нанимателям иногда десятки раз, но слышали в ответ, что у них нет шансов получить работу, поскольку они не имеют квалификации и практического опыта. Так, даже не переступив порога жизни, они оказались выброшенными на свалку».

Число англичан в возрасте до 25 лет, не имеющих средств к жизни, за последние пять лет возросло более чем вчетверо. Как отмечала газета «Санди таймс», Англии принадлежит западноевропейский рекорд по доле молодежи в общем числе безработных — до 40 процентов.

...До столицы Шотландии Эдинбурга от Лондона около 600 километров. Лучше всего добираться ночным поездом.

В Эдинбурге была тоже яркая, солнечная погода. Позвонил г-ну Элиоту, одному из руководителей Ассоциации Великобритания — СССР. Эта ассоциация, созданная еще во время прошлой войны, имеет целью способствовать развитию культурных связей между двумя странами. Г-н Элиот пришел в сопровождении г-на Меллона, высокого, худощавого, прилично говорившего по-русски. Решили пройтись пешком до старой крепости, а потом уже проехаться по городу.

Не знаю, то ли виновата в этом погода, то ли общество двух удивительно приятных людей повлияло, но Эдинбург произвел на меня самое большое и отрадное впечатление. Как будто попал в сказочный город. Здания со шпилями и башенками, старинные дворцы, крепостные стены. Город чистенький и какой-то весь нарядный и светлый. Мы привыкли называть Соединенное Королевство Англией. Но Англия — это лишь часть страны. Шотландец никогда не назовет себя «англичанином» и даже «британцем». Он принадлежит к другой национальности, у которой свои обычаи, своя история, своя культура, свой стиль жизни и даже где-то в чем-то утраченный, но свой язык. Шотландия долго боролась за свою независимость от Англии. И сейчас шотландцы продолжают требовать для себя автономии.

— Мы хотим для себя самоуправления, — говорит г-н Элиот. — Хотим иметь свою ассамблею-парламент. Мы не претендуем на полную независимость. Это нереально. Финансы, оборона, внешние сношения должны находиться в ведении центрального правительства. Но что касается наших внутренних дел, развития нашей экономики, сохранения особенностей культуры — это уж, позвольте, наше дело. Вы знаете, шотландское виски производится только у нас. Но из каждых 5 фунтов, составляющих стоимость одной бутылки, четыре идет в казну центрального правительства. Справедливо ли это?

Шотландцы считают, что правительство Великобритании на протяжении долгих десятилетий пренебрегало их нуждами и интересами. Приходят в упадок традиционные отрасли промышленности Шотландии из-за нежелания предпринимателей вкладывать деньги в их модернизацию. В Северном море вблизи Шотландии были открыты богатые залежи нефти, но и это не отразилось ни в какой мере на жизни населения. Катастрофически высок здесь уровень безработицы, падает уровень жизни трудящихся, приходят в запустение города.

Особенно гнетущее впечатление произвел на меня Глазго. Когда-то это был второй центр Британской империи, город металлургов и судостроителей. Сейчас сотни домов на восточной окраине зияют пустыми провалами окон. Улицы захламлены. В некоторых районах безработица составляет 20 процентов. «У ребят в этом городе всего лишь одна мечта в жизни, одна цель, — писал лондонский журнал «Обсервер», — выжить, пока они не станут взрослыми и не смогут навсегда покинуть Глазго». С начала шестидесятых годов число рабочих мест в Глазго сократилось на 90 тысяч человек в результате жестокого кризиса в области металлургии и судостроения.

Проблемы Шотландии явились одной из важнейших причин, приведших к поражению лейбористского правительства Англии на майских выборах и приходу к власти консерваторов.

...Снова Лондон. Находившись за день по городу накануне отъезда, решил присесть в сквере и отдохнуть, осмотреться. Ветерок гнал сухие листья, солнце клонилось к западу, вихрастые мальчишки в неизменных полувылинявших джинсах гоняли на велосипедах. Худощавый благообразный старичок с мохнатой, как швабра, собачкой, увидев меня, тоже тихо присел рядышком. Я заметил, что в парках Лондона англичане действительно гораздо разговорчивее, чем, скажем, в автобусе или метро. Может быть, потому, что они приходят сюда отдохнуть, расслабиться, освободиться от психических и физических перегрузок, накопленных за день. Как бы там ни было, симпатичному старичку, как мне показалось, очень хотелось вступить в контакт. Я решил помочь.

— И часто у вас такая великолепная погода стоит? — обратился я, извинившись, к нему, хотя великолепно знал, что не очень часто. Но надо же было как-то начать, а спросить о погоде в Англии считается вполне допустимым и приличным.

— Не очень часто, но бывает. А вы, значит, недавно в Лондоне? — в свою очередь, поинтересовался он.

— Всего несколько дней на этот раз. Но лет пятнадцать назад я был здесь какое-то время, ожидая парохода на Бомбей.

— Так вы были и в Индии?

— Да, около пяти лет там провел.

— Мне тоже изрядно пришлось побродить по этому району. Еще до войны отправился туда «делать состояние». Был управляющим на каучуковой плантации в Малайзии. Это время моей молодости, а о них всегда вспоминаешь с удовольствием. Состояния я не сделал. Жена умерла, детям не нужен. Живу вот один с Рексом. Кстати, меня зовут Гарви Кирк.

Много этих обломков империи доживает сейчас свои дни дома, в Англии. Но есть и другие обломки.

На улицах Лондона, да и других городов постоянно встречаешь индийцев, пакистанцев, жителей Африки в их ярких, красочных одеждах, особенно бросающихся в глаза на монотонном фоне английских улиц. Именно против этих «цветных» открылась в последнее время целая кампания на Британских островах. Английские расисты говорят, что из-за небелых иммигрантов коренным англичанам приходится испытывать массу трудностей и с жильем и со школами, которых не хватает. Да и с работой из-за них становится еще тяжелее. Этими настроениями, кстати, заражены и многие английские обыватели, не желающие понять истинное положение вещей и проявлять элементарный здравый смысл.

Откуда появились эти люди на Британских островах? Это жители бывших английских колоний, большинство из которых имеет британские паспорта. В свое время из их числа набиралась рабочая сила для самых черных и низкооплачиваемых работ в самой Англии. Сейчас специальными законами въезд для таких «английских подданных» резко ограничен. У себя дома их тоже считают «иностранцами». И часто им попросту некуда податься.

Вообще-то говоря, этих «цветных иммигрантов» в Англии не так уж много, и требования расистов о том, что их необходимо переселить с Британских островов, направлены на разжигание расовой ненависти в стране, — выходцы из Азии и Африки составляют немногим более трех процентов населения.

Мистер Кирк, с которым я беседовал на скамейке в Гайд-парке, не принадлежит к числу расистов. Наоборот, он понимает проблемы «цветных» в Англии и сочувствует им. Понимает он и другое: хоть Англия и лишилась своей обширной империи, над которой в былые времена «никогда не заходило солнце», она еще далеко не ушла из своих бывших колоний. Английский капитал контролирует и огромные каучуковые и чайные плантации, добычу олова и других полезных ископаемых в странах Азии и Африки, в их руках остались нефтяные промыслы, крупнейшие банки, торговые коммерческие фирмы. Такие фирмы, как «Гатри», «Данлоп», «Жардин и Метесон», все еще дергают ту ниточку, которая управляет, например, дальневосточной политикой Англии. Крупнейшим плацдармом английского влияния в Юго-Восточной Азии является английская колония на китайской земле Гонконг.

Англия — это одна из стран, обремененных целым комплексом сложных и противоречивых проблем. Убийство выдающегося деятеля второй мировой войны лорда Маунтбэттена вновь всколыхнуло страну и привлекло внимание к проблеме Ольстера в Северной Ирландии. Шотландцы продолжают требовать автономии, так же как и жители Уэльса. Существует проблема с «цветными», проблемы отношений с Родезией, со странами европейского Общего рынка и множество других. Страну лихорадит, и будущее не сулит спокойствия и умиротворенности, чего так жаждет среднеарифметический англичанин.

Мы покидали Гарвич хмурым утром. Шел моросящий дождь, и небо заволокли серые тучи. Корабль-паром развернулся в сторону Голландии. Вновь предстоял путь через всю Европу домой.

Уличный музыкант. * Сколько достоинства у обоих! Королевский гвардеец на улице Уайт-холл. * Уголок знаменитого Гайд-парка, где можно упражняться в ораторском искусстве. «Конец недалек», — утверждает новоявленный мессия с плакатом. * Он может за несколько шиллингов предсказать вашу судьбу.

человек
в коллективе

СЕБЯ ПРЕОДО

Виктор ПРОНИН

Нередко можно прочесть или услышать о том, как на каком-либо предприятии передовая бригада или участок, прикинув свои возможности, предлагает другим помериться силами, посостязаться, иными словами, становится зачинщиком повышения производительности труда, качества продукции. Все это закономерно. Но случай, который произошел на Павлодарском алюминиевом заводе имени 50-летия СССР, явно не укладывается в привычную схему. Случай этот несколько иного плана.

Два года назад бригада из ремонтно-строительного цеха—ею руководит Александр Леонидович Горохов — выступила с почином, который в коллективе назвали длинно и не совсем понятно: «Состоянию трудовой дисциплины и общественного порядка — коллективную ответственность». Суть его заключается в том, что отныне бригада берет на себя ответственность за прогулы каждого ее члена, за нарушения трудовой, производственной дисциплины, срыв заданий и так далее. Причем берет не формальную ответственность, не просто обязуется поговорить с нарушителем, пригрозить увольнением или в самом деле добиться увольнения. Нет, все гораздо серьезнее. В случае, если будет кем-либо допущено нарушение норм жизни трудового коллектива, вся бригада, в полном составе, добровольно отказывается от месячной премии из фонда заработной платы, которая, кстати, составляет не больше и не меньше, как четверть зарплаты, а также от премий по внутрицеховому, общезаводскому, всесоюзному социалистическому соревнованию.

Что важно — рабочие вовсе не сводили разговор к деньгам. Да, они обязались воздействовать на нарушителей авторитетом коллектива, обязались соблюдать производственную дисциплину, нравственные нормы в быту, в общественных местах. Отказ от премии в случае срыва обязательств лишь подтверждал серьезность намерений.

Но и это еще не все. Пожалуй, главное заключалось в том, что бригада Александра Горохова отнюдь не значилась среди передовых коллективов. И средние места тоже были для нее недостижимы. Короче говоря, бригада эта была известна на заводе как наиболее отстающая. И если уж в чем-то занимала первые места, то по прогулам, пьянкам, опозданиям на работу. Случалось и так, что на работу не выходило три, четыре, а то и пять человек из двенадцати. А что касается качества работ, производительности труда, то об этом и говорить нечего. И еще — трудовая дисциплина самого Александра Горохова тоже оставляла желать много лучшего. Когда в бригаде шел разговор о переменах, именно это обстоятельство смущало многих больше всего. Да, Горохов был прекрасным специалистом, ветераном производства, да, он мог блестяще выполнять и бетонные работы, и мозаичные, и многие другие, которыми приходилось заниматься ремонтно-строительному цеху. Но ответственность, самоконтроль... Здесь репутация Горохова была не столь безупречна.

И вот такая бригада выступает с такой инициативой. Впрочем, сказать, что она выступила с инициативой, будет неточно. Скорее это была вспышка.

Рассказывает начальник участка Виктор Яковлевич Давыдов:

— Как-то раз на общезаводском собрании нас прилично чехвостили и в хвост и в гриву — было за что! На заводе работает несколько тысяч человек, в нашем цехе и двух сотен не наберется. Но мы давали половину прогулов, опозданий. Делами тоже не блистали. И ребят однажды заело. Общее настроение можно было выразить двумя словами: сколько можно? Сколько можно слушать обидные вещи, до каких пор к самим себе можно относиться так наплевательски?! Ведь мастеровые люди в бригаде собрались! А как только на собрании о нашем цехе, о той же бригаде Горохова разговор заходит — смех в зале.

На современных крупных заводах, оснащенных совершенным оборудованием, иногда можно встретить несколько пренебрежительное отношение к ремонтным службам. Основные цехи дают продукцию, осваивают электронику, счетные машины, там работают грамотные инженеры, к ним с почтением обращается начальство. А ремонтники — это, мол, так, санитары производства. И постепенно укореняется мнение, что дельный человек в этот цех не пойдет. Такое соображение если и не было высказано вслух, то вполне четко прозвучало в выступлениях на том памятном собрании, о котором говорил Виктор Яковлевич. И это показалось многим, особенно молодым рабочим, несправедливым, обидным.

В самом деле, когда обсуждают дела основных цехов, то говорят о том, что почти весь глинозем — основная продукция завода — идет со Знаком качества; о том, что впервые в мире освоена новая технология получения глинозема из низкокачественных бокситов, запасы которых в Северном Казахстане большие; о том, что с 1974 года завод неизменно побеждает во всесоюзном социалистическом соревновании; о том, что группа специалистов предприятия недавно выдвинута на соискание Государственной премии СССР по науке и технике, и о многих других вещах, одно упоминание которых вызывает уважение. Но как только разговор заходит о ремонтно-строительном цехе, в зале наступает оживление, и само это оживление оскорбительнее напоминаний о прогулах, опозданиях, производственных срывах.

Ребята, решившие столь резко изменить свое отношение к работе, а следовательно, и к самим себе, прекрасно понимали, что речь идет прежде всего о преодолении некоего психологического барьера. Трудно вот так сразу перейти от расхлябанности к жесткой дисциплине, научиться ценить рабочее время, выработать в себе чувство собственного достоинства, гордости за дело, которым занимаешься.

В конце концов цель была не только в том, чтобы их похвалили за примерное поведение, ублажили бы их самолюбие. Цель была и в том, чтобы появились производственные успехи, чтобы они не исчезли, когда пройдет чувство новизны, когда сама бригада, администрация завода, весь коллектив привыкнут к их вызову и он перестанет удивлять кого бы то ни было.

Трудность заключалась и в том, что мало было поверить в себя, надо было поверить в товарища. Некоторые опасались, иные колебались, была и откровенная боязнь.

— А я за самого себя боюсь! — воскликнул как-то один из членов бригады.— Вдруг я прогуляю?! Чего не бывает! И ахнут мои денежки, ахнут ваши денежки! Вы станете тогда разговаривать со мной? А если из-за кого-то я пострадаю? Но это еще полбеды, а смех на весь завод, на весь город? Ведь переругаемся все! Мы не то что плохо, мы вообще работать не сможем! Этого вы не боитесь?!

Представим себе и другую сторону дела. На заводе немало бригад, которые если и не хватали звезд с неба, то работали вполне прилично, уважали себя и свою работу, относились всерьез к своим обязанностям. И кто знает, может быть, утешались тем, что они далеко не самые худшие, что есть такие бригады, как гороховская, о которой вообще никто доброго слова сказать не осмелится. И вдруг именно бригада Горохова делает резкий рывок вперед. Пока еще не в производстве, скорее в сознательности, ответственности, но рывок очевидный. И кое-кто почувствовал себя уязвленным, кое-кто ощутил явный вызов,— бригада Горохова своим почином откровенно бросила перчатку многим.

Конечно, это превращение произошло не сразу, иначе все было бы слишком просто. Не один раз бригаду собирали в парткоме завода, прикидывали возможные последствия почина, вероятность успеха. И наряду с такими «техническими» деталями, как, например, разряд, мастерство, зарплата, обсуждались и непривычные для подобных разговоров понятия: сила воли того или иного члена бригады, чувство собственного достоинства, гордость или, наоборот, пассивность, безразличие, бесхарактерность. Не последнюю роль сыграла и сама профессия ребят. В конце концов выполнить свою работу настолько хорошо, насколько можешь,— это стремление есть в каждом человеке, надо только его пробудить, поддержать, не убить равнодушием или насмешкой.

Здесь нужно сделать маленькое отступление. Дело в том, что на Павлодарском алюминиевом заводе работает зрелый, грамотный коллектив, и люди тут ответственно относятся ко всевозможным начинаниям, понимая, что далеко не каждому почину суждена долгая жизнь и признание других коллективов. Вот что говорит по этому поводу директор завода Игорь Владимирович Прокопов, человек молодой, энергичный, человек, который пользуется в коллективе большим уважением...

— Мы считаем, что почин состоялся не тогда, когда рабочие берут обязательства, когда гремят оркестры. Он состоится, когда даст нам конкретную, вполне ощутимую отдачу — рост производительности труда, улучшение качества продукции, сокращение потерь рабочего времени и так далее. Поэтому мы не торопились радоваться обязательствам бригады Горохова, предоставив ребятам доказать, чего стоит их решение, насколько оно продуманно, реально, чего стоят они сами как коллектив. И что стоит за их решением: сиюминутная обида на чье-то резкое выступление или нечто большее? У нас на заводе мы поддержали почин аппаратчика цеха спекания В. Н. Позднякова — почетного металлурга страны, кавалера орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, который много сделал для того, чтобы рабочие завода освоили смежные профессии. Очень помог нам почин прокальщика А. И. Туракбаева — он тоже почетный металлург СССР, награжден орденом Трудового Красного Знамени. А. И. Туракбаев у нас первым начал бороться за то, чтобы на каждом технологическом комплексе была превышена проектная производительность труда.

Осторожность директора понятна, люди, которых он упомянул, действительно сделали для предприятия много. Например, тот же

ЛЕТЬ

В. Н. Поздняков, будучи наставником, подготовил несколько десятков аппаратчиков, на участке, где он работает, все имеют по две и больше специальностей, только в цехе спекания не без его участия, не без его примера в прошлом году окончили курсы стропальщиков и электросварщиков более семидесяти молодых металлургов.

Но вернемся к бригаде Александра Горохова, которая добровольно отказывалась от премий, если кто-либо из коллектива нарушит трудовую дисциплину, оплошает в быту или покажет себя не с лучшей стороны в общественном месте. Под этим обязательством каждый поставил свою подпись, и в тот же день об этом стало известно всему заводу. О почине говорили на цеховых оперативках, в рабочих столовых, в заводоуправлении. Говорили разное. Большинство отнеслось критически. Не верили, что можно вот так быстро, одним махом, изменить моральный настрой в бригаде. Нынешний помощник бригадира Павел Эвальдович Кох рассказывает, что не один раз ему приходилось слышать смешки, иронические реплики, дескать, славы людям захотелось, другие объясняли модой — мол, все затевают почины, вот и они туда же... Находились и такие, которые, не мудрствуя лукаво, истолковали принятые обязательства давлением администрации.

А между тем проходил день за днем, неделя за неделей, ребята исправно выходили на работу без прогулов, опозданий. И чувствовали, все время чувствовали на себе неослабное внимание всего коллектива. Смотрели на них с интересом — сколько продержатся? Смотрели с подозрением — не может быть, чтобы не прогуливали! Смотрели с нетерпением, ожидая срывов, промахов. За ними наблюдали не только на заводе, за ними внимательно наблюдали и в городе, на улицах, во дворах, где живут.

Однажды на объект, где они работали, пришла чуть ли не комиссия из заводоуправления. Оказывается, кто-то позвонил по телефону и «доброжелательно» уведомил, что бригада на рабочем месте, простите, пьет. Как выяснилось, недоразумение было вызвано тем, что на строительной площадке валялось несколько давнишних бутылок, с которых от дождей уже сползли этикетки.

Но были и срывы, были. Два месяца бригада в полном соответствии с собственными обязательствами лишалась всех премий и надбавок. Кто знает, возможно, эти срывы сняли с ребят излишнее напряжение, вызванное повышенным вниманием к ним, нравственно закалили их,— ведь после чьего-то прогула они продолжали работать, как и прежде, хорошо, хотя знали, что премий уже не будет.

Трудность заключалась еще и в том, что у бригады Горохова сначала не было последователей. Проходил месяц за месяцем, а их начинание не торопились подхватывать другие коллективы. Год, целый год, ребята на заводе оставались единственной бригадой, которая добровольно поставила себя в столь жесткие рамки. Да, у них резко возросла производительность труда, сократились потери рабочего времени, улучшилось качество работы, но эти производственные успехи не снимали психологической нагрузки, испытание продолжалось, борьба каждого с самим собой, прежним, тоже продолжалась.

Но появилась сила, которая удерживала ребят от прежних соблазнов,— появились коллективизм, ответственность за товарищей, перед товарищами. То есть можно сказать, что за этот год фактически вырос новый коллектив, более зрелый.

А через год пришло признание. Вначале инициативу гороховцев поддержали в своем же цехе: маляры, столяры — более половины цехового коллектива. Сама бригада стала коллективом коммунистического труда, ее производительность возросла почти на двадцать процентов. И еще: в 1977 году потери рабочего времени из-за пьянок и прогулов составили 65 дней, в следующем году — 15 дней, в нынешнем потерь нет вовсе.

Прошло еще какое-то время, и вот уже другие цехи начали приглядываться к опыту гороховцев. Приходили ходоки, интересовались, задавали, как им казалось, каверзные вопросы о всех тонкостях нового дела, примеряли его к своим условиям. Привлекала простота. Требовалось одно — взглянуть более строго на свою работу, на самого себя. Требовалось подчинить свои интересы, точнее, свои слабости, интересам всего коллектива. Требовалось более уважительное отношение к общему делу.

Многих настораживало такое обстоятельство — люди берут на себя дополнительную ответственность, рискуют существенной частью заработка и вроде бы ничего не получают взамен. Ведь за приход на работу вовремя, за перевоспитание лодырей и пьяниц премии не полагалось. Но был соблазн нравственного плана — соблазн стать мастером своего дела, заслужить уважение товарищей. Согласитесь, это действительно очень соблазнительно. Так бригада Александра Горохова, преодолев рубеж становления, предложила требования, к которым иные коллективы, более дисциплинированные, уважаемые, только приближались.

А отдача, вполне реальная отдача все же была. Высокая трудовая дисциплина оборачивалась ростом производительности труда, перевыполнением производственных заданий и... увеличением премий. То есть речь шла о повышении эффективности производства и качества работы. Решалась конкретно задача, которую ставит перед промышленностью недавнее постановление ЦК партии и Совета Министров, где сказано: «Для повышения заинтересованности трудовых коллективов в ускорении роста производительности труда и сокращении текучести кадров... усилить на основе применения долговременных нормативов заработной платы на рубль продукции зависимость заработной платы каждого работника и трудовых коллективов в целом от повышения производительности труда и улучшения конечных результатов работы производственных объединений (предприятий).»

У гороховцев теперь много приверженцев в цехах завода — более пятидесяти бригад обязались коллективно отвечать за трудовую дисциплину, коллективно бороться за нее.

Старший мастер гидрометаллургического цеха Василий Александрович Татаркин рассказывал о том, как трудно это новшество внедрялось на участке, которым руководит Ербулат Айдабулин.

— Вначале засомневались женщины. Их довод был прост: почему мы должны рисковать из-за мужчин? За себя мы спокойны, мы и так не прогуливаем, а вот они... Но сложнее всего было с теми, кто выступил против без каких бы то ни было объяснений, доводов, причин. Против — и все тут! Но, как всегда, последнее слово было за людьми наиболее авторитетными на участке. Когда за принятие новых обязательств высказались старший аппаратчик Владимир Петрович Песецкий, аппаратчик Александр Васильевич Потанин, дежурный слесарь Петр Васильевич Борн, вопрос был решен.

Во всем этом деле есть одна маленькая, но существенная деталь — обязательство считается недействительным, если хоть один член коллектива его не подпишет, если хоть один выступит против. Тут должно быть полное единодушие в широком смысле слова, единодушие, которое, собственно, и делает из группы людей, работающих в одном помещении,— коллектив.

Если говорить о результатах, то за последние два года на том же участке Айдабулина не было прогулов, в смене нет текучести, люди, которые по каким-то причинам вынуждены на время уходить, снова стремятся попасть к своим ребятам, в свой коллектив.

Ценность почина бригады Горохова не только в том, что он дисциплинирует каждого, повышает чувство личной ответственности за дела всего коллектива, он позволяет смелее приступать к другим, более существенным делам, связанным с совершенствованием производства. Этот почин, кстати, в немалой степени способствовал успеху предложения А. И. Туракбаева, которого упомянул директор завода. Действительно, только при высокой сознательности каждого работника, приобщении его к делам и задачам всего завода можно освоить проектную производительность оборудования. И здесь павлодарским металлургам есть чем гордиться — проектную производительность печей кальцинации в первом квартале нынешнего года они перекрыли более чем на треть, а 98 процентов глинозема, конечной продукции завода, этот цех выпустил со Знаком качества.

Интересную точку зрения на почин Горохова высказал секретарь парткома завода Анатолий Николаевич Кравцов:

— Идея Горохова хороша тем, что она в первую очередь затрагивает тех, кто отстает, бригады с невысокой дисциплиной труда. Обычно почины обращены в большинстве случаев к передовым коллективам, которые, конечно же, могут подхватить любое начинание и быстро добиться неплохих результатов. Здесь же ценность в том, что мы подтягиваем самых отстающих. Мне как-то в обкоме партии пришлось отвечать на такой вопрос: не принуждаем ли мы людей отказываться от премий и таким образом жертвовать заработком ради самой идеи? Нет! Если вдуматься, то что получается — принимая на себя столь жесткие, казалось бы, обязательства, отстающие ничем не рискуют. Прогуливая, нарушая моральные нормы общества, они все равно лишаются премий. А Горохов сказал: «Опомнитесь! Хватит жить и работать вполсилы! Если вы в самом деле чего-то стоите — докажите! Докажите своим товарищам, самим себе!» И этот призыв оказался заразительным. Ведь не секрет, что человек всегда склонен искать оправдания собственным слабостям и неудачам. А тут ему говорят: «Можешь? Докажи. Во всем пойдем навстречу. Докажи». У нас, да только ли у нас, ремонтники всегда давали наибольшую текучесть, нарушения дисциплины, общественного порядка. Но вот уже два года в бригаде Александра Горохова нет нарушений. В масштабе завода за три года потери рабочего времени сократились на 28 процентов, потери времени из-за прогулов сократились втрое! В три раза! Это резко повысило общий уровень производства на предприятии. Мы избавились от штрафов за простои вагонов, а ведь они, бывало, достигали трехсот тысяч рублей в год. Производительность труда за год вдвое превысила плановую...

В заключение остается добавить, что на Павлодарском алюминиевом заводе каждая третья оперативка у директора посвящена проблемам воспитания. Партком постоянно работает над тем, чтобы скоординировать все общественные дела, намеченные администрацией, профсоюзной организацией, комсомолом. Должностные функции бригадиров, мастеров, начальников цехов включают в себя не только производственные обязанности, но и воспитательные. И, конечно же, все это приносит свои результаты. Судя по успехам, достигнутым коллективом, неплохие результаты.

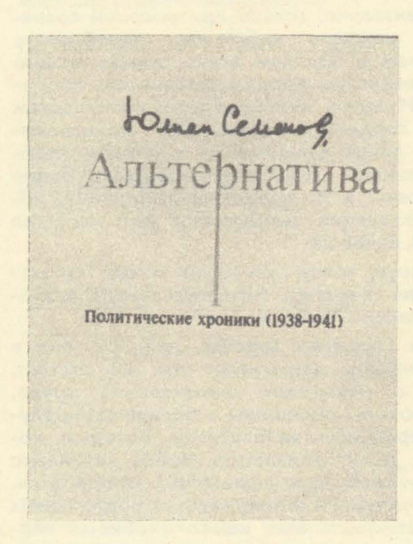
Павлодар, Казахская ССР.

От редакции. Публикуя этот очерк, редакция хотела бы обратить внимание на интересный опыт Павлодарского алюминиевого завода, где сумели вывести в передовые некогда отстающую бригаду, сумели ее успехи сделать достоянием коллектива всего завода. Так павлодарцы делом ответили на постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

Несомненно, у наших читателей найдется что рассказать о жизни бригад, участков, звеньев, где они работают, о создании здоровых, доброжелательных отношений, о борьбе с нарушителями трудовой дисциплины.

Мы обращаемся к читателям с просьбой поделиться опытом воспитания человека в коллективе, поделиться наблюдениями, соображениями по проблемам, затронутым в очерке «Себя преодолеть».

ВЕРНОСТЬ

Однажды в разговоре со мной Юлиан Семенов так сказал об идее объединить политические хроники под общим названием: «Понимаешь, все-таки «Альтернатива». Коротко и точно. Национализм или интернационализм. Эта мысль проходит через все вещи».

Ю. Семенов. Альтернатива. Политические хроники. М., «Московский рабочий».

Всего в хронике девять произведений, охватывающих период человеческой истории с 1921 по 1967 год. Они действительно в различной степени пронизаны духом борьбы интернационализма с национализмом, насыщены документальным материалом, глубоко изученным, тщательно отобранным. В поле зрения автора острейшие исторические периоды и события: гражданская война в России и борьба молодой Советской власти с различного рода врагами, как внутренними, так и засланными извне; франкистский мятеж в Испании и Югославии весной сорок первого года; происки буржуазных националистов, агентов Бандеры, Мельника и спасение советскими разведчиками польского города Кракова; наконец, огненные мгновения весны сорок пятого, разоблачение попыток сговора фашистских главарей с разведслужбой США, борьба за мир и разрядку двадцать лет спустя после окончания второй мировой войны.

В одной из своих статей критик Феликс Кузнецов справедливо отметил: «...история таит в себе неисчерпанные возможности нравственного воздействия на души людей, она действенное средство воспитания патриота и гражданина. Отличительной чертой нашего времени как раз и стало «укоренение» интереса к истории в массовом народном сознании, в умах и сердцах молодых, и не только молодых людей».

Безусловно, зоркое использование Юлианом Семеновым исторических материалов в какой-то мере объясняет взрыв читательского интереса по отношению к «Альтернативе». Но, на мой взгляд, только в какой-то мере...

Ценность семеновских хроник состоит в том, что на их страницах родился прекрасный художественный образ советского разведчика Максима Максимовича Исаева — Штирлица. В связи с этим образом возникает вторая, более глубинная тема книги, тема подвига. Литература знает подвиг Данко, яркий и мгновенный, как вспышка молнии. Но она знает и подвиг Корчагина и подвиг Мересьева. Подвиги, растянувшиеся на месяцы и годы.

То, что на протяжении многих лет совершает Максим Исаев,— это не просто пример бесстрашия. Это пример веры и любви к Родине. Веры и любви к женщине, которую зовут Сашенька.

Я не знаю, можно ли отнести и суровый и лирический рассказ «Нежность» строго к жанру политических хроник, но они без него немыслимы. Образ Сашеньки достигает здесь наибольшей силы. Далее он будет намечен как бы пунктиром. А в «Нежности» она вся — прекрасная, любящая и любимая. Именно в «Нежности» звучат такие слова: «Говорят, что расставания — проверка любви. Глупость. Какая, к черту, проверка любви! Это же не контрразведка — это любовь. Здесь все определяет вера».

Вера — широкое понятие. Но оно еще и точное понятие, за которым стоят моральные и нравственные ценности, определяющие смысл и цель жизни, правоту дела, которому служишь.

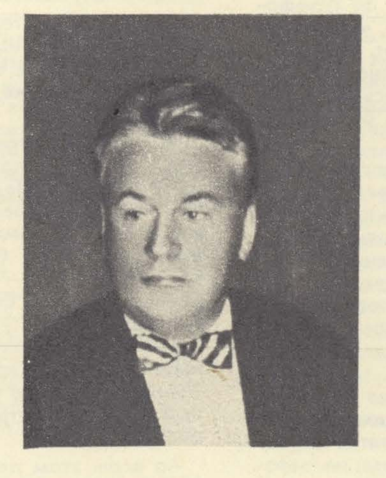
Бесспорно, у каждого времени свои песни, но у каждого времени еще и свои люди. Максим Исаев — конкретный представитель конкретного общества, социалистического, отмеченного высшим гуманизмом — верой и в безграничные возможности человека и в его способности к совершенствованию. Волей партии поставленный в особые жизненные обстоятельства, Максим Исаев берет на себя решения чрезвычайно сложных и опасных задач, возлагает на себя бо́льшую меру ответственности и обязанностей, чем в обычных условиях жизнь предъявляет людям. Вместе с тем Исаев не сверхчеловек, он солдат своей Родины.

В этой связи нельзя не вспомнить еще один удивительный образ, созданный Юлианом Семеновым, образ Бурлакова Андрея Федоровича, более известного как майор Вихрь.

«Вихрь держал оборону два часа. Он бы не удержался — он был ранен в грудь, в живот и в обе ноги». Погибла Аня, погибли Седой, Тромпчинский и другие польские патриоты. Вихрь сдерживает эсэсовцев один. И фраза, которую Семенов повторяет дважды: «Вихрь не удержался бы...», фраза не случайная. Потому что герои Семенова — это не героиодиночки, даже если они разведчики. Рядом с ними всегда Родина, ее дыхание, ее сердце, ее сила. «Вихрь не удержался бы, потому что снег уже казался ему розовым, нет, не розовым, а черным, нет, не черным, он казался ему песчаной отмелью на Днепре; нет, он казался ему снегом, белым, колючим снегом, и он

Юрий **ИВАНОВ**

ТОЛЬКО ПАМЯТЬ

Юрий Иванов широко известен советскому читателю своими публицистическими произведениями: «Кому они служат?», «Осторожно: сионизм!» и другими — и как переводчик с английского языка.

В литературном архиве писателя сохранились стихи. Некоторые из них мы сегодня предлагаем читателям.

МОСКВА

В зелени нарядной,
в радости весенней
Шумная, веселая,—
площади... дома...
Ты расшила платье
белою сиренью,
Русская красавица,
славная моя.
Вспыхнула огнями, — только что
стемнело.
Улицы, свиданья, смех и
голоса...
Синими глазами
ты меня согрела,
хоть не говорила мне
ни разу «да»...

●

Сколько снега, ветра сколько,
Сколько холода и боли.
Почему метель кружится,
Скачет, пляшет надо мной?
Почему замерзли руки,
Почему вдруг лес и поле,
Кто там стонет, плачет кто там,
За оранжевой рекой?
Уходите, ты ж останься.
Посмотри, уже светлеет,
И река ведь голубая,
Не оранжевая, нет.
Посмотри, набухли почки,
И земля под солнцем млеет,
И расплакалась береза
На весенний талый снег.

●

Два окна горят
в августовской ночи,
Что же вам не спится
в этот поздний час?
Или вам забота
не смыкает очи,
Или счастье просто
не закрыло вас?

К НОЧИ

Здравствуй, ты не опоздала
И опять незваная пришла,
По сугробам тени разбросала,
В переулке фонари зажгла.
Ты уже седая, — все проходит,
Только память все-таки сильней,
И она с тобою вместе бродит
В этот час по комнате моей.
Я тебя запомнил молодою,
Ты в сирени пряталась тогда,
Нежно щеки гладила листвою
И смеялась звонко до утра.

●

Человек, не сыщешь счастья
Ни в одном краю.
Не бери же в руки посох,
Не садись в ладью.
На дорогах, в дальних странах,
В стороне чужой
Не за ним ты будешь гнаться —
За самим собой.
Ни за долом, ни за морем
Счастья не найдешь,
Если ты его с собою
В сердце не несешь.
Так гласит седая мудрость,

снова стрелял и стрелял короткими, точными очередями. А потом толчок в шею — он перестал видеть и чувствовать. И перестал стрелять. Но в это время эсэсовцы побежали — по шоссе неслись русские танки».

Закалку и остроту резца проверяют не на глине. Храбрость и мужество — не на слабых противниках. Нужно прямо сказать, удачей Ю. Семенова являются и образы врагов. Реалистичные, зримые, художественно яркие. Гитлер, Борман, Гиммлер, Шелленберг, Мюллер и остальные, рангом пониже, все они лишены карикатурности и оглупления.

Политические хроники Юлиана Семенова «Альтернатива» начинаются с постановления Совета Народных Комиссаров об учреждении Государственного хранилища ценностей РСФСР (Гохрана), а заканчиваются драматическим полетом Исаева в самолете, где он спросит у Айсмана: «Вы сделали бомбу для Лима?»

Между этими эпизодами уместилась жизнь самых разных людей, оставивших и не оставивших следа в истории... Практическая деятельность человека немыслима без деятельности духовной. Писательское счастье, писательская удача Юлиана Семенова, на мой взгляд, состоит прежде всего в том, что лучших своих героев — Исаева — Штирлица, Бурлакова — Вихря, польского патриота Тромпчинского, немецкого журналиста Траубе, режиссера Люса — он сумел наделить высокими моральными качествами, такими, как благородство, мужество, великодушие. Это люди, для которых не существует альтернативы в выборе между верностью и предательством, подвигом и трусостью, интернационализмом и национализмом. Верность, подвиг, интернационализм...

Юрий АВДЕЕНКО

С ней согласен я.
И ношу с собою счастье,
Да сказать нельзя.

АДЕ

Сквозь туманные сети ливней
Там порою мерцают огни
Берегов незабытой, синей,
Полувыдуманной земли.
Много прожито, да и пролито,
Да и выхожено впустую,
А на этих ресницах по ветру
Время мечется вхолостую.
Не помять, не развеять,
не ранить
То, что было заложено прежде.
Пусть, как прежде, щек
не румянит
Ветер осени нашей, грешной.
По оранжевым плачущим
листьям,
Рассыпая светлые блики,
Ты ступаешь весенне чистой,
По-весеннему луноликой.
Мне по сердцу такая осень,
Мне не хочется годы сбросить,
Пусть идут паутиной просек,
Пусть все гуще становится
проседь.
И бреду я, влюбленный егерь,
Охраняя свои владенья,
Бездорожьем раздумий,
сомнений
И осеннего, жаркого тленья.

СТРЕМЛЕНИЕ К ИСТИНЕ

Вот несколько строк из «Избранного» Валентина Сидорова:

Не правда ли, ты помнишь
этот пыл?
Тебе доступно было это чувство.
Ты все забыл. Ты сам себя
забыл.
Одно осталось: преданность
искусству.
Ты слился с ним. Ты сам
искусством был.
А мысли где ж, толпившиеся
густо?
Ты разве помнил в вихре
и труде
О нервах и о прочей ерунде?

Здесь, наверное, знак поэта, его страдание, противоречие между стремлениями и инертностью, борение двух начал — чувственного и интеллектуального. Муза же между ними: в точке короткого замыкания. Ах, как важна такая точка! Она движитель творчества, его неизменная спутница.

Не все таланты рождаются с мастерством, иные мастерство наживают работой, опытом и знанием. Опыт В. Сидорова начинался голодным детством («Не стороной война прошла, не обошла нуждой»); его духовная работа — полтора десятка стихотворных сборников; его вкус — пристрастие к искусству Николая Рериха, а знание раскинулось в диапазоне от учебы на философском факультете МГУ и защиты диссертации до преподавания сегодня в Литературном институте.

Под обложкой «Избранного» эти свойства, помноженные на судьбу, объединились в спектр из пяти цветов: войны, искусства, любви, былого и космоса, спаянных, по сути, одной темой — России. Собственно, последнее слово, столь частое в ранних стихах В. Сидорова, потом почти исчезнет из его поэтического словаря. Он будет им дорожить, как драгоценностью, будет стараться не упоминать его всуе, но души Отечества, обретенной памятью детства («Зачем во мне минувшее сгустилось?»), станет от этого лишь больше: «Какая сила в духовых оркестрах! Какая сила и какая грусть в мелодиях, забытых, и известных, и вытверженных нами наизусть». В этих четырех строках — России на сто прошедших лет: от Чехова до последней войны: помните, как уходит гарнизон в «Трех сестрах» («О, как играет музыка!»); помните Белорусский вокзал в мае сорок пятого года?

Творческое и философское движение музы В. Сидорова своеобразно. Оно исходит из нашего дальнего прошлого и через сознание и сердце автора устремляется в космос, который здесь неразделим с внутренним миром человека: «Нет, если ты воистину готов всей силой сердца и всей силой духа познать всю цепь невидимых миров, в твоей душе замкнувшуюся глухо, иди в себя, как в глубь идут веков, чтоб и ни сулили встреча и разлука...»

Что за энергия, что за силовые поля сплавляют эти миры — внутренний и внешний? Ответ: совесть. За минувшее, за историю, за подчас их размен на ходовую мелкую монету поэт несет боль личной ответственности, которая проявляется у него не только в «абстрактных», но и в, казалось бы, «бытовых» вещах. Вот, например, антикварный магазин: «Звенящее великолепье фарфоровых прозрачных блюд, здесь позапрошлое столетье и прошлое распродают... А я объят смущеньем вещим, а я раскаяньем объят, как будто перед каждой вещью, невиноватый, виноват».

Старина, XVIII век, особенно ранний — время Петра I, вообще занимают в «Избранном» пусть небольшое, но особое место. Здесь, безусловно, сказалось происхождение: Валентин Сидоров родом из Воронежа, того самого города, откуда начиналась «другая» Россия: «И тянет воздухом горелым. И кажется: из-за бугров вот-вот появятся галеры, что будут с моря брать Азов». Новизна, правда, открывалась горечью, но натура, обычай, но вера и предназначение сильнее любой, даже нарвской кровавой конфузии: «Ну что ж. Может быть, не однажды, оставив последний редут, мы слышать могли, как протяжно печальные трубы поют. Но знали — заранее знали — мы в горькие дни и года: последняя битва — за нами. Так было. Так будет всегда». Общеземная тема национальной судьбы уже предвосхищает здесь «космические» циклы.

Космос в размышлениях и духовных поисках Валентина Сидорова — категория не физическая, к которой мы привыкли за последние десятилетия (в связи с его практическим освоением), но нравственная и философская. Эта категория осмыслилась им именно так — с приходом зрелости, к семидесятым годам: только тут наступает внутреннее равновесие и неприемлемость суеты: «Ты стань слепым, чтоб взгляд твой мог увидеть, ты стань глухим, чтоб обострить свой слух. Среди базарно-праздных разговоров невидимую нить не упусти...»

К этому знанию В. Сидоров шел долго: в «Избранном» зрим труд духовного и поэтического роста. Но как бы ни отличались первые и последние слова книги по форме и смысловой сложности, их соединяет живая дорога, которую можно сравнить с подъемом в стратосферу: герои новых «космических» или «индийских» стихов — чистота и одиночество, небо тут уже не голубое — почти фиолетовое, а душа холодеет от безначальности и бесконечности пространства и времени:

В звездном прозренье и визге
метельном
Две беспредельности.
Горы и гладь.
Но беспредельное лишь
беспредельным
Хоть на мгновение можно
объять.
Небо к глазам воспаленным
придвинув,
Я усмиряю смятенье и грусть.
Необратимо сошлись воедино
В сердце моем Гималаи и Русь.

Лира В. Сидорова — философская. Пусть иногда чуть холодноватая, она ясна и чиста (ведь на столь любимых им горных вершинах Гималаев холодно и ясно), она, наконец, классична, ибо преемственность и традиция от наследия Тютчева, Брюсова, Вяч. Иванова, Рериха очевидны. Заметно меняется, однако, теплеет голос поэта, когда он говорит (а таких стихотворений в книге добрая треть) о любви к женщине:

Настанет день прощанья
и печали,
Настанет день прощанья
и печали,
Но как бы мы ни мучились
опять,
Того, чем были счастливы
вначале,
(Мы ночь и день с тобой
не различали),
Того, чем были счастливы
вначале,
Никто у нас не в силах отобрать.

Убежден: тот, кто любил, этих строк не проглядит.

Имя Валентина Сидорова давно известно в литературном мире, но от книги к книге поэзия его становится все значимее и интереснее, вспомним хотя бы лирические медитации последних лет, словом, рост продолжается, его признаки ощутимы. Кто-то из писателей сказал: лишь посредственность, бронзовеющая при жизни, держится за собственные азы. Валентин Сидоров за свои азы не держится. Он не останавливается на достижениях, меняется, ищет, расширяет с каждым шагом кругозор и свободу поэтического выражения.

Александр БАСМАНОВ

Валентин Сидоров. Избранное. М., «Художественная литература», 1979, 367 стр.

Юрий ЖУКОВ

ЭХО 1942 ГО

ИСТОРИЯ ДЛИНОЮ В ТРИДЦАТЬ СЕМЬ ЛЕТ

Нет-нет да и сверкнет в обильной редакционной почте, словно драгоценный камешек, выброшенный ненароком на берег могучей океанской волной, весточка из глубины ушедших десятилетий, возвращая нас к событиям грозных военных лет.

Сколько необычных историй уже раскрыли эти письма, такие волнующие человеческие судьбы они осветили, что, казалось бы, все уже рассказано и записано. Но столь необычайным было то трудное и вместе с тем поразительно яркое время, такие неимоверные вершины человеческого духа и душевной стойкости оно раскрыло, что вновь и вновь убеждаешься: поистине неисчерпаемо поразительное изобилие событий и обстоятельств военного времени, которые обязывают и будут обязывать еще не одно поколение литераторов снова и снова обращаться к этой волнующей тематике.

Вот и сейчас лежит передо мной пришедшее из Ярославля скромное, невзыскательное письмецо. Читаю его, перечитываю, и с нестерпимой остротой встает в памяти жаркая и горестная осень одна тысяча девятьсот сорок второго года — пожалуй, самое тяжкое время войны.

Итак, письмо, полученное от Фаины Ефимовны Винокуровой.

«Уважаемый Юрий Александрович! Посылаю вам книгу военного моряка-подводника А. М. Матиясевича «По морским дорогам», в которой он, рассказывая о том, как в годы войны воевал, командуя подводной лодкой «Лембит» [1], упомянул историю о том, что летом 1942 года балтийцы, узнав через «Комсомольскую правду» о страшной судьбе семьи краснофлотца Михаила Зайцева, мстили фашистам за гибель его близких.

[1] Сама по себе история этой подводной лодки представляет собой увлекательную повесть. Названная именем народного героя Эстонии, который в XIII веке возглавил восстание эстов против немецких феодалов, пытавшихся поработить Прибалтику, она с честью прошла трудный путь войны. Весь экипаж ее во главе с командиром А. М. Матиясевичем был награжден орденами за выдающиеся подвиги. Краснознаменная подводная лодка «Лембит», как пишет в своей книге ее командир, устанавливается сейчас на вечную стоянку в столице Эстонии — Таллине как филиал музея Балтфлота.

Почему я об этом сейчас пишу и почему посылаю вам эту книгу? Потому, что среди писем, которые тогда в огромном количестве присылали морякам люди, выражавшие сочувствие Зайцеву, было и мое, написанное вместе с моими ярославскими подругами. Мы послали тогда это письмо в «Комсомольскую правду», и вы его напечатали 4 октября 1942 года, указав мой адрес. Это письмо прочли на митинге балтийских подводников, и они написали нам свой ответ, и вы опять напечатали его — 22 октября. Тогда уже в наш адрес полетело множество писем с фронта — люди писали и нам в Ярославль, писали и в «Комсомольскую правду».

Только не пришлось мне тогда прочесть эту переписку в газете: я была командирована в школу, которая готовила кадры для работы в тылу врага. Как-то мне довелось ненадолго заглянуть в Ярославль, я повидалась с работавшим там старшим братом, и вдруг он мне говорит: «Слушай, тут такая история приключилась: почему-то на твое имя пришло с фронтов более двух тысяч писем, и все просят ответить им». Брат не знал, что делать с этими письмами,— моего адреса в тайной школе он не знал, и поэтому письма отнес на завод, где я до отъезда в школу работала электросварщиком, и отдал их комсомольцам и комсомолкам, чтобы они отвечали.

Я тоже удивилась, а тут еще вдруг из Москвы, из «Комсомольской правды», пришла посылка с такими же письмами, и в ней была ваша записка — вы просили меня ответить фронтовикам, потому что у вас такой возможности нет — вы срочно вновь уезжали на фронт».

И дальше Ф. Е. Винокурова рассказала увлекательную и трогательную историю, охватившую период в тридцать семь лет,— историю, напомнившую о многом и заставившую меня, отложив все срочные дела, взяться за перо, чтобы во всех подробностях рассказать о ней...

Итак, прочел я это письмо из Ярославля, и в памяти вдруг со стереоскопической ясностью всплыл душный августовский день 1942 года — один из тех трудных дней, когда все мы с таким напряжением ждали: вот наступит вечер, щелкнет и зашипит бумажный, похожий на тарелку репродуктор, и суровый голос нашего любимого диктора Левитана произнесет, чеканя слова: «От Советского Информбюро». Что там будет, в этой скупой, как обычно, но столь долгожданной сводке? Не откроется ли часом какое-нибудь новое направление; мы уже свыклись в ту пору с горькой последовательностью, когда все новые направления открывались к востоку от наших городов, когда мы после упорных и кровопролитных боев теряли их один за другим.

В тот вечер Левитан прочел:

— В течение 27 августа наши войска вели бои на окраинах РЖЕВА, юго-восточнее КЛЕТСКАЯ, северо-западнее СТАЛИНГРАДА, северо-восточнее КОТЕЛЬНИКОВА, а также в районах ПРОХЛАДНЫЙ, МОЗДОК... На других участках фронта никаких изменений не произошло...

Мы знали: там, на юге, сейчас идут бои, в которых решается судьба Родины. Мы были уверены: те, кто там воюет сейчас, стоят насмерть. И все же гитлеровские войска еще продвигались вперед. Сознавать это было немыслимо тяжко.

Я только что продиктовал передовую статью в завтрашний номер. Она называлась «Пример комсомольца в бою» и начиналась так:

«Перед нами маленький измятый листок, торопливо исписанный карандашом. Он прислан сегодня в редакцию издалека, с юга, где кипит сейчас страшная, кровопролитная битва. Автору некогда было подробно писать. В письме несколько фраз:

«Здесь, на юге, жара: немец пускает много танков и самолетов, но наша комсомольская честь не позволяет нам уступать. Сегодня утром немец пустил много танков и живой силы. Наш командир отделения комсомолец Потапов П. проверил вооружение всех бойцов и сказал: «Комсомольцы! Ни шагу назад. Будем сражаться до последнего». Через несколько минут появился немецкий танк. Комсомолец Потапов быстренько приготовил противотанковую гранату и бросил под гусеницу. Танк сразу остановился. Весь бой не описать. Но мы, красноармейцы Мамылин, Митрофанов, Тимошин и остальные, сражались храбро и умело. Один Митрофанов сам лично уничтожил 13 оккупантов. Мы не дали немцам пройти, и они вернулись с большими потерями. Я заметок никогда не писал, поэтому прошу извинить, если нескладно. Я остался только один из отделения, и то раненый. Красноармеец Петров».

Какая волнующая простота, какое скрытое величие подвига таятся в каждой строке этой наскоро написанной заметки! Здесь нет и тени бахвальства. Здесь каждая строка — сама скромность. Отделение комсомольцев погибло в бою, но не пропустило врага. И участник этой беспримерной битвы красноармеец Петров рассказывает о ней, как о самом обычном сражении. Красноармеец Петров понял: СТОЙКОСТЬ — долг комсомольца; УМЕНИЕ СТОЯТЬ ДО ПОСЛЕДНЕГО — его обязанность. И он с солдатской простотой, коротко и ясно рапортует о том, что «отделение свою обязанность выполнило...».

В то неимоверно трудное время слова «умение стоять до последнего» не были агитационной фразой, нет, они были продиктованы пониманием драматической ответственности переживаемого момента, и прогремевшие тогда на всю страну солдатские слова «За Волгой для нас земли нет!» отражали точное понимание сути начавшегося решающего испытания.

Я спешил послать в набор эту передовую статью, в основе которой, как это было обычно в те дни, лежало подлинное письмо, только что пришедшее с юга. Впереди еще была работа над внутренними полосами газеты, которые тоже делались тогда, что называется, с пылу с жару. И вдруг ко мне в комнату вошел, прихрамывая, наш очеркист Семен Нариньяни,— его талантливые очерки были весьма популярны у наших читателей еще в начале тридцатых годов, когда он работал то на стройке Магнитки, откуда привез первый слиток чугуна, то на стройке Сталинградского тракторного (забыть ли его телеграмму: «Ваш специальный корреспондент собрал на конвейере переднюю ось первого трактора!»), то на Макеевском металлургическом заводе. И отовсюду шли его интересные материалы.

Но теперь было не до очерков, и Семен Нариньяни, как все мы, выполнял в редакции любую работу, нужную в данный день, в данный час, в данную минуту. Я работал в отделе фронта, а Семен в отделе тыла, но оба наши отдела (другие отмерли за ненадобностью) подчиняли всю свою деятельность одной цели: «Все для фронта, все для победы».

— Слушай,— сказал Семен.— Давай сегодня дадим полосу писем детей. Да, детей. У нас в отделе накопилось очень много таких писем, обращенных к отцам и братьям, которые воюют сейчас. Многие бойцы присылают такие письма к нам с просьбой их опубликовать. И знаешь, такая в этих детских строчках заложена взрывчатая сила, что я уверен: страница детских писем будет громовым ударом по фашистам,— дети требуют от отцов и братьев возмездия гитлеровцам за все то, что те натворили!

Мы пошли к нашему редактору, Борису Буркову. Семен показал ему письма, которые он отобрал из обильной редакционной почты, редактор одобрил предложение Нариньяни, и через несколько часов полоса была готова, набрана и сверстана. В центре ее выделялось вот это письмо, набранное крупным шрифтом:

«ЗА ЖИВЫХ И МЕРТВЫХ

БАЛТИЕЦ КОМЕНДОР МИХАИЛ ЗАЙЦЕВ, 1920 ГОДА РОЖДЕНИЯ, НЕДАВНО ПОЛУЧИЛ ПИСЬМО ОТ СВОЕЙ 11-ЛЕТНЕЙ СЕСТРЫ ЛЕНЫ. ВОТ ОНО:

«Пущено 3 июля 1942 года. Письмо брату, родному Мише. Здравствуй, братик Миша! В первых строках моего письма я хочу тебе сообщить о своей жизни.

Я сейчас живу одна. Папу немцы забрали и расстреляли. Маму убили, а Нину и Клаву повесили за твои фотокарточки. А я с Зиной в это время работала за городом на поле. Когда мы пришли домой, там не было никого. А возле клуба висели Нина и Клава — наши сестры. А папа лежал возле ставка. Маму нашли возле сороковой столовой. У нее, Миша, голова вся разбита и левая рука отрублена. И тут, Миша, мы с сестрой Зиной упали у родной мамаши и так плакали и все вспоминали. Зину забрали, а я осталась одна. Потом я пошла на другой день к сестре Зине, и мне сказали, что сестра померла от разрыва сердца. Тогда глаза совсем кровью залились. Я пошла к маме, но ее уже на том месте не было. И я больше никого не видела. Их уже забрали.

Мишечка, родной братик, не забывай меня, отомсти немцам за маму, за папу, Нину, Клаву и Зину.

Миша, описать я все не могла, потому что глаза заливаются слезами.

СЕСТРА ЛЕНА».

Под этим письмом — одним из многих, которые пересекли линию фронта с тайной партизанской почтой,— были помещены стихи ленинградского поэта Всеволода Азарова. Заголовок гласил: **«Памяти отца, матери, сестер краснофлотца комсомольца Михаила Зайцева, зверски замученных фашистами в городе Ворошиловске (Донбасс)».** И были под этим нарочито суховатым, документально точным заголовком дышащие раскаленной ненавистью к злобному врагу строки. Поэт призывал балтийских моряков отомстить фашистским извергам за муки и смерть близких краснофлотца.

Мы не знали и не могли знать тогда, что в те предрассветные часы, когда ротационная машина печатала эти действительно взрывчатые строки, Михаил Зайцев и его друзья уже ушли в бой, чтобы расплатиться с врагом сполна за все содеянное им и в Подмосковье, и у стен Ленинграда, и в Донбассе, и на подступах к Сталинграду.

Подводные лодки «Лембит», Л-3, Щ-309 и другие, прорвавшись через сложнейшие минные заграждения, установленные гитлеровцами в Финском заливе, проползая буквально «на брюхе» почти по самому дну, вышли на просторы Балтики и яростно разили в открытом море военные корабли

и транспорты гитлеровцев. Только во второй половине октября, вернувшись в Ленинград, балтийские подводники смогли прочесть доставленный через линию фронта на самолете и дожидавшийся их на базе номер «Комсомольской правды», в котором были опубликованы письмо одиннадцатилетней сестрицы краснофлотца Михаила Зайцева, сопровождавший его стихотворный комментарий Всеволода Азарова и письма других обездоленных войной детей, призывавших отцов и братьев мстить гитлеровцам.

Но письма эти еще раньше нашли миллионы внимательных читателей повсюду — и на фронте и в тылу. В редакцию потоком шли взволнованные сочувственные отклики. Тем временем военная обстановка на юге становилась все более грозной и драматической, и вот в первых числах октября мы опубликовали в газете один из этих откликов — пришедшее из Ярославля от группы комсомолок письмо, в котором они рассказали, как своим трудом отомстили фашистам за горе семьи Михаила Зайцева. Письмо это писала от имени всей группы Фаина Мозалевская.

Вот оно, воспроизвожу здесь и этот человеческий документ полностью:

«17 ЧАСОВ

КАК МЫ ОТОМСТИЛИ ЗА МУЧЕНИЯ МАЛЕНЬКОЙ ЛЕНЫ, СЕСТРЫ БАЛТИЙСКОГО МОРЯКА МИХАИЛА ЗАЙЦЕВА

Уважаемый товарищ редактор! Мы прочли в «Комсомольской правде» письмо маленькой одинокой сестрицы балтийского моряка Михаила Зайцева — Лены, которая описывает горе их семьи. И вот мы, девушки Н-ского завода из города Ярославля, решили написать письмо тов. Зайцеву. Напечатайте его, пожалуйста.

Здравствуйте, родной Миша! (Разрешите назвать вас так, как подсказывает сердце.) Дорогой Миша! Нам тоже много горя принесли немецкие собаки. Тяжело и нам переживать. Вот у меня, например, у Фани Мозалевской, тоже целая трагедия. Мои родители и юные сестренки жили в колхозе имени Молотова, на Лепельщине, в Белоруссии. Жили хорошо. Сестра Надя как раз окончила педагогическое училище и собиралась ехать на работу в Барановичи — учить детей, наших братьев из Западной Белоруссии. Но ее планы были внезапно нарушены — в первый же день войны немецкие летчики бомбили наш колхоз. Фашисты его заняли, и сейчас я не знаю судьбу моих родных.

Мой брат Федя — лейтенант, коммунист, храбро дерется с немцами. Немцы его три раза ранили. Последнее ранение он получил в те дни, когда его часть наступала в направлении нашего колхоза, и он писал мне из госпиталя: «Дорогая сестрица, я опять ранен. Черт возьми, как все случилось не вовремя. 100 километров не дошел до родного колхоза,— мы делали глубокий рейд в тыл врага. Но я еще доберусь до гитлеровцев, рассчитаюсь с ними!» Сейчас брат уже выздоровел и бьет фашистов на танке.

Но я немного отвлеклась. А хотим мы написать вам, Миша, вот о чем. Сейчас и у вас и у нас — одна задача: мстить немцам. Мы уверены, что силы у вас столько, сколько ненависти в сердце, и что немцы будут трепетать перед вами. А мы здесь тоже мстим немцам.

Письмо вашей сестры, опубликованное в «Комсомольской правде», мы, девушки цеха номер два, читали коллективно после работы. Уже кончили читать, а мы все стоим и молчим. Потом бригадир фронтовой бригады, комсомолка Валя Киселева и говорит:

— Девушки, да что же это мы ничего не делаем?

Комсомолка-орденоносец Клава Кошкина ей отвечает:

— Что ты, Валя, ведь мы уже кончили работу.

А Валя опять на своем:

— Нет, девушки, мы работу не кончили. Мы должны отомстить сегодня немецким гадам за Лену, за Нину и Клаву, за их родителей, за всю семью балтийского моряка Михаила Зайцева. Давайте дадим фронту свои подарки, пусть они рвут в клочья проклятых немцев! Ведь у нас в цехе есть свободные прессы...

И все девушки тут же приняли это предложение. Опять пошли в цех. Валя Киселева стала у стотонного пресса. Комсомолки Клава Кошкина, Вера Исаева, Руфа Приемышева, молодые штамповщицы Ксения Демина и Шура Пазова тоже заняли рабочие места.

17 часов работали мы. Ничего вокруг не замечали. Тысячи лишних деталей дали фронту. Это была месть за вашу сестру Лену, за ваших родителей и сестер, убитых немцами.

Будьте здоровы, наш дорогой друг! Будьте бесстрашны в боях, бейте фашистов везде и всюду.

Привет от наших девушек и ребят.

По поручению девушек цеха номер два секретарь комитета ВЛКСМ Н-ского завода

Ф. МОЗАЛЕВСКАЯ.

г. Ярославль, Советская улица, дом 2, квартира 14».

Это письмо было напечатано в «Комсомольской правде» 4 октября — в тот день, когда в помещенной на первой странице сводке Советского информбюро было лаконично сказано: «В течение 3 октября наши войска вели бои с противником в районе **Сталинграда...»** Мы понимали: это значило, что гитлеровцы уже ворвались в город и там борьба идет за каждую улицу и за каждый дом.

Требовались исключительные, поистине сверхчеловеческие усилия, чтобы остановить фашистов и погнать их вспять.

Передовая статья в этом памятном номере была озаглавлена «Самоотверженный труд — наша помощь фронту», а вся третья страница газеты была занята письмами с фронта и из тыла, зовущими молодежь утроить свои усилия для отпора врагу. Эпиграфом к этой полосе мы избрали крылатые слова Маяковского: «Я знаю силу слов, я знаю слов набат...» Подлинным набатом звучали эти письма, и прежде всего письмо ярославских комсомолок,. открывавшее страницу.

Командир подводной лодки «Лембит» А. М. Матиясевич. Фото 1943 года.

Фаина Винокурова (Мозалевская). Фото 1942 года.

Но мы опять-таки не знали, конечно, и не могли представить себе, что сама Фаня Мозалевская этой страницы не увидит, только теперь, тридцать семь лет спустя, нам стало известно, что она в это время уже уехала в школу, готовившую комсомольцев к работе в тылу врага.

Теперь перенесемся снова в блокадный Ленинград. В эти самые драматические и напряженные дни подводные лодки Балтийского флота одна за другой возвращались из боевых рейдов, прорываясь сквозь густые минные поля, ускользая от вражеских противолодочных кораблей, охотившихся за ними. Помятые взрывами глубинных бомб, с расшатанными заклепками, сквозь которые предательски сочилась вода, они подходили к заветным пирсам с гордо поднятыми флагами Военно-Морского Флота СССР.

В ночь на пятое октября 1942 года подводная лодка «Лембит», завершив героический боевой поход, в ходе которого ее экипаж совершил беспримерные воинские подвиги, благополучно вошла в устье Невы и ошвартовалась у Летнего сада — предстоял основательный ремонт. Через шесть дней был опубликован приказ командующего Балтийским флотом — весь экипаж корабля был награжден за доблесть и мужество орденами. Его командир А. М. Матиясевич и еще десять человек получили ордена Ленина, остальные—ордена Красного Знамени и Красной Звезды.

А еще несколько дней спустя, восемнадцатого октября, на плавбазе «Иртыш» состоялся митинг всех подводников, находившихся в Ленинграде, посвященный двадцатилетию шефства комсомола над флотом. Но это был не совсем обычный митинг: на нем прочли письмо ярославских комсомолок, потом краснофлотцы обсудили его и составили ответ им, который отправили на самолете в Москву, в редакцию «Комсомольской правды».

Получив отклик балтийцев, мы немедленно опубликовали его в номере от 22 октября. Приведу здесь и этот документ целиком:

«РАССЧИТАЕМСЯ СПОЛНА

Ответ балтийских подводников, друзей краснофлотца Зайцева комсомолкам Ярославля

Редакции «Комсомольской правды». Мы, балтийские подводники, комсомольцы, молодые коммунисты, обсудили на митинге, посвященном 20-летию шефства комсомола над Военно-Морским Флотом, напечатанное вами 4 октября 1942 года письмо ярославских комсомолок, адресованное нашему Михаилу Зайцеву.

Просим вас опубликовать ответное письмо, подписанное всеми участниками митинга.

Дорогие товарищи, ярославские комсомолки Фаня Мозалевская, Валя Киселева, Клава Кошкина, Вера Исаева, Руфа Приемышева, Ксана Демина, Шура Пазова! Мы, так же как и вы, с болью сердца чувствуем горе Зайцева, потерявшего всех своих родных (судьба его маленькой сестры Лены тоже неизвестна). Мы переживаем и ваше горе, Фаня Мозалевская.

На нашем митинге присутствует экипаж героической подводной лодки, потопившей три фашистских транспорта, победившей в тяжелейших испытаниях и вернувшейся на свою базу [1]. Мы смотрели в глаза смерти и не испугались ее. После того, как лодка потопила два немецких корабля, на которых подбрасывалось вооружение гитлеровским бандитам, засевшим под Ленинградом, фашистские катера засыпали подводников градом бомб. Лодка срочно погружалась от близкого взрыва глубинной бомбы. На лодке произошла авария, на многометровой глубине вспыхнул в одном из отсеков пожар. Молодые подводники Луценко, Попов, Продан самоотверженно стояли на своих постах. Галиенко, раненный в ноги, ослепленный взрывом, с залитым кровью лицом, просил поднести его к радиорубке, чтобы помочь товарищам наладить связь с Родиной. Задыхаясь в дыму, продолжал находиться на боевой вахте комсомолец Николаев.

На торпедах, сокрушавших врага, мы писали нашу сыновью, братскую клятву мести. Галиенко, ныне награжденный орденом Ленина, написал: «За Днепропетровск». Краснознаменщик, старшина второй статьи Продан писал: «За Одессу». Электрик Валентин Кондрашев, которому страной также дана высшая награда — орден Ленина, вывел на огромном металлическом корпусе торпеды: «За Харьков! За Лену!». Лена, жена

[1] По понятным причинам название этой лодки «Лембит» и фамилию командира в условиях военного времени публиковать было нельзя.

Кондрашева, его мать и отец остались на Харьковщине, в плену у фашистских убийц. Горе комендора Михаила Зайцева — наше горе.

Походы продолжаются, каждый день приносит балтийским подводникам новые победы. Мы и наши товарищи в новых походных боях напишем на смертоносных торпедах: «За отца, мать, за сестер Миши Зайцева: Клаву, Нину, Зину и Лену».

Мы мстим не только ударами торпед. Многие из нас сражаются за Ленинград на суше. Наш товарищ Николай Чистяков, награжденный орденом Красной Звезды, не раз ходил в разведку по тылам врага. Он истребил 75 гитлеровцев. Сейчас, после ранения, Чистяков вернулся на корабль. Он исключительно хорошо работает, выполняя нормы на 150—200 процентов. Он сказал комсомольцам корабля: «Я дрался за Ленинград, я сражаюсь за него и теперь. Обещаю работать не покладая рук, чтобы выполнить задание с честью!»

Среди нас уроженец Татарской АССР, комсомолец Гайфуллин. Он под яростным артиллерийским огнем врага наводил переправу через водный рубеж. Гайфуллин награжден медалью «За боевые заслуги». Неутомимо работают по обеспечению подводных лодок комсомольцы Шумилин, Зайцев, Михайлов.

Дорогие ярославские подруги! Город Ленина стоит, как гранитный утес, и недалек тот час, когда Красная Армия и Краснознаменный Балтийский флот отбросят подлого врага от стен города. Вы в тылу, а мы во фронтовом Ленинграде своей энергией, волей и упорством приближаем желанную победу.

До свидания, дорогие товарищи. Пишите нам.

По поручению краснофлотского митинга: батальонный комиссар **СТЕПАН ШАЛАГИНОВ**, капитан-лейтенант **АЛЕКСЕЙ МАТИЯСЕВИЧ**, дважды орденоносец батальонный комиссар **ПЕТР ИВАНОВ**, капитан третьего ранга **ПАВЕЛ ДОРОНИН**, батальонный комиссар **БОРИС КОРЖУЕВ**, старший лейтенант **АРКАДИЙ ПЕГАНОВ**, поэт **ВСЕВОЛОД АЗАРОВ**, краснофлотец **МИХАИЛ ЗАЙЦЕВ**, секретарь бюро ВЛКСМ **АНДРЕЙ МОГУНОВ**, старшина второй статьи **СТЕПАН ПРОДАН**, орденоносец, старшина второй статьи **ИДИЯТ ГАЙФУЛЛИН**, награжденный медалью «За боевые заслуги», краснофлотец **ВАЛЕНТИН КОНДРАШЕВ**, краснофлотец **ШАЯ МЕЛАМЕД**.

Наш адрес: КБФ, ВМПС, 1101 п/я 378».

Фаня не прочла и этого письма: ее в то время в Ярославле, как помнит читатель, уже не было. Она была командирована в школу, готовившую кадры для работы в тылу врага. После школы ее направили в действующую армию, на Ростовское направление. Там ее включили в группу работников, которые после освобождения Ростова должны были помочь восстановить нормальную жизнь в городе.

И вот по пути она заехала в Ярославль и вдруг обнаружила у себя дома новую груду полученных со всех фронтов откликов — не только на Балтике, но и повсюду на фронтах моряки и солдаты мстили за мучения маленькой Лены, сестры балтийского моряка Михаила Зайцева, и благодарили ярославских комсомолок за то, что они своим трудом участвуют в этом мщении.

Часть этих писем она сберегла и теперь прислала их мне. Давайте же прочтем хотя бы некоторые из этих человеческих документов. В них живет неистребимый дух той эпохи, когда все мы, знакомые и незнакомые, так явственно ощущали близость между собой — знаменитое солдатское чувство локтя.

«17 ноября 1942 года.

Здравствуй, дорогая Фаня!

С горячим краснофлотским приветом неизвестный для вас И. С. Петрович!

Когда вы получите это письмо, у вас появится целый ряд недоумений и непонятных вопросов. Но в самом же начале своего письма попрошу несколько терпения для прочтения его до конца. Тогда, быть может, все сомнения и недоразумения сразу же у вас рассеются.

Вы будете долго думать и догадываться о том, откуда я взял ваш адрес. А дело в следующем. Несколько времени назад в газете «Комсомольская правда» я читал ваше и ваших подруг письмо про ваши боевые дела. Из ваших высказываний я понял, что судьба родных ваших и моих одинакова: они сейчас находятся под пятой гитлеровских людоедов, а может быть, их уже давно нет на свете. Про судьбу своих близких я не знаю ни слова, так как с самого начала войны я не получаю теплых и ласковых писем от родных, друзей, подруг и знакомых.

Очень интересно было бы сейчас встретиться с кем-нибудь из земляков. Много можно было бы узнать новостей. Из этих соображений, узнав из газеты ваш адрес и то, что вы являетесь землячкой, эвакуированной из Белоруссии, я и решил написать письмо.

Правда, не знаю, как вы отнесетесь к моим строкам, но я желаю одного: иметь с вами, как с бойцом тылового фронта, переписку. Все это, конечно, будет зависеть только от нас самих. Как бы ни сложились обстоятельства, но я буду ожидать от вас письма.

Про себя я скажу очень мало на первый случай. Сейчас нахожусь на службе в Военно-Морском Флоте. Про боевые дела моряков вы хорошо знаете. Скажу только одно — что нет немцам покоя от моряков нигде: ни на суше, ни на море, ни в воздухе, ни под водой. Все новости о наших боевых делах вы можете узнать при дальнейшей нашей переписке. На этот раз все!

Желаю счастья и радости в жизни! Привет вашим подругам!

До свидания, Фаня!

С приветом, **ПЕТРОВИЧ ИВАН СТЕПАНОВИЧ**.

548-я полевая почта, часть № 99310».

«Здравствуй, Фаня! С приветом к вам фронтовики-комсомольцы 4-го истребительного дивизиона.

Прочитав вашу статью в газете «Комсомольская правда» «17 часов», мы решили вас отблагодарить за вашу заботу к нам, фронтовикам. Также читали и статью Лены, сестры моряка Зайцева. После чего мы решили за муки семьи тов. Зайцева и за вашу семью да и за всех, кто под игом рабства немецкого, отомстить фашистским гадам.

Рано утром наши комсомольские орудийные расчеты выкатили пушки на открытые позиции и били прямой наводкой по фашистским блиндажам. Всего было разбито 50 дзотов. Ох, было им жарко от наших снарядов, Фаня.

Мы будем мстить этому черному гаду до тех пор, пока не разобьем его. Победа будет наша!

Фаня, пишите нам о ваших боевых делах в тылу по адресу: 1718-я полевая почта, часть 686.

Секретарь бюро ВЛКСМ зам. политрука **ЛЕОНИД ЗАЙЦЕВ**».

«20/XI—42 г.

Здравствуйте, многоуважаемая незнакомка!

Незнакомкой вас называю потому, что мы с вами лично друг друга не знаем. Но этот листок я пишу вам как землячке. Я читал вашу статью «17 часов», сочувствую большому горю, что принесли немцы.

Мои родители тоже остались в Белоруссии, и судьба их мне неизвестна. Где-то там же осталась моя любимая девушка. И вот теперь уже второй год не получаю никаких писем. Очень скучно порой бывает, когда товарищ читает вслух письмо от девушки из нашего тыла, но это частично разгоняет мою грусть.

Фаня! Это письмо адресую на ваше имя, как землячке; может быть, вы пожелаете иметь со мной переписку, а если нет, то прошу извинения. Тогда, может быть, из вашего цеха какая-либо девушка пожелает иметь переписку с бойцом Красной Армии, который защищает свободу и независимость нашей Родины на полях сражений великого фронта. Мы, бойцы, очень интересуемся нашим тылом, работой там наших советских людей, ибо фронт и тыл — единый боевой лагерь.

На первый раз о себе коротко напишу: с начала войны нахожусь в действующей армии, служу в артиллерийском полку. О боевых успехах хвалиться не буду. Но должен сказать, что фашисты крепенько чувствуют наши удары, когда взлетают в воздух их блиндажи, минометы, дзоты, пулеметы, склады оружия и много-много других целей. Не одна сотня гитлеровцев легла от осколков наших снарядов и шрапнели. Вот это только и требуется для фашиста, ибо он иначе нас не поймет. Убедит его только пуля, граната, снаряд, штык.

Придет время, когда наша цветущая Беларусь станет опять свободной, такой, как и была до войны.

Итак, до свидания. Горячий красноармейский привет вам и вашим подругам. Желаю наилучших успехов в труде.

Особый горячий привет белорускам от земляков-артиллеристов Красной Армии.

С приветом **ГЕННАДИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ПАПАВЕЦ**».

«Дорогие девушки!

Сегодня, 28 октября, я прочел ваше письмо в «Комсомольской правде» за № 235 от 4 октября с. г. И решил написать вам письмо. Конечно, я для вас совсем человек незнакомый, но для нас, краснофлотцев, сейчас все люди нашей страны — родные и знакомые, ибо мы боремся за общее дело против немецких захватчиков.

Дорогие девушки, я имел переписку с своей любимой девушкой до тех пор, пока не шагнула грязная нога немецкого фашизма на мою Родину. Я сам кубанец, и после того, как мою родину заняли проклятые двуногие звери, переписка прекратилась.

Дорогие девушки, знайте и помните раз навсегда, что советские моряки никогда не дрогнут в бою, будут уничтожать гитлеровцев до тех пор, пока не останется их ни одного на нашей земле. Дорогие девушки, еще больше выпускайте «гостинцев» для них, а я, как комендор морского флота, постараюсь пустить их точно в цель, и так мы будем совместно уничтожать фашистов.

С комсомольским приветом к вам — **МИША ВАРЯНИК**.

Поздравляю вас с 25-й годовщиной Октября, еще раз прошу вас больше дать фронту «гостинцев», которые вы выпускаете.

28/X—42 г.».

«Письмо писано 21/X—42 г.

Здравствуйте, девушки, незнакомки нам. Мы, два матроса тихоокеанского флота, прочитали в «Комсомольской правде» за 4 октября статью, в которой вы пишете, как вы отомстили за муки сестры краснофлотца Лены Зайцевой. Мы восхитились этим и решили написать вам маленькое письмо. Девочки, вы должны мстить за многих наших братьев и сестер, замученных гитлеровцами. Девочки, мы пока не участвуем в бою тоже, как и вы, но мы охраняем дальневосточные рубежи, где тоже можно ожидать того, что натворил Гитлер. Но если они, самураи, полезут, то мы им покажем, они, наверное, еще не забыли Хасана и Халхин-Гола.

Мы в настоящее время учимся у наших братьев по оружию — фронтовиков, как лучше громить врага.

Девочки, работайте, не покладая рук, для фронта. Нашим бойцам и морякам нужно оружие, так давайте мы с вами утроим свои силы для помощи им. Будем помогать так, чтобы они громили врага и чтобы он чувствовал их удары.

Девочки, заверяем вас, что мы, если придется, будем бить врага, не жалея для этого ничего, а если понадобится, то и жизни. Девочки, мы кончаем писать и просим вас написать нам ответ.

Писали **АБРОСИМОВ ВАСЯ, КУЛАГИН ВАСЯ**.

До свидания, желаем еще больше успеха в вашем труде на разгром врага, извините, что плохо писали.

Наш адрес: г. Владивосток, п/я № 411.

Ждем ответа».

«Фаня, здравствуй!

Примерно в сентябре месяце мне пришлось прочесть в газете «Комсомольская правда» помещенное ваше письмо. Прошло уже около трех месяцев с тех пор времени, но я все же решил написать вам письмо.

Фаня! Много писать не буду, потому что время военное. Только лишь хочу написать, что я все время нахожусь на фронте, повседневно истребляю рвущихся на нашу родную землю наглых врагов.

Родные мои в настоящее время временно оккупированы, переписку иметь не с кем. Исходя из точки зрения заиметь хотя бы одну переписку, я решил написать вам письмо, имея в виду получить от вас ответ.

Работаю я в одной из частей ответ. секретарем бюро ВЛКСМ, каждый из моих комсомольцев имеет на своем счету много истребленных фашистских мерзавцев.

Рождения я 1922 года.

Вот на первый раз пока и все. Надеюсь получить от вас ответ. Мой адрес: 2078-я полевая почта, часть 16.

ЛЕШИНУ ВАСИЛИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ.

17/XII—42 г.».

И еще одно письмо, полученное Ф. Мозалевской уже под Новый год, когда битва под Сталинградом завершалась разгромом гитлеровцев. Этот отклик был прислан с фронта в ответ на письмо Мозалевской, посланное ею автору:

«Уважаемый друг Фаня!

Очень доволен я и все мои фронтовые друзья и товарищи вашим вниманием! Спасибо за ваше короткое, но добротное письмо от 18.12.42 г. Товарищ Фаня! Ваше письмо вселяет в нас уверенность в скорой победе, т. к. по духу письма мы чувствуем, как монолитно работают фронт и тыл. Пусть гитлеровские собаки лают о нашей слабости,— это только доказывает, что сами они уже выбиваются из последних сил. Сейчас части РККА уже непрерывно и грозно двигаются вперед на запад, круша всю фашистскую слизь на своем пути!

Я точно исполнил ваше первое желание — передал всем товарищам ваши приветы и очень крепкие рукопожатия. Все мы, друзья-фронтовики, также шлем вам и всем комсомольцам вашей организации горячие, сердечные приветы! Мы чувствуем, как тыл изо дня в день становится еще прочнее и организованнее!

Передайте всем, что мы от вас не отстанем и не посрамим славы советского оружия.

Крепко жму дружескую руку — **ИОСИФ ГУКАСОВ**.

Поздравляем с наступающим Новым, 1943 годом. Работайте, не покладая рук. Помните, чем больше мощной советской техники дадите фронту, тем быстрее придет победа!

Настанет день, когда, победив врага, мы будем иметь возможность встретиться с вами. Мы будем тогда в едином трудовом порыве продолжать постройку великого здания коммунизма! Знаем: скоро и на нашей улице будет праздник!

Пока, дорогие друзья! Пишите!

ГУКАСОВ ИОСИФ.

Полевая почта 1681, часть 25».

Конечно, Ф. Мозалевская и ее подруги смогли ответить лишь немногим из писавших им фронтовиков,— ведь писем они получили тысячи — так сильна была у юношей, ушедших на фронт, жажда общения с оставшимися в тылу девушками, которые заменили их у станков, на колхозных полях, на транспорте, в шахтах — повсюду. И жажда эта была взаимной.

Помнится, на той же самой полосе «Комсомольской правды», где было напечатано письмо ярославских девушек, обращенное к балтийским морякам, мы поместили фотографию старшего политрука Татьянина. После того, как в нашей газете было помещено его «Письмо безымянному другу», в котором он высказывал мысли о войне и говорил о своей вере в победу, несмотря ни на какие трудности, в его адрес также вдруг посыпались тысячи писем из тыла и с фронта.

Проезжая через Москву, этот старший политрук зашел к нам в редакцию и положил мне на стол свой вещевой мешок, туго набитый письмами.

Н. Марченко. Род. 1940. МИР. КОНЕЦ ВОЙНЕ.

Выставка украинских художников «Навеки вместе», посвященная 325-летию воссоединения Украины с Россией.

М. Двоеглазов. Род. 1950. СОЛДАТСКИЙ ДОСУГ.

Выставка украинских художников «Навеки вместе», посвященная 325-летию воссоединения Украины с Россией.

— Вот,— сказал он,— это только часть полученных мною откликов на мое «письмо безымянному другу», которое вы напечатали, а еще два ящика с письмами я отправил домой. Если вы не забыли, я писал тогда вот о чем. К нам на фронт пришли посылки. Многие из них сопровождались письмами. Но мне досталась безымянная посылка. Захотелось отблагодарить щедрого человека, и вот я послал, а вы напечатали мое письмо. В ответ пришло полторы тысячи откликов.

— А тот, кто послал вам посылку, отозвался? — спросил я.

— Конечно,— сказал Татьянин,— просто он забыл вложить письмо в посылку...

Удивительно отзывчивыми были люди в то трудное время!

А Фане Мозалевской в Ростове-на-Дону пришлось задержаться надолго: она стала инструктором райкома партии в Аксайском районе. Дел была уйма, но по ночам и там ей приходилось отвечать своим новым друзьям-фронтовикам,— их письма находили ее и здесь...

Прошло более трех десятилетий, и история переписки девушки из Ярославля с фронтовиками стала забываться. Тут-то и произошли новые события, убедительно показавшие, что эта поразительная человеческая отзывчивость свойственна и нынешнему молодому поколению.

Жизнь шла своим чередом. Фаня Мозалевская стала Фаиной Ефимовной Винокуровой. Изменился и ее домашний адрес, теперь она живет в Ярославле на улице Щапова, в квартире 170 дома № 12. Вернувшись из Ростова в родной город, она снова поступила на шинный завод, с которым связана вся ее жизнь. Пришел срок, она ушла на отдых, но по-прежнему не порывала связей с предприятием: стала членом совета ветеранов завода, сотрудничала в заводской многотиражке. Жила тихо, былыми заслугами не хвасталась. И вдруг словно ураган ворвался в эту спокойную, размеренную жизнь: в ее квартиру нагрянули мальчишки и девчонки из кружка «Юный историк», созданного в ярославской школе № 36.

— Вы Фаина Ефимовна Винокурова?

— Я.

— И вы же Фаня Мозалевская? Ну, та самая, которая в 1942 году жила на Советской улице?

— Да, это я, та самая...

— Вот вы-то нам и нужны! Наконец-то мы вас отыскали...

Что же произошло? А вот что. Оказывается, юные следопыты 269-й ленинградской школы, изучающие историю войны, прочли книгу капитана первого ранга А. М. Матиясевича, вышедшего на пенсию и занявшегося литературным трудом. Это был тот самый командир легендарной подводной лодки «Лембит», о котором шла речь выше. Но он был не только знаменитым подводником — задолго до войны, а затем и после войны Матиясевич славился как отличный водитель кораблей торгового флота, причем долгие годы он проплавал во льдах Арктики, где судьба свела его с такими выдающимися деятелями, как профессор О. Ю. Шмидт, капитаны Бочек, Белоусов, Сорокин, Хлебников, летчики Леваневский и Молоков и многие другие.

Воспоминания А. М. Матиясевича, скромно озаглавленные «По морским дорогам», удивительно емки и увлекательны. И немудрено, что ленинградские следопыты изучали их со всем тщанием, свойственным юности. Тут-то и привлекла их внимание ссылка автора на митинг подводников, состоявшийся 22 октября,— тот самый митинг, где обсуждалось письмо ярославских комсомолок и был составлен ответ им, содержавший клятвенное обещание отомстить гитлеровцам за смерть и муки близких краснофлотца Михаила Зайцева.

Бывший командир «Лембита» писал:

«А какова судьба ярославских комсомолок: Фани, Вали, Клавы, Веры, Руфы, Ксаны, Шуры? Ведь они еще не раз писали нам, а с некоторыми моряками-подводниками у них завязалась личная переписка. Хочется думать, что все они встретили великий День Победы и живут счастливо...»

Этого было достаточно, чтобы ленинградские юные следопыты из школы № 269 немедленно начали поиск. Они выяснили, что в Ярославле действует клуб юных историков при школе № 36, и обратились туда с письмом.

«Уважаемые товарищи! — писали следопыты.— Наша школа ведет поисковую работу по изучению боевой деятельности подводников Балтики. У нас открыт зал боевой славы моряков. Работу мы продолжаем и находим новые и новые интересные документы, связанные с Великой Отечественной войной.

Недавно мы узнали об интересной переписке ярославских комсомолок с ленинградскими моряками-подводниками, относящейся к периоду блокады Ленинграда. Мы разыскали в «Комсомольской правде» за октябрь 1942 года опубликованное тогда письмо этих комсомолок и ответ моряков. Начали поиск подводников, подписавших этот ответ. Уже беседовали с А. М. Матиясевичем, В. Азаровым. Нашли адрес батальонного комиссара Б. Коржуева и написали ему письмо.

Вас мы убедительно просим разыскать Ф. Мозалевскую и ее подруг. Мы думаем, что если авторы обоих писем встретятся в нашем городе, то эта встреча будет приятна и бывшим ярославским комсомолкам и бывшим подводникам Балтики, которые выполнили свою клятву рассчитаться с ненавистным врагом за муки девочки Лены и ее родных».

По поручению комсомольского собрания 8 «В» класса 269-й школы Ленинграда это письмо подписал тогдашний командир штаба красных следопытов А. Цветков.

Получив это письмо, члены ярославского клуба юных историков при школе № 36 с увлечением взялись за выполнение просьбы ленинградцев. Ученицы 9 «А» класса школы № 36 Люба Карсукова, Света Сомова и Ира Тягнибеда устремились на поиски. Вначале их ждало разочарование: жильцы в доме № 2 по Советской улице, где жила когда-то Фаня Мозалевская, давно сменились, и фамилия эта никому не была известна. Но первая неудача юных историков не обескуражила. Они продолжали свой поиск и нашли брата Фани Мозалевской, который рассказал им, что теперь она Винокурова и живет на улице Щапова.

Нетрудно представить себе, сколь волнующей и радостной была встреча этих настойчивых ребят с Фаиной Ефимовной Винокуровой. О ней члены клуба немедленно сообщили ленинградским «красным следопытам», и оттуда вскоре пришло приглашение и бывшей ярославской комсомолке и нашедшим ее юным историкам приехать в Ленинград:

«Вы встретитесь с нашими ребятами и с бывшими подводниками. Если у вас в Ленинграде нет друзей или родственников, вы сможете остановиться у нас: и наши учителя и мы с радостью примем вас, как дорогих гостей. Ждем вашей телеграммы с указанием дня и часа прибытия. Мы обязательно встретим вас на вокзале. До скорого свидания!»

Эта встреча представителей двух поколений — поколения сороковых годов и поколения годов семидесятых — состоялась 6 мая 1978 года, и была она такой же радостной и дружной, как все встречи этого рода. И эта связь времен, установленная благодаря энергичным усилиям «красных следопытов» Ленинграда и юных историков Ярославля, длится и крепнет: недавно Фаина Ефимовна сообщила мне, что юные историки собираются во время каникул съездить в Таллин, познакомиться с живущими там ветеранами подводной лодки «Лембит» и осмотреть это славное боевое судно, находящееся там на вечной стоянке.

Ф. Винокурова (Мозалевская) и А. Матиясевич — встреча в 1978 году.

Фото Леши Воробьева

Мне остается привести боевой счет расплаты экипажа «Лембита» с гитлеровцами за страдания семьи краснофлотца Михаила Зайцева,— они с честью выполнили свою клятву мщения. Вот этот счет, который я заимствую из книги А. М. Матиясевича:

Потоплены:

Учебное судно «Дейчланд», водоизмещением 10 000 тонн — в районе к западу от острова Борнхольм.

Транспорт «Варлатен» вместимостью 5800 тонн — там же.

Железнодорожный паром «Штарке» вместимостью 2459 тонн — там же.

Тральщик водоизмещением 250 тонн — в Выборгском заливе.

Посыльное судно «Порккала» водоизмещением 100 тонн — там же.

Транспорт вместимостью 2600 тонн — в районе острова Утэ.

Транспорт вместимостью 2600 тонн — там же.

Транспорт «Финлянд» вместимостью 2302 тонны — там же.

Транспорт «Хельма Лоу» вместимостью 2414 тонн — к северу от порта Кольберг.

Тральщик водоизмещением 526 тонн — там же.

Буксир «Пионер-5» водоизмещением 200 тонн — там же.

Транспорт «Шванеск» вместимостью 2129 тонн — там же.

Транспорт «Диршау» вместимостью 5000 тонн — к северо-западу от мыса Брюстерорт.

Транспорт «Эберхард» вместимостью 749 тонн — там же.

Транспорт «Лютьехорн» вместимостью 1953 тонны — там же.

Тральщик «М-421» водоизмещением 526 тонн — там же.

Сторожевой корабль «VS-301» водоизмещением 2100 тонн — к северу от мыса Риксхефт.

Сторожевой корабль «VS-1014» водоизмещением 2100 тонн — там же.

Сторожевой корабль «VS-343» водоизмещением 2100 тонн — там же.

Противолодочный корабль «UI-1108» водоизмещением 564 тонны — там же.

Потоплена таранным ударом:

Подводная лодка «U-479» водоизмещением 700 тонн — в районе острова Утэ.

Повреждены:

Транспорт «Берлин» вместимостью 5286 тонн — к северу от порта Кольберг.

Транспорт «Эйхсберг» вместимостью 2600 тонн — к северо-западу от мыса Брюстерорт.

Транспорт «Элие» вместимостью 1873 тонны — там же.

Транспорт «Дрейхдейк» вместимостью 9338 тонн — к северу от мыса Риксхефт.

Всего было потоплено и повреждено восемь военных кораблей общим водоизмещением 18 966 тонн и семнадцать транспортов общей вместимостью 57 366 регистровых тонн.

За эти боевые заслуги подводная лодка «Лембит» была награждена орденом боевого Красного Знамени и была удостоена права на вечную стоянку в порту Таллина, откуда она вышла в свой первый поход против гитлеровских кораблей 12 августа 1941 года и куда она вернулась для участия в параде Победы 22 июля 1945 года.

Александру Николаевичу Несмеянову исполнилось восемьдесят лет. Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги в развитии советской науки, подготовке научных кадров академик А. Н. Несмеянов награжден орденом Ленина и второй золотой медалью «Серп и Молот».

ТВОРЕЦ ВТОРОЙ ПРИРОДЫ

***Александр* ХАРЬКОВСКИЙ**

Первый в мире Институт элементоорганических соединений Академии наук СССР расположен в Москве, на улице Вавилова. Москвичи называют его короче: институт Несмеянова. Александр Николаевич — его создатель, директор с первого дня основания, один из главных творцов новой отрасли знаний — химии элементоорганических соединений, «третьей химии», как ее нередко называют.

Две химии — неорганическая и органическая — существовали, кажется, чуть ли не испокон веков. И восемнадцатилетний Александр Несмеянов, поступивший в 1917 году в Московский университет, принимал это положение как аксиому. Граница между обеими отраслями знаний проходила настолько четко, что каждому исследователю следовало делать выбор, работать ли ему в органической или в неорганической химии. Несмеянов попал под плодотворное влияние выдающегося химика-органика Николая Дмитриевича Зелинского, который в то время занимался исследованием основы всего живого — белковых соединений. И хотя эти работы увлекли молодого Несмеянова, интересы его не замкнулись только на органической химии.

Несмеянова привлекала вся химия, казавшаяся ему пленительной планетой. Органическая химия представлялась огромным континентом — она включала в себя столько соединений, что для их переписи потребовались бы сотни томов, неорганическая — материком поменьше, ее соединения уместились бы в десятке книг. А что между ними? Неисследованный океан?

Ученый работает днями и даже ночами. Он переселился в библиотечную комнату старого университета, что на Моховой. Спал здесь же, на столе. Он так уставал, что однажды заснул, позабыв погасить газовый рожок. Так застал его учитель — Николай Дмитриевич Зелинский. Старый профессор укрыл пледом «неверного» ученика, искавшего в науке свой путь, и тихо привернул рожок.

У Несмеянова уже тогда было свое видение в науке, зоркость, отличающая творца. Еще в прошлом веке получили первые металлорганические соединения — некие кентавры, представители «двух химий» — органической и неорганической. Но там, где другие видели исключение из правил, Несмеянов разглядел истоки новой отрасли знаний, небольшие островки в океане незнания, которые могли оказаться и частью нового континента.

В конце двадцатых годов ученый создал простой и изящный метод синтеза металлорганических соединений, вошедший в учебники мира как «диазометод Несмеянова». Пользуясь им, специалисты приступили к синтезу веществ, с помощью которых можно получать чистейший металл. Работы Несмеянова заложили основы порошковой металлургии. Инженеры уже представляли себе детали, штампуемые из металлического порошка, металлургические заводы без прокатных станов.

Эти работы прервала война. Но едва смолкли пушки, академик А. Н. Несмеянов еще с большим упорством стал строить острова в океане, разделяющем две химии, сооружая, по сути, новый континент — химию элементоорганических соединений.

Он мечтает, чтобы у людей было изобилие продуктов питания. На помощь сельскому хозяйству может и должна прийти химия.

Есть классический путь — повышать урожайность, внося в почву удобрения, в том числе и азотные; хотя растения купаются в азоте атмосферы, черпать его оттуда они «не умеют». И вот синтезированные в институте Несмеянова «сандвичевы соединения» — органические молекулы с металлическим сердцем — способны связывать азот, как это делает в почве азотобактер; не открывает ли это путь к новой технологии удобрений, без шума и жара химических заводов?

Наряду с этим академик предлагает иное, кардинальное решение продовольственной проблемы: синтезировать пищу... прямо на заводах, а точнее, получать там те самые аминокислоты, на которые белок распадается в организме. Нет-нет, ученый решительно против пресловутых «таблеток», он считает, что эти аминокислоты можно было бы добавлять в обычные наши продукты и насыщаться, к примеру, меньшими количествами по-прежнему вкусной, но еще более питательной еды. Этот путь позволит не только накормить человечество, но и освободить часть полей под сады и парки.

В своих исследованиях Несмеянов думает о человеке, о его благе. Несколько миллионов людей на земле страдают оттого, что в их организме не хватает железа. А «ввести» его туда весьма трудно. Проблему решили ученики А. Н. Несмеянова, ученые Н. С. Кочеткова и В. Д. Вильчевская. Вместе с медиками из Ленинграда они создали препарат ферроцерон — на основе все тех же элементоорганических соединений. Выпуск препарата уже освоен медицинской промышленностью.

Отмечая выдающиеся заслуги академика Несмеянова в создании химии элементоорганических соединений, государство удостоило его высшей награды — Ленинской премии. Однако то новое, что внес в жизнь нашего народа Александр Николаевич, выходит за пределы его собственно научной деятельности, — академик А. Н. Несмеянов выдающийся организатор советской науки.

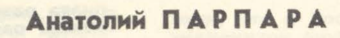
В 1951 году Александр Николаевич возглавил штаб советской науки — Академию наук СССР, был избран ее президентом и на этом посту трудился около десяти лет. Он много сделал для того, чтобы научные институты работали согласованно, как единый организм. При нем, по его инициативе была создана первая и до сих пор лучшая в мире система научно-технической информации, организованы новые институты, Вычислительный центр АН СССР. Академик Несмеянов возглавлял академию в те годы, когда наука вступила в новую, космическую эру, были запущены первые спутники, в космос стартовал первый человек...

Александр Николаевич Несмеянов является прежде всего одним из стратегов науки.

Недавно, рассказывая мне, как важно выделять главные и второстепенные направления исследований, Александр Николаевич сравнивал науку с плодоносящим деревом. «У науки, как у дерева, — сказал он, — есть свои точки роста. Они находятся на стыке смежных областей знания, и именно сюда, как во время прорыва на фронте, целесообразно стягивать основные силы».

Да, одной из таких «точек роста» стал институт элементоорганических соединений — детище академика А. Н. Несмеянова. Профиль института очень широк — от химизации сельского хозяйства до получения новых материалов для современной техники.

— Химия — наука древняя и вместе с тем молодая, — говорит академик. — В эпоху научно-технической революции перед этой отраслью знания открываются новые горизонты. Представьте: биологи раскроют тайны процессов в живой клетке, а химики на этой основе создадут новую технологию, производство, не дающее отходов, — тогда наступит гармония человека и природы.

ЗЕЛЕНЫЕ ЗАРНИЦЫ

Мы в делах с природой строги.
Над природой мы,
Как боги:
Что хочу, то ворочу...
Но дает она уроки,
И — не всем нам по плечу.

ЕЩЕ РАЗ О ВОЙНЕ

Взрослеют дети тех,
Кто не узнал войну.
Кому она,
Как всплеск грозы прошедшей,
Кому рассказы бабки
Поседевшей —
Как нереальный сказ
Про старину.

ХОД ГОРБУШИ НА САХАЛИН

Густо-густо —
Аж по суше,
Аж черно,
Когда взглянуть —
Шла счастливая горбуша
В свой последний
В жизни путь.

А за нею неотступно
Очарованные шли
Так же густо,
Так же трудно
В путь последний
Горбыли.
И какая все же вера
Их настойчиво ведет
Через вилы браконьеров,
Перекат
И перемет!

Их клюют разбойно чайки,
Их грабастает медведь,
Поджидает
Неслучайно
Их расчетливая сеть.

Но идут, за стаей стая,
По реке
Идут вперед
День и ночь,
Не уставая,
Продлевать горбуший род.

И, к истоку приближаясь,
О каменья самка трет
Свой живот,
Бросая завязь
Жизни новой —
Красный плод.

А горбыль,
Как замечает
Ту икру —
Вперед рывком,
И мгновенно покрывает
Студенистым молоком...
Где найти такое слово,
Чтоб оно смогло воспеть
Ради самого святого,
Ради жизни —
Эту смерть!

ТУМАН НА КУРИЛАХ

На острова белесая беда
Нагрянула средь бела дня нежданно,
Но, как всегда, опять идут суда
По акваториям шального океана.

Им надо грузы срочные везти.
За них трудиться кто-нибудь не станет.
И коль туман им перекрыл пути,
Они идти обязаны в тумане.

И методично, словно метроном,
Доверясь чутким, бережным приборам,
Они идут буквально напролом
Взлохмаченным, неистовым простором.

А чтобы случай их не подстерег,
Достоинством невиданным отмечен,
Периодически басит гудок
О нежелательной в тумане встрече.

Завидую упорству кораблей.
И разделяю это беспокойство.
Какое удивительное свойство —
Болеть и за себя и за людей!

МОХ

...И в тундре,
Где веют жестокие ветры,
Где почвы — на палец,
Где вечные льды,
Где гибнут цветы и деревья
Без света,—
Лишь мха замечал я живые следы.

И там, где возносится
Сопок громада,
Где облак и тот
Зацепиться не смог,
Для глаза единственной было отрадой
Увидеть цветущий
В безмолвии мох.

Он пищи не просит,
Он света не застит.
Устойчив в любых ситуациях он.
И жизнь его
В этих условиях — счастье,
Для тех,
Кто тепличного счастья лишен.

•

Догорает
Дождливого лета закат,
Озаряя ушедшие дни.
Хорошо, что оно
Не вернется назад.
Хорошо, что с тобой мы одни.

Пусть как следует
Солнца не знали поля,
Ожидая беды от воды,
Только все же рожает
Родная земля,
И на ветках налились плоды.

Да хмельной густотой
Закипает Пскова,
Ощутив полнокровную власть.
Может быть, ты права,
Может быть, ты права,
Утверждая,
Что пагубна страсть.

•

Как гремит этот
Кем-то рассерженный гром!
Как небесной клюкою
Живому грозится!
Сколько злости...
Но вот под целебным дождем
Оживает
Засохшая было землица.
В этих вспыльчивых молниях
Средь темноты,
В этой
Полной усталой нервозности жути
Сколько яростной нежности
И доброты,
Понимания сколько —
К живущим! —
По сути.

Много раз надо мной
Громыхало и жгло,
Голос зла был жестоким
И непреклонным,
Но светлел небосвод,
Но туманилось зло,
И душа вновь и вновь
Исцелялась озоном.

ЮЖНАЯ ВЕСНА

Моя земля
Закована морозом.
Моя земля снегами перевита.
А здесь для буйства
Своевольным грозам
Такая даль весенняя
Открыта!

Весна, ты — явь,
А не моя причуда.
Вокруг тебя —
Зеленые зарницы.
Душа моя,
Тепло земли почуя,
Спешит, как вишня,
Цветом распуститься.

Но горький опыт
Солнце закрывает,
Чтоб горести
Из радости не вышло.
Ведь для души
Двух весен не бывает,
Как не бывает дважды
Плода вишни.

Но нежности других
Мы радоваться можем,
Душа моя,
Не подавая вида...
Моя земля
Закована морозом,
Моя земля
Снегами перевита.

АВТОМОБИЛИ-САМОДЕЛКИ

Мы привыкли к тому, что автомобили создаются на больших промышленных предприятиях, на конвейерах мощных современных заводов. И вдруг самоделки! Машины, созданные руками любителей на домашних верстаках.

Эти уникальные автомобили можно было видеть на стадионе Московского автомобильного завода имени Ленинского комсомола, откуда они начали свой пробег. За рулями их создатели — инженеры, художники, повара, преподаватели, электромеханики. Окрашенные в яркие цвета, изящной, обтекаемой формы, максимально удобные в обращении и в ремонте, машины радовали глаз. Кузова многих из них сделаны из стеклопластика. Среди самоделок есть и амфибия — ей только найти съезд в воду, а там сцеплением включаются не колеса, а водометный двигатель, и вы сидите уже не в автомобиле, а на катере. Скорость — 120 километров в час по земле и около 25 километров по воде.

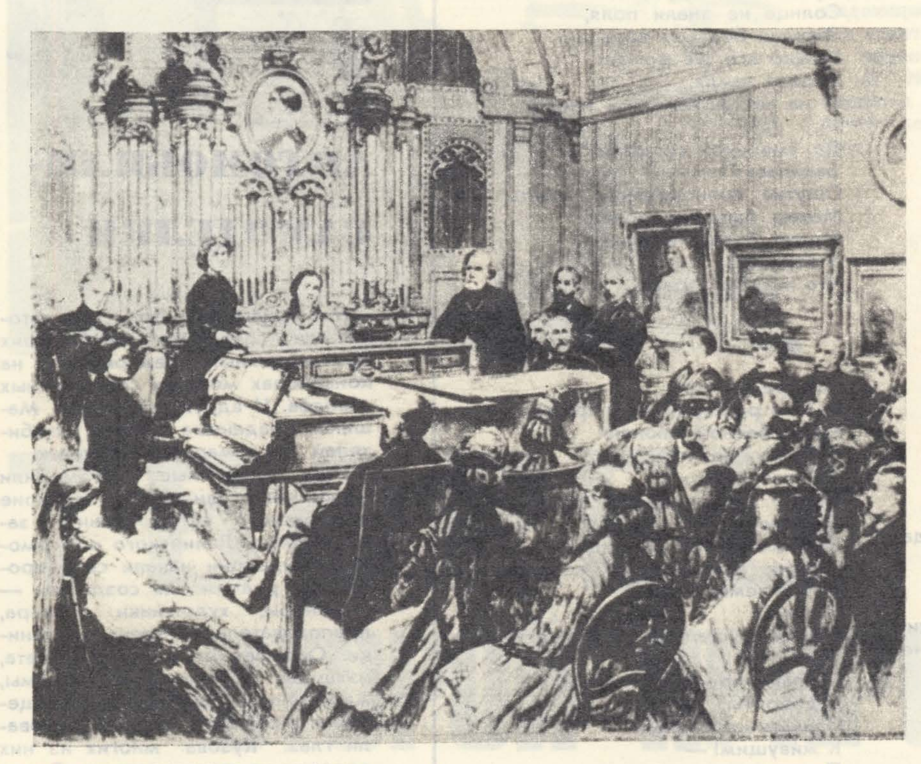
Братья Бабаян из Еревана создали дачу на колесах: большой салон со столом на пятнадцать мест, умывальник, кухня, спальня и даже солярий на крыше. Несколько автомобилей спортивного типа: стремительные формы, низкая посадка, мощные двигатели, яркие цвета.

Конкурсы самоделок начали проводиться с 1964 года, но тогда конструкции еще делались из листового железа и дерева и выезжать на таких аппаратах далеко не разрешалось. А нынешним летом более дюжины самодельных машин промчались по горным дорогам Грузии, Армении и Азербайджана.

Анатолий Невзоров из Москвы дважды модифицировал свой знаменитый «Шмель», на счету которого 300 тысяч километров без капитального ремонта. Юрий Санько из города Рубежное Ворошиловградской области сконструировал пластиковую «Волгу». XIII автопробег самодельных автомобилей был посвящен 50-летию первых пятилеток. Участники пробега посетили комсомольские стройки: «Атоммаш», оросительную систему под Волгоградом, ГЭС на Ингури, Сумгаит, Севано-Разданский каскад ГЭС, тоннель Арпа — Севан.

Александр КУЛЕШОВ

ТУРГЕНЕВ И ФРАНЦИЯ

И. С. Тургенев в салоне Полины Виардо

Галина ВИННИКОВА, кандидат филологических наук

Искусство сближает народы, способствует их взаимопониманию и дружбе. Современные прогрессивные деятели культуры разных стран активно трудятся на этом благородном поприще. Одним из первых русских писателей И. С. Тургенев понял необходимость установления дружеских связей между народами мира и много сделал для того, чтобы такие связи стали реальностью.

Имея в виду славянские народы, между которыми, как он считал, уже существовала «обнимающая» их «духовная связь», Тургенев писал, что она должна «посредством взаимного обмена мыслей и чувств принести со временем прекрасные и благотворные плоды». И он делал все, чтобы устанавливались и укреплялись такие связи.

Именно Тургенев стал самым активным пропагандистом русской литературы на Западе и западной в России. Зная много языков, Тургенев неустанно всемерно содействовал и тем, кто переводил его сочинения, а также сочинения его соотечественников на различные языки мира, и тем, кто переводил произведения западных писателей на русский язык. Одновременно, не жалея сил, он и сам работал как переводчик своих и чужих книг. Тургеневу очень помогало то, что он многих своих знаменитых современников, живших в разных странах, знал лично. Среди зарубежных писателей, критиков, переводчиков, музыкантов, художников у него были друзья и на Балканах, и в Западной Европе, и даже в Америке. Многое связывало его с Болгарией, Польшей, Германией, Англией, Италией и другими государствами.

Впервые Тургенев побывал в Париже еще мальчиком, в 1822—1823 годах, путешествуя с родителями по Европе, а снова приехал сюда спустя двадцать с лишним лет, в июле 1845 года.

В этот приезд во Францию и в следующий, в июле 1847 года, он много времени проводил в кругу семьи знаменитой французской певицы Полины Виардо, подолгу жил на ее загородной вилле в Куртавнеле. Со всей семьей Виардо у Тургенева сразу сложились самые близкие, дружеские отношения, продолжавшиеся до конца его жизни.

В феврале 1848 года во Франции была свергнута монархия, свершилась буржуазно-демократическая революция, которая стала очень важным событием в жизни Тургенева.

Зрелище предреволюционной Европы 1847 года, а затем и самой революции во Франции потрясло молодого писателя.

Еще в Московском университете, куда Тургенев поступил в 1833 году, началось его приобщение к миру революционных идей и прежде всего к идеям Великой Французской революции XVIII века. Известно, что уже в студенческие годы Тургенев восхищался такими ее деятелями, как Мирабо и Робеспьер, Фукье-Тенвиль и Шалье. А все увиденное и перечувствованное им в дни Французской революции 1848 года имело огромное значение для дальнейшего формирования его мировоззрения.

Весть о начале революции застала Тургенева в столице Бельгии. «Полчаса спустя,— вспоминал он позднее,— я уже был одет, уложил свои вещи — и в тот же день несся по железной дороге в Париж».

Он хотел все видеть собственными глазами и ради этого, не задумываясь, даже рисковал жизнью.

Из недавно опубликованных документов стало известно много интересных подробностей, дополнивших рассказы писателя о тех бурных днях, поведанных им в письмах к Полине Виардо, а также в очерках «Человек в серых очках» и «Наши послали!». В последнем он создал образ мужественного и благородного борца революции — «человека в синей блузе».

«Весь первый день моего пребывания в Париже,— писал Тургенев,— прошел в каком-то чаду». Иван Сергеевич видел первые баррикады на улицах восставшего города, 15 мая стал очевидцем шествия народа, направлявшегося «на штурм палаты депутатов».

Тургенев не покинул Париж и в грозные июньские дни, которые, по его словам, «такими кровавыми чертами вписаны на скрижалях французской истории».

13 июня он оказался в толпе восставших, которую с площади Согласия гнали штыками национальные гвардейцы, а через десять дней стал свидетелем уличных баррикадных боев. Однажды Тургенев попал под выстрелы около жувеневской фабрики, где долго искал в перегороженных баррикадами улочках врача для раненого. А когда распространился слух, что часть города по ту сторону Сены занята рабочими, он, преодолев большие трудности, перебрался туда.

Он видел город после боев, видел «улицы разрытые и облитые кровью, дома разрушенные...». Он был свидетелем и наступившего после подавления восстания парижского пролетариата разгула реакции, мучительно переживал ужасы расправ с восставшими, горячо сочувствовал бедственному положению рабочих, которым «нечем было жить» и которых так жестоко обманула буржуазия.

В революционном Париже Тургенев близко сошелся с немецким поэтом Гервегом, встречался с Герценом, Михаилом Бакуниным и многими другими замечательными людьми, которые принимали непосредственное участие в событиях, потрясших мир. Встречи и беседы с ними завершили политическое крещение Тургенева, полученное им на улицах восставшего города.

Тяжело страдал Тургенев и когда на близких ему непосредственных участников революционных боев обрушились репрессии. Так, 20 июня 1849 года он писал П. Виардо: «...в «Le National» я прочел прискорбное известие: передают, что арестовали несколько немецких демократов. Нет ли в числе их Мюллера? Боюсь также за Герцена. Известите меня о них, прошу Вас. Реакция совсем опьянена своей победой и теперь выскажется во всем своем цинизме».

Именно в этот период укрепляются демократические, материалистические и атеистические воззрения Тургенева.

После подавления восстания парижского пролетариата первые же реакционные действия буржуазного правительства, возглавленного с 10 декабря 1848 года Луи Наполеоном, Тургенев резко осудил. Он писал в июне 1849 года об оппозиционных силах, призывавших французов к оружию: «И они правы.— Сколько обнаружилось неумелости, самонадеянности, сколько коварства и цинизма!»

Буржуазная преуспевающая Франция только раздражала Тургенева. «Французская фраза мне так же противна как Вам, — писал он Л. Н. Толстому,— и никогда Париж не казался мне столь прозаически плоским. Довольство не идет ему...» И далее, имея в виду революционный Париж 1848 года, Тургенев многозначительно добавлял: «...Я видел его в другие мгновения — и он мне тогда больше нравился».

Именно в эти годы пребывания Тургенева во Франции была написана им бо́льшая часть знаменитого цикла рассказов о жизни русских крепостных крестьян «Записки охотника».

С огромным сочувствием встретили эти рассказы читатели не только в России, но и за ее пределами. Известны очень интересные свидетельства, что именно во Франции к «Запискам охотника» было проявлено особое внимание. Огромное число благодарных читателей этой страны по «Запискам охотника» знакомилось с Россией и ее народом.

Знаменитая французская писательница Жорж Санд, обращаясь к своему русскому собрату по перу и имея в виду «Записки охотника», писала: «Вы вводите нас в совершенно новый мир, и никакой исторический памятник не может открыть нам Россию так, как эти люди, столь глубоко изученные, и эти нравы, столь метко схваченные Вами. И при этом — такая трогательная благожелательность».

С июля 1850-го по август 1856 года Тургенев жил в России. Это был очень тяжелый период в его жизни. За издание «Записок охотника», а еще больше за прогрессивный характер его литературной деятельности вообще на писателя обрушились правительственные репрессии. Сперва Тургенев был арестован, а затем сослан в свое родовое имение.

Но и теперь не прерывалась его связь с французскими друзьями и, конечно, прежде всего с семьей Полины Виардо, переписка с которой убеждает нас не только в стремлении Ивана Сергеевича держать своих далеких друзей в курсе всех происходящих в России событий — и политических и культурных, но также узнавать от них обо всем, что свершалось тогда во Франции. Он сам много пишет о литераторах, музыкантах и художниках этой страны. Спешит узнать обо всем новом в их творчестве.

Выезжая за границу, Тургенев почти всякий раз посещал и Францию. Но с 1863 года постоянным местом жительства вне России Тургенев избрал вместе с семьей Полины Виардо Германию. Это переселение было вызвано отрицательным отношением как супругов Виардо, так и Тургенева к установившемуся тогда во Франции реакционному режиму Второй империи.

В 1870 году, находясь в Баден-Бадене, семья Виардо и Тургенев пережили много трудностей из-за происходившей тогда франко-прусской войны.

8 августа Тургенев отправился в Ибург, замок, находившийся на одной из вершин Шварцвальда. Прямо против горы, по ту сторону Рейна, из-за сплошного леса поднимались громадные клубы черного, белого, сизого, красного дыма — там после только что окончившегося сражения горел город. Где-то вдали еще слышались пушечные выстрелы.

Потрясенный всем увиденным, Тургенев поспешил сообщить о пережитых им страшных минутах тем, кто, как и он, до этого момента не мог и представить себе, какие ужасы несла людям война. В тот же день обо всем этом в надежде, что его письмо удастся опубликовать, Тургенев писал Анненкову: «Страшно и горестно было видеть в этой тихой, прекрасной равнине, под кротким сиянием полузакрытого солнца этот безобразный след войны, и нельзя было не проклясть ее — и безумно-преступных ее виновников». И главным среди них и супруги Виардо и Тургенев считали Наполеона III, принесшего огромные беды Франции и ее народу.

Очень напряженно следил Тургенев за тем, как после провозглашения во Франции республики народ, охваченный патриотическим подъемом, оказывал мужественное сопротивление врагу при защите осажденного Парижа. Он тяжело переживал бедствия Франции, несчастья, вызванные войной. С большим сочувствием наблюдал он и за общественным движением, помогавшим Франции вступить на путь демократизации.

В феврале 1871 года Тургенев — в России. Здесь он узнал, что восставший пролетариат Парижа 18 марта создал свое революционное правительство — Парижскую коммуну.

Кровавые события, связанные с расправой реакционных сил Франции над коммунарами, Тургенев сразу решительно осудил. Так, 13 июня 1871 года, узнав о падении Парижской коммуны и жестоких репрессиях, которым подверглись тогда коммунары, Тургенев писал Флоберу: «Если я не ответил Вам раньше, то лишь потому, что мне недоставало бодрости. Эти парижские события меня потрясли».

Крайне отрицательно отнесся Тургенев и к попыткам роялистов восстановить после падения Коммуны монархию. Он хотел видеть Францию страной демократической и с тем большей тревогой следил за тем, как после поражения Парижской коммуны здесь набирала силу реакция, как Третья республика превращалась в «царство пошляков» и повсюду водворялась «безвозвратная филистерская тишина и мертвая проза».

С конца 1871 года Тургенев — снова в Париже.

Здесь его окружает блестящее музыкальное общество. Как и раньше, у П. Виардо еженедельно устраиваются «музыкальные утра» с участием и самой хозяйки и ее знаменитых гостей. А среди них бывают не только представители культуры Франции и других западноевропейских стран. Часто ее дом посещают и приезжающие из России русские музыканты, писатели и художники, с творчеством которых Тургенев стремился познакомить Европу. Среди желанных ее гостей — С. И. Танеев, Антон Рубинштейн, Писемский, Глеб Успенский, Н. С. Курочкин, Илья Репин, В. Д. Поленов. В гостиной П. Виардо часто звучит музыка Глинки, Бородина, Чайковского...

Теперь Тургенев, если не уезжает в Россию, лето или часть его проводит в Буживале, вблизи Парижа. В 1875 году он вместе с семьей Виардо приобрел в этой живописной местности виллу, около которой построил для себя маленький отдельный павильон.

Имя Тургенева с шестидесятых годов приобретало все большую популярность не только в России, но и на Западе. В это время западноевропейские писатели признали в Тургеневе одного из вождей реалистического направления европейской литературы. А некоторые из них, в том числе знаменитые французские писатели Жорж Санд и Флобер, считали его своим учителем.

Самые тесные связи установились у Тургенева с представителями культуры Франции.

С Проспером Мериме Тургенев был знаком и раньше — с 1857 года. Сблизил Ивана Сергеевича с ним интерес французского писателя к России, ее культуре и литературе.

Мериме изучал русский язык и одним из первых стал переводить Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Тургенев постоянно помогал ему в этой работе, а позднее и в работе над переводами своих произведений.

Мериме, высоко ценивший талант и творчество своего русского друга, написал о нем несколько критических статей, чем способствовал росту популярности Тургенева во Франции и других странах Европы.

На протяжении всего знакомства Тургенев и Мериме переписывались. Их письма рассказывают много интересного об очень полезной деятельности этих двух замечательных людей, способствовавших росту взаимопонимания между русским и французским народами.

С Жорж Санд Тургенев впервые встретился еще в сороковых годах. Он прекрасно знал ее творчество, очень ценил его. Не соглашаясь с теми, кто в России отрицательно относился к знаменитой французской романистке, он неизменно с ними остро полемизировал. Известны его горячие споры о значении ее писательской деятельности с Львом Толстым.

На французскую писательницу огромное впечатление произвел маленький рассказ Тургенева «Живые мощи». Прочитав его, она написала Тургеневу: «Какой шедевр эта Лукерья! Какая душа и какая правдивая глубина! И какой простой и очаровательный язык! Мы все без исключения должны пойти к Вам на выучку, даже великий лама Виктор Гюго, который ищет непосредственность и небезуспешно, но сохранить ее не умеет».

Очень высоко ценил творчество Тургенева и Мопассан. Свой сборник рассказов, вышедший под названием «Дом Телье», он сопроводил следующим посвящением: «Ивану Тургеневу — дань глубокой привязанности и великого восхищения».

В статье «Иван Тургенев», написанной сразу после смерти русского писателя, Мопассан оставил интересное свидетельство. Говоря об огромном значении творчества Тургенева не только для России и ее народа, но также для народов других стран, Мопассан особо подчеркнул, что литературные мнения этого «величайшего гения русской литературы» «имели тем большую ценность и значительность, что он не просто выражал суждение с той ограниченной и специальной точки зрения, которой все мы придерживаемся, но проводил нечто вроде сравнения между всеми литературами всех народов мира, которые он основательно знал, расширяя таким образом поле своих наблюдений и сопоставляя две книги, появившиеся на двух концах земного шара и написанные на разных языках».

В этой же статье Мопассан говорил и о том, как Тургенев, умея предугадывать и распознавать самые ранние проявления новых и обычно очень важных социальных явлений жизни, рассказывал о них в своих книгах и таким образом способствовал познанию их не только в России, но и за ее пределами. Мопассан, например, писал: «Благодаря могучему дару наблюдательности, которым обладал Тургенев, ему удалось заметить пробивающиеся ростки русской революции еще задолго до того, как это явление вышло на поверхность. Это новое состояние умов он запечатлел в знаменитой книге «Отцы и дети» ... С тех пор Тургенев следил с бескорыстной страстью художника за развитием и распространением революционной доктрины, которую он предугадал, распознал и сделал общеизвестной».

Рассказал Мопассан также о том, что Тургенев расширил его собственные знания не только русской литературы, но и английской. В его статье «Заметки об Олджерноне-Чарлзе Суинберне» читаем: «Другой писатель-иностранец, величайший и наиболее богатый духом из всех, кого я встречал ... человек очень широких взглядов, имевший обо всем совершенно независимое мнение,— русский романист Иван Тургенев часто переводил мне поэмы Суинберна, восхищаясь ими. Он также и критиковал их...»

Столь высоко ценя Тургенева-человека, художника и мыслителя, Мопассан считал, что в отношении литературы его русский друг придерживался «самых современных и самых передовых взглядов». Мопассану было очень дорого и то, что любимый им русский писатель — художник-новатор, отвергавший «все старые формы» и требовавший, чтобы «давали жизнь, только жизнь — «куски жизни»...»

Так же хорошо понимали огромное значение деятельности Тургенева и многие другие французские писатели.

В 1864 году состоялась встреча Ивана Сергеевича с уже очень знаменитым в ту пору писателем Франции Альфонсом Ламартином, который, ознакомившись с произведениями Тургенева, настолько был ими восхищен, что в том же году написал интересную статью, в которой творчество Тургенева получило очень высокую оценку.

Наиболее дружеские отношения сложились у Тургенева с Гюставом Флобером. Они познакомились в 1863 году и с тех пор до самой кончины французского писателя относились друг к другу с неизменной симпатией и любовью. В семидесятых годах Иван Сергеевич часто гостил в усадьбе Флобера, в Круассе.

Флобер, считая «гиганта Тургенева», как он его называл, непререкаемым авторитетом во всем, что касалось литературы и искусства, всегда с большим вниманием относился к его творческим советам. Творчество же Тургенева было для него источником познания, а сам писатель — учителем.

«Как я вам признателен за Ваш подарок! — писал Флобер Тургеневу 16 марта 1863 года.— Только что прочел две Ваши книги и не могу отказать себе в желании выразить Вам свой восторг.

Давно уже Вы являетесь для меня мэтром. Но чем больше я Вас изучаю, тем более изумляет меня Ваш талант. Меня восхищает страстность и в то же время сдержанность Вашей манеры письма, симпатия, с какой Вы относитесь к маленьким людям и которая насыщает мыслью пейзаж. Видишь и мечтаешь...».

В свою очередь, Тургенев видел во Флобере одного из лучших современных писателей.

26 мая 1868 года он писал ему: «В Вас художник очень силен — и Вы знаете, как я восхищаюсь им и как его люблю, но я также высокого мнения о Вас как о критике и очень счастлив его одобрением ... С первого же раза, как я увидел Вас (в каком-то кабачке на том берегу Сены) — я почувствовал к Вам большую симпатию ... я мог бы разговаривать с Вами по целым неделям,— к тому же мы с Вами кроты, роющие нашу борозду в одном направлении».

Стремясь к тому, чтобы и творчество Флобера стало известно в России, к тому, чтобы и другие русские, как и он сам, с его помощью лучше узнали Францию, жизнь ее народа, Тургенев сам переводил его произведения. Так, он перевел новеллы Флобера «Легенда о святом Юлиане Милостивом» и «Иродиаду», а затем добился опубликования их в России, в «Вестнике Европы». Тургенев и Флобера приобщал к русской культуре и литературе. Например, именно благодаря ему Флобер одним из первых за пределами России познакомился с вызвавшей его восхищение эпопеей «Война и мир» тогда еще малоизвестного за границей Льва Толстого.

В период, когда после окончания франко-прусской войны, с начала семидесятых годов, вокруг Флобера объединились самые способные молодые французские писатели, образовав так называемый «кружок пяти» (в него входили Золя, Додэ, Эдмон Гонкур и Мопассан), Тургенев примкнул к этому кружку. Для него такое объединение было бесконечно дорого — он прекрасно понимал, как было оно важно, как скрепляло их дружбу.

Участники «кружка пяти» почти каждую неделю собирались у Флобера. Эти встречи, иногда затягивавшиеся на долгие часы, тоже получили свое название — «обеды Флобера».

Появление на них Тургенева всегда встречалось восторженно. Все участники этих своеобразных, приобретших вскоре широкую известность «обедов» очень любили слушать «москвича» и особенно его рассказы о России, о русской литературе и о различных случаях из русской жизни.

Эдмон и Жюль Гонкуры в своих «Дневниках» весьма подробно записали некоторые интереснейшие беседы на этих «обедах». Они сохранили для нас много рассказов Тургенева, услышанных ими тогда.

Тургенев был и постоянным посетителем происходивших опять-таки у Флобера более широких «собраний», так называемых «воскресников Флобера», на которые обычно съезжался весь цвет парижской интеллигенции. И здесь он часто знакомил своих слушателей с произведениями русских писателей.

Вот что в декабре 1875 года Флобер писал из Парижа об этих встречах Жорж Санд: «Внешне жизнь моя не изменилась: встречаю и принимаю у себя все тех же людей. Неизменные посетители мои по воскресеньям — прежде всего великий Тургенев, еще более милый, чем всегда, Золя, Альфонс Додэ и Гонкур».

Смерть Флобера потрясла Тургенева. Известие о ней застало его в России, откуда он 23 мая 1880 года писал Золя: «Удар обрушился на меня самым жестоким образом ... Мне нечего говорить Вам о своем горе: Флобер был одним из тех людей, которых я любил больше всего на свете. Ушел не только великий талант, но и необыкновенный человек, он объединял вокруг себя всех нас».

Служа делу пропаганды русской литературы во Франции, Тургенев, однако, не ограничивался популяризацией ее среди деятелей французской культуры. Он считал это важным, но недостаточным.

И он добился того, что, благодаря именно его усилиям прежде всего, во Франции (как, впрочем, и во многих других странах) появились переводы произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Крылова, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого, Писемского и других. К некоторым из этих переводов он написал очень интересные предисловия, разъясняющие иностранцам значение и особенности того или иного русского писателя.

В конце жизни, как бы подводя итог этой своей деятельности, Тургенев однажды сказал: «Считаю великим счастьем своей жизни, что я несколько приблизил свое отечество к восприятию европейской публики».

И мы сегодня знаем: как в России, так и в других странах благодарные его почитатели оценили этот благородный труд великого русского писателя. Оценили его и во Франции.

1 октября 1883 года в Париже на проводах гроба Тургенева в Россию французский писатель и публицист Эдмон Абу сказал: «Франция с гордостью усыновила бы вас, если бы вы того пожелали, но вы всегда оставались верным России ... Ей именно вы служили прежде всего и преимущественно...»

ВОЛШЕБНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Павел Владимирович Массальский... Стоит только назвать это имя, как в памяти встают образы, созданные выдающимся представителем мхатовской школы: Джингль («Пиквикский клуб» по Диккенсу), граф Альмавива («Женитьба Фигаро» Бомарше), Чарльз Сэрфес («Школа злословия» Шеридана), Вово («Плоды просвещения» Л. Толстого), Барон («На дне» Горького) и многие, многие другие...

В его искусстве есть нечто родственное пушкинскому импровизатору из «Египетских ночей» — кажется, что Массальскому ничего не стоит мгновенно переступить границу, отделяющую повседневность от волшебной территории творчества, настолько совершенны его артистическая мысль и чувство, настолько чутко и восприимчиво к прекрасному его вечно молодое сердце артиста... Редкостной красоты голос, врожденное изящество и элегантность, вдохновенная смелость, необычность и вместе с тем оправданность сценического рисунка его ролей — вот характерные черты облика артиста, которого давным-давно знает и любит зритель.

Когда Павел Владимирович впервые вышел на сцену Художественного театра? Как произошла его встреча с К. С. Станиславским? С этих вопросов началась беседа нашего корреспондента А. БАТАШЕВА с народным артистом СССР, лауреатом Государственной премии СССР, профессором П. В. МАССАЛЬСКИМ.

— Я с детства был зачарован Московским Художественным театром,— сказал П. В. Массальский.— Еще учась в гимназии, не раз бывал в театре на спектаклях и генеральных репетициях, ведь уже в 11 лет я мечтал стать актером... После гимназии занимался в драматическом кружке, которым руководил талантливый режиссер А. М. Лобанов. Спустя некоторое время этот кружок соединился со студией Ю. А. Завадского. И вот в один прекрасный день в студию пришло письмо из Художественного театра с просьбой направить к ним нескольких студийцев для участия в народных сценах. В числе прочих был командирован и я. Так я впервые получил возможность выйти на сцену моего любимого театра...

Андрей Михайлович Лобанов верил в меня и как-то сказал, что я должен почитать что-нибудь Станиславскому. Я долго готовился, волновался, и вот, наконец, эта встреча состоялась. Мне тогда был 21 год... Я читал басню «Орел и змея». Константин Сергеевич внимательно слушал и улыбался... Потом спросил: «А что бы вы хотели играть?» «Не знаю... Я все хочу!» «А в «Привидениях» Ибсена хотели бы участвовать?» «Да, да, конечно!» «Ну, что ж... Подумаем...»

Вскоре Константин Сергеевич увидел меня на репетиции эсхиловского «Прометея». Главную роль исполнял Василий Иванович Качалов. Роль была сложная, читать нужно было в темноте, на «скалах»... Василий Иванович очень уставал. И на одной из репетиций нам сказали: Качалову надо найти дублера. Стали выбирать среди участников народной сцены и почему-то выбрали меня. Нечего и говорить, как я был счастлив...

А на репетицию тем временем пришел Станиславский. Я этого не знал и продолжал очень смело читать за Качалова. А теперь узнал — мне рассказали это совсем недавно,— что Станиславский заметил тогда: «Очень, очень интересно... Этот молодой человек читал мне басню, а теперь я совсем другим увидел его в «Прометее»...».

— Кого еще вы назвали бы в числе своих учителей?

— Артист учится не только у своих непосредственных педагогов. Мне, например, очень многое дали встречи с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым. Я был занят в народной сцене в спектакле «Дни Турбиных» по его пьесе. Он отмечал каждого исполнителя, говорил, верно ли живет человек на сцене или нет, и очень точно показывал нам и подсказывал... Потом Булгаков был у нас актером и великолепно играл судью в «Пиквикском клубе». Михаил Афанасьевич замечательно читал свои пьесы — ярко, точно, образно... Никогда не забуду «Бег» в его исполнении...

— Павел Владимирович, вы прожили интереснейшую творческую жизнь. И все же... Есть ли у вас сожаления о несыгранных ролях?

— Я как-то задал такой же вопрос Качалову, и он ответил: «Я не сыграл многое из того, что хотел бы сыграть». И раз уж такой великий артист признавался в том, что не смог осуществить все свои желания, то, думаю, я тем более могу сказать о себе нечто подобное. Мне бы очень хотелось сыграть мольеровского Тартюфа или Протасова в «Живом трупе»... Хотя я и не репетировал эти роли, представление о них у меня есть.

Что ж, наверное, каждый актер испытывает такую неудовлетворенность. Однако, если бы вместо нее была бы полнейшая удовлетворенность: дескать, я уже все сыграл и больше ничего не могу и не хочу,— это было бы страшно. Это конец для актера.

Оценивая свои силы, я думаю: вроде бы я еще в состоянии осуществить свои замыслы, но, к сожалению, сделать это мне трудно, как-никак мне уже семьдесят пять...

— Мы знаем, что вы еще и педагог. Легко ли устанавливается у вас взаимопонимание со студентами?

— Иногда легко, иногда нет. Ведь мы, педагоги, видим все своими, уже стареющими, глазами, молодым же мир открывается под другим углом зрения. В этом нет ничего плохого. Было бы печально, если бы юные смотрели на мир нашими глазами, утрачивая первичность и непосредственность собственного восприятия. Молодые должны идти вперед, познавать постоянно изменяющуюся жизнь, открывать новое... А наша задача — помогать им, чтобы они не сбились с правильной дороги, чтобы в их искусстве не было лжи.

— Мхатовские актеры мало снимаются в кино. Многие зрители сожалеют об этом...

— Актеры тоже... Мне кажется, что кино расширяет диапазон творческих возможностей артиста, хотя здесь я расхожусь во мнениях с великим Станиславским. Он был против того, чтобы драматические актеры снимались в кино, так как боялся чрезмерной популярности, которая порой кружит головы молодым...

Для актера польза работы в кино, насколько я могу судить на основании собственного опыта, состоит в том, что на пленке сразу виден даже самый небольшой наигрыш. И зря некоторые актеры изо всех сил стараются продемонстрировать перед кинокамерой: я, мол, играю сурового человека; или — я рассердился, разгневался и т. д. В кино говорят так: «Если вы действительно рассердились — мы поймем это по вашим глазам. Поэтому не надо ничего показывать».

— Есть ли у вас еще какие-либо увлечения, помимо искусства?

— Когда я был помоложе, я очень любил сажать деревья. Сделал даже на даче кое-какие насаждения, прямо как чеховский дядя Ваня... И очень любил косить. До сих пор страдаю оттого, что не могу взять в руки косу — сердце не позволяет... А мне так это нравится, даже сам звук косы — такая в нем есть особенная свежесть, бесшабашность, энергия... А потом возникает тишина с шелестом трав, птичьими голосами, неслышным полетом бабочек... И сразу же рождаются мысли о театре, о ролях, и так легко и радостно становится на душе...

Фото И. Александрова

гастроли

ФРЕС УРАЛЬ ТЕАТ

Свои гастроли в Москве Свердловский государственный академический театр оперы и балета имени А. В. Луначарского открыл оперой А. Петрова «Петр I», которую автор назвал музыкально-драматическими фресками.

Фрески... Символ монументальной строгости, колористической сдержанности, долговечности... Опера Андрея Петрова — это череда фресок, извлеченных из прошлого и соединенных воедино ясностью замысла создателей спектакля, их фантазией, артистическим темпераментом.

Прозвучали первые такты. Музыка словно бы коснулась потемневшей поверхности древних росписей — и сразу ожили герои, возникли драматические конфликты, обозначая неотвратимый ход истории. И так легко, так увлекательно следить за сменой фресок, за развитием этого многопланового произведения, которое дарит нам возможность, говоря словами композитора, «услышать из нашего сегодня музыку петровской эпохи», музыку, передающую все величие деяний Петра — великого преобразователя России.

В главной роли выступил В. Огновенко. Певец не только отлично справился со всеми сложностями вокальной партии, но и показал себя одаренным драматическим актером. Он поистине живет в предлагаемых обстоятельствах, в каждой сцене открывая новые грани сложного характера своего героя. В. Огновенко удалось решить и главную задачу, которая встает перед любым исполнителем этой роли,— он сумел передать масштаб личности Петра, его вдохновенную одержимость идеей утверждения могущества России и ее народа.

Каждый из основных действующих лиц — и Меншиков (заслуженный артист РСФСР О. Плетенко), и Софья (Э. Сафонова), и Марта-Екатерина (С. Зализняк) — это необходимая фигура в лаконичной композиции фресок, со своим характером, своими красками, своей ярко индивидуальной вокально-сценической характеристикой.

Андрей Петров писал, что он хотел «создать подлинно национальное, героико-патриотическое произведение для советского оперного театра...». И Свердловский театр, осуществивший постановку «Петра I», без всякого сомнения, может считаться полноправным соавтором композитора.

Свердловчане показали в Москве еще три оперы: «Царскую неве-

КИ
СКОГО
РА

сту» Римского-Корсакова, «Силу судьбы» Верди (она исполнялась на итальянском языке) и «Даиси» Палиашвили. В каждом из этих, столь непохожих друг на друга, спектаклей свердловские артисты продемонстрировали безошибочное чувство стиля, певческую свободу, подкрепленную незаурядным техническим мастерством; творческую смелость, основанную на высокой сценической культуре. Неудивительно, что оперные спектакли свердловчан проходили при переполненном зале...

С успехом прошла и балетная часть гастрольной программы. Постановки, которые мы увидели, говорят о бережном отношении уральцев к классике и об их активном интересе к современной советской хореографии.

Любая постановка «Лебединого озера» неизменно привлекает любителей классического танца. На этот раз бессмертный балет Чайковского шел в редакции Свердловского театра. Пожалуй, не со всем здесь можно согласиться. Однако и заслуженная артистка РСФСР Е. Гускина (Одетта — Одиллия) и Ю. Веденеев (Зигфрид) сумели передать в танце ту концентрированную правду мысли и чувств, которая превращает «Лебединое озеро» в глубокое философское размышление о столкновении добра и зла, о противоречивом единстве радостного и трагического...

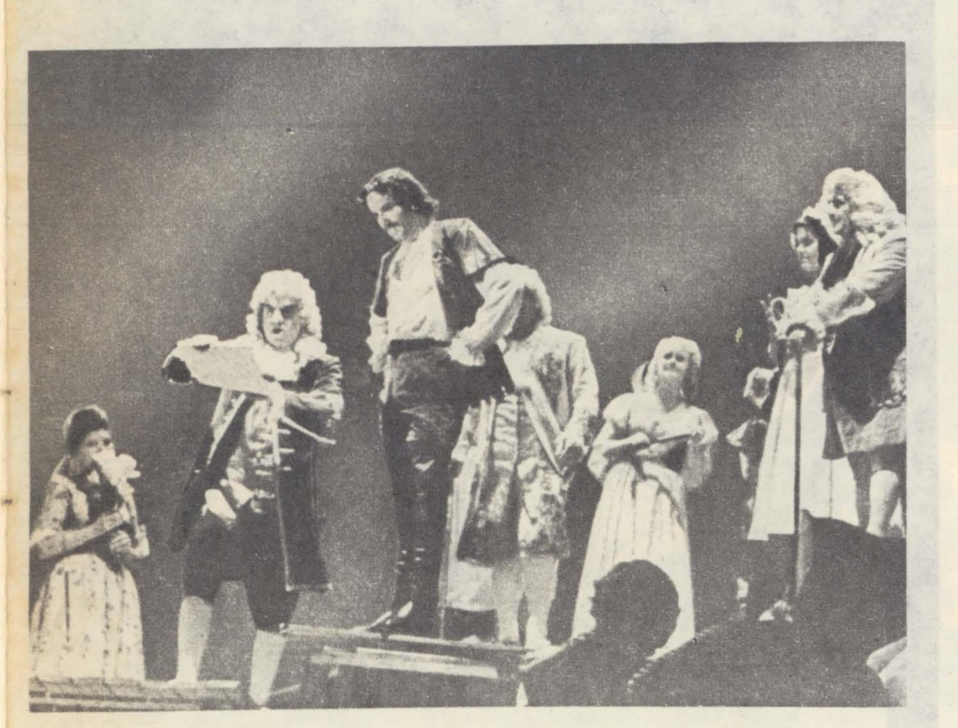
В балете «Слуга двух господ» на музыку М. Чулаки его постановщик — заслуженный деятель искусств РСФСР Н. Боярчиков проявил немалую изобретательность и остроумие, создав истинно театральное зрелище, поражающее яркостью контрастных красок, неожиданностью сценического рисунка.

Здесь обратили на себя внимание А. Федоров в роли никогда не унывающего импровизатора по прозванию Труффальдино и Г. Барсукова, исполнившая партию его подруги Смеральдины, ни в чем не уступающая своему партнеру. Разумеется, чтобы убедить в этом зрителей, артисты должны обладать совершенной техникой, легкостью и изяществом, без которых нет и не может быть настоящего экспромта, розыгрыша, шутки. А. Федоров и Г. Барсукова своим искусством доказали, что у них есть и вкус и мастерство, необходимые для того, чтобы воплотить на балетной сцене лукавых и озорных героев...

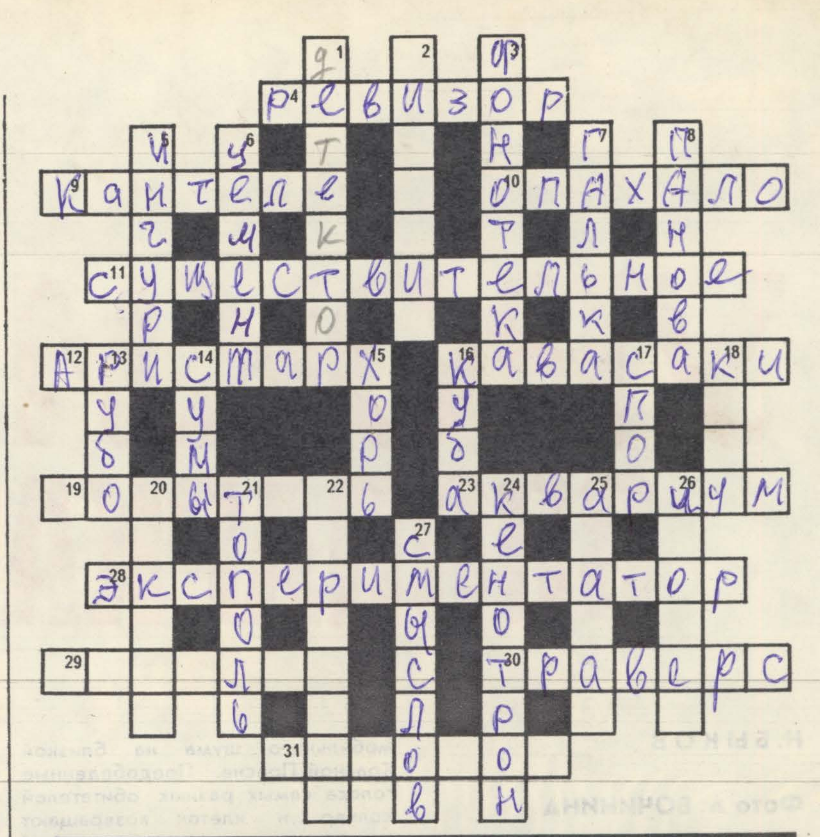
Запомнились в исполнении свердловских артистов и «Шопениана», и «Большое классическое па» из балета Минкуса «Пахита» и «Кармен-сюита» Бизе — Щедрина... Показанные в один вечер, эти три одноактных балета стали свидетельством широты творческих возможностей свердловчан, их хореографической эрудиции, желания постоянно искать и открывать новое в безгранично многообразном искусстве хореографии.

Московская публика знает толк в балете, и аплодисменты, которыми она щедро награждала уральцев, были не просто данью вежливости, это была благодарность свердловским артистам за их искреннее, отмеченное печатью высокого профессионализма искусство.

А. МИХАЙЛОВ

Сцена из спектакля «Петр I». Фото М. Строкова

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Комедия Н. В. Гоголя. 9. Карельский и финский музыкальный инструмент. 10. Большой веер. 11. Часть речи. 12. Древнегреческий астроном. 16. Рыболовный моторный бот на Дальнем Востоке. 19. Лекарственное травянистое растение. 23. Искусственный водоем для содержания рыб. 28. Специалист, занимающийся научными опытами. 29. Русский натуралист и путешественник XIX века. 30. Направление, перпендикулярное курсу судна. 31. Песня времен гражданской войны.

По вертикали: 1. Электромагнитное устройство в одной из систем телефонной связи. 2. Спутник планеты Уран. 3. Собрание, архив звукозаписей. 5. Река в Грузии. 6. Минеральный строительный материал. 7. Опера С. Монюшко. 8. Советская писательница. 13. Живописец-баталист, создатель панорамы «Оборона Севастополя». 14. Областной центр на Украине. 15. Одно из главных действующих лиц рассказа И. С. Тургенева из «Записок охотника». 16. Социалистическое государство. 17. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 18. Озеро в Африке. 20. Животное, обитающее в Южной и Центральной Америке. 21. Лиственное дерево. 22. Горный хребет в Киргизии. 24. Электровакуумная лампа. 25. Рыба, способная передвигаться по суше. 26. Приток Дона. 27. Гроссмейстер, экс-чемпион мира по шахматам.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали: 5. Контрафагот. 6. Портик. 7. Изотоп. 9. Аргон. 11. Солодка. 13. Триолет. 15. Пломбир. 16. Достопримечательность. 17. Уральск. 19. Алгебра. 20. «Родинка». 21. Лоток. 23. Яблоко. 25. Слиток. 27. Подосиновик.

По вертикали: 1. Ворот. 2. Шторка. 3. Кармин. 4. Сопло. 6. Палеонтология. 8. Полупроводник. 10. Гром. 11. Сковорода. 12. Амплитуда. 13. Терренкур. 14. Тюбетейка. 18. Лист. 21. Лондон. 22. Ксенон. 24. Орион. 26. Индия.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Передовые строители-отделочники СУ-78 объединения «Мосотделстрой» на сооружении олимпийского гостиничного комплекса в Тропареве: Любовь Демина, Юлия Игнатенко и Александр Иванов. (См. в номере материал «Улица Демина».)

Фото М. Савина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Самоделки, на старт! (См. в номере материал «Автомобили-самоделки».)

Фото А. Кулешова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 03.09.79. Подписано к печати 18.09.79. А 00719.
Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 2297. Заказ № 1151.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

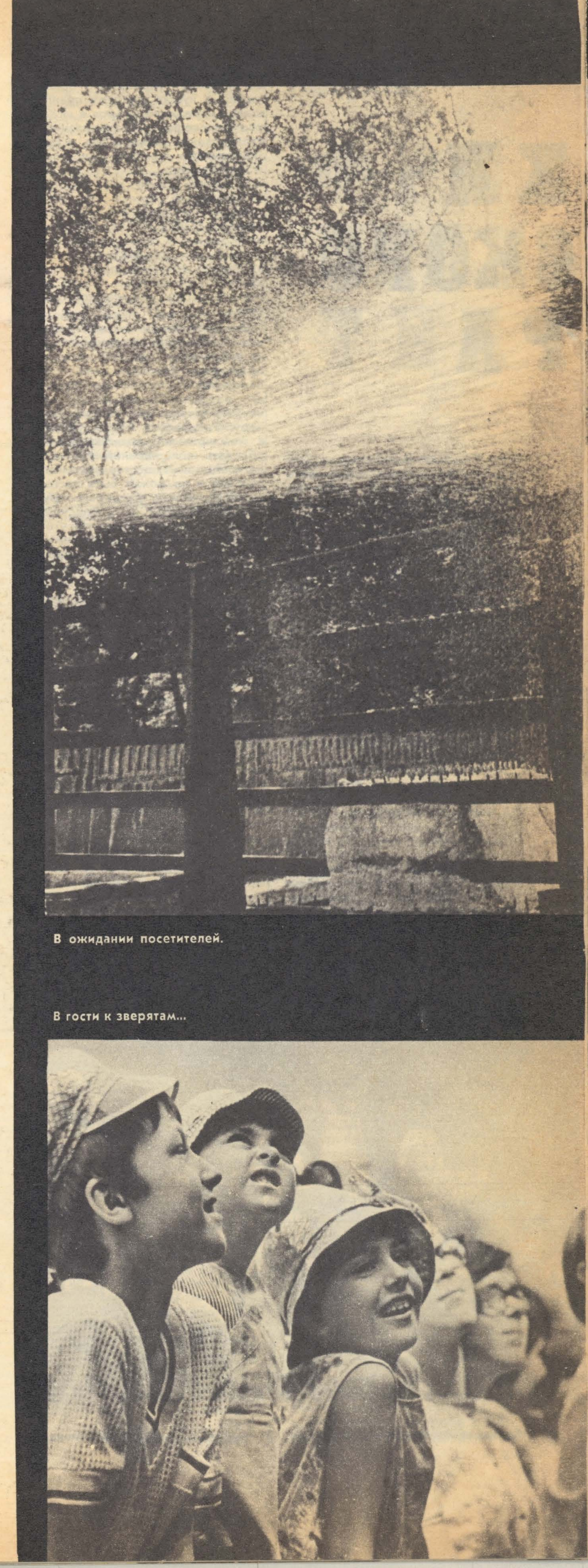
УРОКИ ЗООПАРКА

Н. БЫКОВ

Фото А. БОЧИНИНА

Хожу по знакомым дорожкам Московского зоопарка и стараюсь увидеть знакомые с детства картинки жизни четвероногих, ластоногих и крылатых горожан, обитателей клеток и вольер, скрывшихся под зеленой сенью пресненского оазиса. «Зоо — значит жизнь»,— не устаю повторять, как заклинание, стараясь разглядеть проявление таинственной жизни за сеткой и прутьями клеток. Нет, не вижу того мира, который так умилял когда-то. Зоопарк моего детства, довоенный и сразу после войны, зоопарк моих студенческих лет и детства моих детей так не похож на сегодняшний! Хотя все те же дорожки, те же пруды и деревья, тот же круг и то же вечное движение пони с колясочками против часовой стрелки. Я вижу ухоженных питомцев за легкими сетками, и вольно расселившихся водоплавающих, и недавних новоселов Москвы — пингвинов, и капитально перестроенные жилища хищников; вижу там и тут приметы больших перемен на старой и так называемой новой территории зоопарка, но все же, все же... Не сразу, нет, постепенно возвращается ко мне утраченное в круговерти десятилетий взрослой жизни ощущение праздника — встречи с прекрасными, наверное, лучшими представителями царственных и экзотических — кошачьих, парнокопытных, воробьиных. Они мои земляки, все эти львы, пони в противосолнечных шляпах, человекообразные обезьяны, напоминающие хороших знакомых, кокетливые какаду — все они красивые и такие многотерпеливые, пока их разглядывают посетители новых поколений москвичей и гостей столицы. О, какой могучий рев издают совсем нехищные на вид хищники, когда наступает час кормления!.. Я снова потрясен этим утробным клокочущим (так, наверное, клокочет лава где-нибудь на Суматре) рыком жаждущих мяса зверей. И сразу замолкают болтливые птицы, складывают с костяным стуком яркие веера павлины, уходит под воду тюлень. И, кажется, не слышно автомобильного шума на близкой Красной Пресне... Предобеденные голоса самых разных обитателей вольер и клеток возвращают мне мои давние впечатления! И ощущение близости мира всегда гостящих в городе животных, птиц, рыб. Жажда жизни, право на жизнь и снисхождение к любознательности людей — все это трубно звучит, и все это вновь я слышу в полуденном зоопарке. Снова открылись моим глазам умильные и подчас весьма серьезные мордашки мартышек. И снова рождает самые нежные чувства ламамама и ее пушистый крепконогий лама-сын. Обхожу трепетных куланов; готов преклонить голову перед памятью великого Пржевальского, завидя лошадь его имени; как бывало, снова восхищен грациозной слонихой; не могу удержаться и смеюсь проделкам озорников на такой знакомой «детской площадке»...

Прекрасное редакционное задание: прогулка по зоопарку. Готов его выполнять еще и еще раз. Зоопарк — чудо молодеющей столицы, желанный оазис среди бетона, стекла и асфальта. Без него, зоопарка, моя жизнь и жизнь моих детей была бы намного беднее. Он сам собою научил видеть, как играет, как учится жить или страдает щенок, щегленок, рыбка в аквариуме, кошка, которая настолько напоминает тигра, что ее и кошкой-то грех называть. Жизнь всего живого научил видеть зоопарк. Он такой привычный для нас, москвичей, такой трогательно стареющий, быть может, и тесный уже, и не очень-то удобный для расселения новоприбывших и ежегодно прибывающих коллекционных животных со всех континентов земного шара. Напрашивается девиз гуманных людей: все звери в гости будут к нам! А без него, без парка жизни, какой же город в наш индустриальный век!.. Спасибо зоопарку за вольных уток — за селезня и уточку,— которые поселились у нас, на чердаке многоэтажного дома, рядом с голубями. Спасибо ему за синиц, поползней и белок, которых все больше в садах и парках Москвы. Повсюду Зоо — та самая жизнь прекрасного мира, который умеет только жить и радоваться жизни. Который требует от нас понимания. Плохо забывать свое детство, его смех и слезы, поэтому и нельзя забывать зоопарк, его уроков.

В ожидании посетителей.

В гости к зверятам...

Когда было жарко...

Вся в линеечку модница зебра.

Минуты блаженства...

Одно слово — орел!

В очереди за лаской.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663